

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ РЕЧИ И ДОКЛАДЫ

Мирабо, Таллейрана-Перигора, Кондорсе, Арбогаста, Ромма,
Мишеля Лепелетье де Сен-Фаржо, Лаканалья, Сийеса, Гассенфратца
и Лавуазье

Перевод и вступительная статья **О. Е. СЫРКИНОЙ**

Под редакцией и с предисловием проф. А. П. ПИНКЕВИЧА

МОСКВА: ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ». 1926

Веб-публикация: редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения, 2009. Орфография оригинала сохранена. Ссылки и примечания, выделенные цветом, даны нами.

СОДЕРЖАНИЕ

А.П.Пинкевич. Предисловие

О.Е.Сыркина. Вопросы народного просвещения в законодательных учреждениях Великой французской революции:

Введение

Национальное Учредительное Собрание

Национальное Законодательное Собрание

Национальный Конвент

ПЕРЕВОДЫ

Таллейран. Доклад

Мирабо. О народном образовании

Кондорсэ. Доклад об общей организации народного образования

Ж.Ромм. Доклад о народном образовании в целом

Арбогаст. Доклад и проект декрета о составлении учебников

Лаканаль. Своим коллегам

Гассенфратц. I. Речь в Якобинском клубе. II. Краткие размышления о народном образовании республиканца

Лепелетье. План национального воспитания

Лавуазье. Мысли о народном образовании

ПРЕДИСЛОВИЕ

Помещенные в этой книге переводы речей, докладов и статей крупнейших деятелей французской революции, а также и вступительная статья к этим переводам выполнены преподавательницей Педагогического института имени А.И.Герцена О.Е.Сыркиной по моему предложению и при моем непосредственном участии. Это обязывает меня выяснить, чем я руководился, предлагая в качестве самостоятельной работы по истории педагогики именно эту тему.

Из всех западноевропейских революций с Октябрьской революцией имеет больше всего сходство Великая французская. Сходство это — в той глубине и широте социальных явлений, в той силе и интенсивности социальных сдвигов, которыми характеризуются обе революции. Конечно, это сходство по преимуществу внешнее, сходство некоторых революционных форм, а не существа, ибо социально-экономические базы, а главное — руководящие классы той и другой революции не одни и те же.

Французскую революцию мы все знаем довольно хорошо, в особенности ее хорошо знало поколение 1905 года: для революционеров того времени казались несомненными многие аналогии, и это привлекало к изучению ее, преимущественно по Олару, Сорелю или Блоссуⁱ. Вполне понятно поэтому, что эти источники могли дать только политическую историю революции, почти совсем не вводя в сущность социального законодательства великой эпохи. В числе немногих сочинений, доступных тогда русскому читателю, где ставились бы эти вопросы, следует указать труд Лависса и Рамбо. Естественно, что огромному большинству русской читающей публики почти совершенно неизвестно, какой характер носило законодательство по народному образованию - в различные моменты революции, каковы были те идеалы, в которые

ⁱ Франсуа Альфонс Олар (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#aulard>), Альбер Собуль (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#asb>), Вильгельм Блос (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shik_temp_mores.htm#bloss) – историки Великой французской революции конца 19 – нач. 20 вв. По указ.ссылкам собраны материалы о них и их работы.

воодушевляли руководителей Конституанты, Легислативы и Конвента в этой области. Ни в одном из популярных курсов по всеобщей истории, ни в одном из сочинений, известных русскому читателю, нет достаточно полного изложения этого вопроса.

Поэтому-то мне казалось целесообразным направить внимание молодого исследователя на эту область и в то же самое время дать русскому читателю некоторые новые (на русском языке) данные о французской революции.

* * *

Вчитываясь в речи и доклады французских революционеров, ясно чувствуешь, что интерес к вопросам народного образования у вождей и руководящих учреждений был огромен, — только наше время, только эпоха Великой русской революции может быть сравнима в этом отношении с эпохой революции французской. Ни катастрофы на военных фронтах, ни крупнейшие внутренние события (например, июньские события 1793 года или убийство Марата), ни занятость представительных учреждений вопросами огромной важности (как, например, голосование вопроса о судьбе короля в январе того же 93-го года) не отодвигают в сторону народного просвещения. Невольно вспоминаются и наши 1918 и 1919 годы, когда в разгар гражданской войны и интервенционистских попыток собираются съезды по народному образованию, на которых разрешаются сложнейшие проблемы революционного просвещения.

И это не простая законодательная работа в духе какого-либо современного буржуазного парламента. Депутаты воодушевлены реформаторскими идеями, с огромным энтузиазмом произносят речи в Законодательном Собрании или Конвенте; сотни ученых и политиков пишут статьи, делают доклады; якобинский клуб занят ими не меньше, чем Конвент. Все главнейшие вопросы — от совместного образования до роли физического труда в школе — горячо дебатуются решительно везде — от базарной площади до Тюльери, где под конец заседал Конвент. И опять-таки — только России, после столетнего перерыва, выпала честь поставить на очередь кардинальнейшие вопросы народного образования с той же глубиной и пафосом.

Ниже, в статье О.Е.Сыркиной, дается более или менее детальная характеристика педагогических идей рассматриваемой эпохи, здесь же я позволю себе подойти к некоторым из затронутых ею тем с точки зрения сравнения основных проблем революционной педагогики тогда и теперь.

Одним из главнейших принципов, руководивших революционными педагогическими мыслителями и политическими вождями обеих революций, является следующий: система и идеология школы, понимая последнее слово в самом широком смысле, никоим образом не могут быть вне политики. Современная советская власть не скрывает этого и со свойственными ей прямоотой и определенностью заявляет, что школа должна находиться в руках коммунистов и под коммунистическим влиянием. Буржуазные теоретики-педагоги делают возмущенное лицо, выдвигая требование «общечеловеческого» образования и воспитания, и негодуют на «вандалов»-коммунистов. Между тем подобное требование последних более чем естественно, — было бы странно обратное. И французская революция являет тому яркие подтверждения.

Учредительное Собрание. Доклад Таллейрана. Докладчик требует изучения национальной конституции во всех школах и самым решительным образом предостерегает тех учителей, которые будут это делать без энтузиазма. «Горе тем учителям, — говорит он, — которые будут в состоянии излагать эти благородные вопросы, оставаясь холодными среди своих учеников, кипящих молодостью и смелостью: именно этим молодым душам, свежим и чистым, так легко привить патриотический и свободолюбивый энтузиазм... Как полезно соединение изучения истории с изучением конституции!»

Но мало знать конституцию, — школа должна научить защищать и совершенствовать ее. «Необходимо, — говорит Таллейран, — чтобы декларация прав и принципы конституции сделались в будущем новым катехизисом детства, изучающимся начиная с самых низших школ». Это — в сентябре 1791 года.

Законодательное Собрание. Знаменитый доклад одного из известнейших современных философов — Кондорсе. И Кондорсе пытается провести мысль о независимости народного образования от «всякого политического давления», но тут же оговаривается, что эта независимость «не может быть абсолютной», что школы «должны зависеть от собрания народных представителей», а дальше вполне определенно высказывается за светскую школу: «Безусловно необходимо отделить от морали принципы каждой религии и не включать в народное образование преподавания какой бы то ни было религии. Религия будет проповедываться в храмах священнослужителями». Прав поэтому Жорес, говоря, что «вопрос о народном образовании и воспитании с самого начала принял резко политическую окраску: требование светской школы, выдвинутое Кондорсе и его сторонниками, было продолжением борьбы с духовенством, начатой революцией, а мотивировка в пользу ее исходила из необходимости создавать посредством целесообразной системы воспитания граждан, проникнутых духом революции и способных сознательно отстаивать завоеванную ею свободу от всех ее врагов».

Проект Кондорсе с некоторыми видоизменениями неоднократно обсуждался в течение 92 и 93 годов, и если он так и не был принят, то именно по причине отсутствия в нем требования определенного подчинения всего народного образования интересам революции. Не даром противники упрекали его в стремлении организовать «новую власть», создать «внутри нации и на ее счет грозную корпорацию» и т.д.

И сам Кондорсе, насколько можно судить по его статье, написанной в январе 1793 года, меньше чем через год после внесения своего законопроекта в Законодательное Собрание отказывается от своей первоначальной точки зрения, указывая на то, что со свержением королевской власти дело существенно изменилось: в начале 1792 года нужно было оберегать народное образование от короля и его чиновников, теперь этого делать не нужно.

Конвент. Робеспьер читает доклад (13 июня 1793) трагически погибшего в январе Мишеля Лепелетье де Сен-Фаржо

Еще решительнее проводится та же мысль, что и у Талейрана — государство требует воспитания в своих интересах, в своих целях. Теперь государство — это республика, и Лепелетье настаивает на создании учреждений, которые могли бы организовывать воспитание «действительно национальное действительно республиканское». Он хочет взять детей пятилетнем возрасте у семьи и создать из них в особых «общественных учебных заведениях» новых граждан — защитников только что созданного революционного строя: «отечество (государство) получает ребенка из рук природы и возвращает граждан обществу».

Много аналогичного имеют обе великие революции в их стремлениях к демократизации просвещения. Как и ныне, тогда оживленнейшим образом дебатировался вопрос о бесплатности, об общедоступности школы. Как и теперь, недостаток средств не позволил провести эту реформу последовательно до конца, принципиально же все крупнейшие вожди революции 1793 и 1794 годов самым решительным образом выступали в защиту широкой доступности образования для всех классов общества, даже удалось в двух декретах (19 декабря 93 г. и 17 ноября 94 г.) провести этот принцип по отношению к начальному образованию, но уже в 1795 году платность была введена (декретом 25 октября 95 года).

Возникает также и вопрос о принудительности посещения школы: Франция того времени имела приблизительно тот же процент неграмотных, что и современная Россия. Сила революции — в просвещении, это понимается одинаково отчетливо вождями обеих революций. Когда мы теперь читаем статьи о «третьем фронте», фронте просвещения, наиболее важном после военного и экономического, мы невольно вспоминаем слова Ромма: «Народное образование есть не долг и не благодеяние государства, а первая его потребность», или слова Дантона, выгравированные на его памятнике: «После хлеба воспитание есть первая потребность народа». Понятно поэтому, почему члены Конвента так настаивали на обязательности обучения. Тот же Дантон в двух словах выразил мнение эпохи: «Пора, — заявил он во время прений по закону 19 декабря 1793 г. (29 фримера II года), — напомнить великий принцип, о котором, повидимому, забывают: дети принадлежат прежде всего республике, а затем уж — родителям».

Была высказана и идея совместного воспитания, правда, робко и неопределенно, зато все видные деятели по народному образованию решительно высказываются за необходимость женского образования. Лишь немногие, а в особенности Мирабо, высказываются за то, чтобы «женщины, предназначенные для семейной жизни», воспитывались в семье, и «быть может, следовало бы пожелать, чтобы девушки никогда не выходили из-под надзора своей матери» (Мирабо). Но так говорят немногие, большинство — за равное с мужчиной, по крайней мере на первых ступенях, образование.

Однако наше время, наша Великая революция идет дальше, чем пошла, чем могла пойти французская. В то время как последняя поставила вопрос о демократизации школы и просвещения, выдвинув даже идею внешкольного образования (Таллейран, Кондорсе, Лаканаль, Сийес и др.), вопрос о воспитании французского гражданина, как члена нового революционного общества, но общества буржуазного («собственность священна!»), в эпоху революции русской мы говорим не только о демократизации, не только о воспитании гражданина современного переходного общества, — на своем знамени мы начертали лозунг социалистической школы. И хотя и тогда часто говорилось об общественном воспитании, однако французская революция не могла пойти дальше требований демократической школы, ибо она была революцией буржуазно-демократической, результатом которой могло быть лишь раскрепощение от феодальных пут уже зародившегося в недрах старого строя нового класса — «третьего сословия», которому для его преуспевания необходимы были демократизм и просвещение. Интересы промышленности выдвигаются всеми ораторами весьма отчетливо, но об интересах пролетариата, о социализме не говорит почти никто. Из числа упомянутых нами выше деятелей 1789—1794 гг. никто, кроме Лепелетье, не выступает в защиту пролетариата. Конечно, социализм Лепелетье — социализм половинчатый, однако он уже прямо ставит вопрос о том, что пролетарии «создают богатство государству, сами же находятся в ужасах нищеты», что «революция, протекающая уже в течение трех лет, сделала все для других классов общества, но еще ничего не сделала для наиболее, быть

может, нуждающегося класса — для граждан-пролетариев, единственное состояние которых заключается в их труде».

Русская же революция, руководимая партией пролетариата, идет под знаком раскрепощения от капиталистического ига, раскрепощения того «четвертого сословия», которое почти не заявляло о себе в конце XVIII века. Но, как и тогда, требования, выявляемые революционерами, сначала кажутся современникам, не находящимся в стане активных борцов за новый строй, утопичными, даже нелепыми.

Почему русская школа еще не стала в своем существе школой социалистической? По тем же причинам, по каким в конце XVIII века французская школа не стала школой республиканской. А основной причиной было противодействие отживающего строя, активное и пассивное, которое долго еще чувствуется после политической победы революции. В деле народного образования в первые дни революции это сопротивление сказывается в пассивном или даже враждебном отношении ко всем начинаниям революционного правительства основной массы деятелей по народному образованию, в несочувствии и непонимании реформ общественными группами, не являющимися руководящими в революции или (тем более!) совершенно разбитыми ею. Как во Франции 1793 года демократические лозунги гражданского и общественного воспитания выдвигались только верхами революции, далеко не одинаково понимавшими эти лозунги, что достаточно ясно показала реакция 1794 и 1795 гг., а на местах новые идеалы не были тогда поняты ни учителями, ни обывателями, так и теперь лозунги пролетарской коммунистической школы выдвинуты были партией пролетариата, а широкие слои учительства приходят только теперь к их истинному, не формальному, пониманию и действительному претворению в жизнь.

Но история за нас. Как Франция в конце концов в той или иной мере воплотила идеалы буржуазно-демократической республики (и стоит перед новой революцией!), так и мы, пережившие революцию социалистическую — в смысле передачи власти классу, чьим органическим интересом является социализм, десятком лет позже или десятком лет раньше, но все же воплотим идеалы социалистического строя. Конечно, нам вдесятеро труднее осуществить в нашей педагогической системе социалистическую идеологию, чем французам конца XVIII и XIX веков — буржуазно-демократическую. Тогда революция творилась все же «интеллигенцией», теперь «интеллигенция» в арьергарде; она была некоторое время в авангарде (до Октября), пока перед ней не встала во весь рост проблема пролетарской, социалистической революции. Поэтому нам нужно еще очень много работать, чтобы на пути к культуре социалистической овладеть достижениями культуры буржуазной: достаточно вспомнить о тех 70% неграмотных, которые служат для нас всех грозным напоминанием о необходимости неустанной просветительной работы. Тем не менее нам уже нечего ставить себе в качестве идеала требования буржуазно-демократического просвещения, — мы изжили их еще в монархический период последнего двадцатипятилетия. И лозунг «социалистической» школы, покрывающий собою понятие «трудовой» школы, должен быть для нас таким же близким, какими являлись для членов Конвента лозунги школы республиканской: ведь недаром прошло с тех пор 130 лет!

При этом коренном различии педагогических идеалов двух революций тем не менее есть много более или менее полных аналогий. На некоторые из них в добавление к уже сказанному я и позволю обратить внимание читателя.

В докладе М.Лепелетье было выдвинуто, как мы уже говорили выше, требование учреждения особых «домов равенства», в которых воспитывались бы дети от 5- до 12-летнего возраста (кстати, эта мысль высказывалась еще раньше различными педагогическими мыслителями, между прочим и в России). Через эти учреждения должны пройти в порядке полной обязательности все дети республики. Дети совершенно покидают свои семьи и «после школьного дня дети не будут возвращаться, как ранее, — одни в угнетающую атмосферу нищеты, другие — в изнеживающую обстановку роскоши... Все, из чего составляется республика, должно быть брошено в республиканскую форму...»

В наше время мы знаем многих сторонников той же идеи, видоизмененной, конечно, согласно новым условиям. С особенной настойчивостью выдвигался детский дом, как основа социального воспитания, украинскими работниками, в том числе Гр.Гринько.

«Рядом с ослаблением семьи идет и прямой ее распад. Кадры сирот и полусирот обозначают этот процесс. В соответствии с этим, охватывая детское население с его наиболее слабого, незащищенного конца, продолжая и увеличивая систему социального воспитания, возникает новая, быстро растущая в количественном и качественном отношениях организация — детские дома. Они берут на себя полностью устройство жизни, питания, обучения и воспитания детей... Будучи единственным средством спасти и воспитать наиболее слабые звенья детского населения, эта организация является наиболее правильной и совершенной формой социальной (социалистической? - А.П.) педагогики» (Г.Гринько. «Социальное воспитание детей». «Путь Просвещения», май, 1922).

Но как тогда Конвент, так и теперь Наркомпрос, признав принципиальную важность и нужность учреждения «домов», первый — с точки зрения республиканской, второй — с социалистической, отказались провести эту идею в жизнь в качестве общей меры. Интересно попутно отметить, что у Лепелетье имеются вполне определенные указания на необходимость трудового воспитания. Идея физического труда, самообслуживания подчеркнута им очень решительно. Само собой разумеется, он отнюдь не имел в виду того социалистически-трудоового воспитания, которое ныне мыслится нами, в частности и теми, кто выступает в защиту детских домов. Из числа идей, высказанных революционерами и мыслями революционной эпохи и находящих свои аналогии в наше время, отметим несколько интересных мыслей Лавуазье, Кондорсе и того же Лепелетье и Лаканаля. Великий химик, за год до своей смерти на эшафоте, представил Конвенту очень любопытный доклад о народном образовании. В нем ценны мысли о среднем профессиональном образовании, развитые им интересно и всесторонне; но не менее значительны его рассуждения о начальном образовании, имеющие в тот момент, когда пишется данная статья, положительно злбодневный интерес; остановимся поэтому на них несколько подробнее.

Примыкая к учению Локка, Лавуазье кладет в основу своих рассуждений положение сенсуалистов: нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущениях. А «отсюда следует, — пишет он, — что появившийся на свет ребенок принужден всему учиться и должен пройти, при помощи своих чувств, настоящий курс ознакомления с миром физических явлений», «все окружающие предметы являются для него пособиями, которые он употребляет». Постоянно ребенок познает целый ряд элементарных законов в области физики.

Задача воспитателя — продолжить эту работу в том же самом направлении, говорит Лавуазье, конкурируя с природой. Одних рук недостаточно, — нужно дать ему орудия, и только здесь, по его мнению, «начинается воспитание человека». Дальше Лавуазье рисует картину обучения на трудовой и технической основе: изучение действия ножа, молота, гвоздя, пилы и т.п. дает основные понятия технологии дерева. Обработка металлов не труднее: «они у детей под рукой, и легко, под видом игрушек, снабдить их всеми инструментами кузнеца». Сельское хозяйство также не сложно, его изучение ведет к элементарным занятиям по ботанике; сельскохозяйственные работы должны вестись на полях: «где же, как не на полях, может быть изучено это благодетельное для человека искусство?»

Математика связывается со всеми этими занятиями; физика от теории все время переходит к практике: расширение от нагревания — термометр, атмосферное давление — насосы, барометр и все сведения, связанные с последним, и т.д.

Необходимо, конечно, учиться писать и читать, но Лавуазье тут же предостерегает: «Будем остерегаться дать ему гибельный подарок, введя в сознание лишь понятие слова, начертанного на бумаге, а не самое понятие предмета, обозначаемого этим словом. Надо стремиться к тому, чтобы мысль никогда не разлучалась со словом».

Такие соображения высказывает Лавуазье по отношению к первой ступени; школы второй ступени имеют уже более прикладной характер с уклонами в область гуманитарную, социально-экономическую, механических и химических производств. Интересно отметить, что в этих школах, по мысли Лавуазье, математика и механика изучаются применительно к нуждам производства, а естествознание, физика и химия — как с этой же точки зрения, так и с точки зрения «самых обыденных потребностей общества».

Для тех, кто следил за последними предложениями Государственного Ученого Совета (конец 1922 г.), ясно, как близко подходит точка зрения Лавуазье к высказываемому в настоящее время!

Тот уклон в сторону естественнонаучного образования, который характерен для нашей революционной школы, ярко выражен в докладе Кондорсе, который, высказываясь самым решительным образом против изучения латинского и греческого языков, как основы образования, высказывается за преобладание математики и естествознания в следующих выражениях: «...даже самое элементарное изучение этих наук есть наиболее надежное средство развить интеллектуальные способности человека, научить его правильному мышлению и верному анализу своих мыслей... в естественных науках мысли более просты, более совершенно выражены, более строго очерчены, и слова в них выражают соответствующие идеи более точно... Нет такого ребенка, если он не абсолютно туп, который не был бы в состоянии извлечь полезных навыков из элементарных уроков и сельского хозяйства. Эти науки являются если не более надежным, то, по крайней мере, более универсальным лекарством против предрассудков и ограниченности ума, чем даже философия».

Наконец, и в области подготовки учителей в проектах Лаканаля (осень 1794 г.) мы находим ряд мыслей, имеющих значение и теперь. В особенности важно утверждение самой идеи особых педагогических учебных заведений — «нормальных» школ. Нормальная школа в Париже, открывшая свои действия в январе 1795 г., может быть, не достигла тех результатов, о которых мечтали, но явилась зерном, из которого выросла знаменитая парижская высшая нормальная школа, давшая миру столько крупных деятелей (Патер, Жорес и мн.др.).

Характерно, что и в нашу революцию власть, чувствуя огромный недостаток в учителях, обращает большое внимание на создание новых педагогических учебных заведений. Вместе с Лаканалем и Конвентом советская власть признала также и то, что «учителей нельзя искать в старых школах: они для этого непригодны»... И тогда и теперь одинаково стремятся найти учителей-революционеров, воплощающих в своей деятельности идеологию революционных классов.

Ниже, за статьей О.Е.Сыркиной, следуют переводы некоторых важнейших документов исследуемой эпохи в области народного образования. Мы стремились взять только то, что являлось оригинальным и отражало какое-нибудь новое течение. Поэтому приведены далеко не все имеющие историческое значение материалы. Мы взяли работы Мирабо (так как были убеждены, что записки, найденные в его бумагах, не могли излагать чуждых для него мыслей), Таллейрана, как представителя первого периода революции, Кондорсе, как крупнейший педагогический памятник эпохи, Лепелетье, как наиболее ярко выразившего стремления монтаньяров, Лавуазье, чья работа полна свежих и оригинальных мыслей Мы поместили и доклад Лаканалья—Сийеса, где была выражена точка зрения, отличавшаяся от наиболее авторитетного в то время мнения Кондорсе, а также приветия и едкие замечания Гассенфратца на этот проект Лаканалья; мы поместили также и два небезыңтересных доклада Ромма и Арбогаста.

Работа и переводы, помещаемые ниже, являются на русском языке первой попыткой осветить более или менее детально революционную педагогику Великой французской революции. Предлагаемый материал далеко не полон, — не все необходимые источники были в наших руках, — он не охватывает положения научных работников и организации высших школ, в нем, несомненно, немало пробелов и промахов, однако все же, кажется мне, и педагог-теоретик и педагог-практик одинаково найдут в этом материале ценные данные для пополнения своего педагогического образования.

*А. П. Пинкевич.
Апрель 1923 г.*

Настоящая работа пролежала без движения в одном из издательств два года, пока она не попала «Работнику Просвещения», выпускающему ныне ее в свет. Это обстоятельство, а также и то, что над книгой авторы работали в 1919—22 гг., когда Советская Россия была отрезана от Западной Европы, отразилось на нашей работе: далеко не использована необходимая литература и т.д. Думается все же, что и в этом виде книга будет небесполезна для читателя-педагога.

*А. П.
Январь 1926 г.*

ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ в ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Мысль о том, что Великая французская революция порождена классовой борьбой третьего сословия (буржуазии) против первых двух (духовенства и дворянства), уже давно сделалась общим местом, и причины этой буржуазной революции хорошо известны. Они заключаются в том, что буржуазия развилась и выросла, как класс, что ее торговля и промышленность, ее интересы требовали разрушения феодального государства и организации на месте его государства промышленной буржуазии. Новые производительные силы, развивающаяся промышленность, явившаяся следствием географических открытий, колонизации, увеличения количества рынков, морской торговли, расцвета денежного хозяйства и торгового капитала, успехов наук, технических изобретений и усовершенствований, совершенно не соответствовали существовавшему производственным отношениям, твердо узаконенным политической организацией феодального государства, — цеховому строю, торговым монополиям, феодальной собственности на землю, различным привилегиям и юридическим нормам этого строя. Вот как рисуют эту картину Маркс и Энгельс. Буржуазия, указывают они в «Коммунистическом манифесте», начинает развиваться еще в средние века, когда «из средневековых крепостных образовалось мещанское население первых городов», из которого и «развились первые элементы буржуазии».

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало новое поприще для растущей буржуазии. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, Уличение количества орудий обращения и вообще товаров дали неслыханный до сих пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем значительно ускорили Развитие революционного элемента в разлагавшемся феодальном обществе» (1).

«Революции 1648 и 1789 годов были не английская и французская революция, — говорит Жорес. — Это были революции европейского стиля. Они были победой определенного общественного класса над старым политическим строем; они были провозглашены для нового европейского общества. Буржуазия победила в них; но победа буржуазии была тогда победой нового общественного строя, победой буржуазной собственности над собственностью феодальной, национальности над провинциализмом, конкуренции над цехами, дележа над майоратами, просвещения над суеверием, промышленности над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями» (2). «Французская буржуазия, — нише по этому поводу Жорес, — создала свою силу, свое богатство, свои права, открывавшие перед нею почти беспредельные шансы дальнейшего развития. Словом, у буржуазии вырабатывалось классовое сознание, а мышление доходило до понимания вселенной» (3). «В период буржуазных революций, — развивает эту же мысль Бухарин, — главными оковами развития были следующие производственные отношения: во-первых, феодальная поземельная собственность, во-вторых, цеховой строй в складывающейся промышленности; в-третьих, торговых монополии, при чем все это было закреплено бесчисленными юридическими нормами» (4). «Для того, чтобы торговля могла процветать, должны были пасть привилегии дворянства, — говорит Каутский, — необходимо было реформировать армию и флот, сломить партикуляризм отдельных провинций, отменить разного рода пошлины, установленные короной и феодалами вокруг страны. Одним словом интересы торговли требовали свободы и равенства» (5). Число подобных цитат, дающих картину экономически причин революции, можно было бы увеличить до бесконечности, но для нас важно лишь одно — именно отметить, что Великая французская революция действительно возник! под натиском новых производительных сил, возникших в старых производственных отношениях.

Собственно говоря, разложение экономических основ феодального строя начинается еще с XV века. Уже тогда намечается постепенный переход от экономической структуры феодального общества к организации буржуазного общества, — так происходит переход от натурального хозяйства к денежному, цех заменяется мануфактурой, исчезает крепостная зависимость и т.д. На смену феодализму идет буржуазия; классовые противоречия налицо, но борющиеся классы (буржуазия и дворянство) еще одинаково сильны. И государство, которое, как полагает Энгельс, «возникло и потребности сдерживать классовые противоречия, но вместе с тем порождено в разгаре столкновения этих классов», временно приобретает, «в качестве мнимого посредника» (6), очень значительную самостоятельность по отношению обоим классам, — возникает абсолютная монархия, которая сосредоточив в своих руках всю власть (централизация уравнивает друг против друга дворянство и буржуазия. Но буржуазия растет и усиливается, — и перед нами крах абсолютной монархии и революция.

Мы говорили, что французская революция была борьбой третьего сословия против первых двух. Но было бы ошибочно думать, что третье сословие в эпоху революции представляло нечто единое, — этого отнюдь не было. Кунов в своей известной работе «Борьба классов и партий в Великой французской революции» дает подробное описание тех групп, которые объединялись в это время в так называемом «третьем сословии». Сюда входили, говорит он, и крупные финансисты, и торговая буржуазия, и «средняя деловая буржуазия», и более состоятельная интеллигенция*,

ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ РЕЧИ И ДОКЛАДЫ

Перевод и вступительная статья О. Е. СЫРКИНОЙ

МОСКВА, 1926

Vive Liberta и Век Просвещения. 2009

* Представителями «средней деловой буржуазии» Кунов считает жирондистов. «Жирондистская партия, — говорит он, — была парламентской представительницей средней деловой буржуазии, в особенности зажиточного торгового сословия, которое стремилось к уничтожению старинных внутренне-таможенных, налоговых и прочих помех торговому обороту, а также представительницей тех фабрикантов, которые обслуживали спрос средних слоев. В связи с этим жирондисты нашли для себя главные опорные пункты в деловых кругах и среди адвокатуры» (8).

Фрагменты труда Генриха Кунова «Борьба классов и партий 1789-1794»: http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#kunow.

Большую подборку статей и документов о жирондистах см. в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm. В частности, Э.Гусейнов, «Жиронда в период Законодательного собрания» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/guseinov2.pdf>), его же, «Жиронда и перспективные проблемы изучения Великой французской революции» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/guseinov1.pdf>).

** Представителями ее Кунов считает дантонистов. Основное ядро «партии дантонистов, — говорит он, — составляли так называемые либеральные профессии: громадная часть молодых адвокатов и врачей, литераторы, художники и т.д., академические преподаватели, за исключением университетских светил, пользовавшихся высокими должностями и почестями ...» (9).

и радикальная мелкая буржуазия^{***}, и рабочие («предпролетариат»), и интеллигентный пролетариат и т.д.

Мастерское изображение борьбы этих групп дано Куновым, к которому мы и отсылаем читателя. Нам же важно установить только общую картину, которую Кунов рисует в следующих чертах: на фоне исполинской борьбы классов, насильственного кровавого столкновения противоречивых интересов к власти последовательно поднимаются все более и более радикальные партийные группы, пока, наконец, в революционном движении не совершается поворот, и оно не возвращается к прежним этапам (7). Мы имеем перед собой Национальное Учредительное Собрание, палату крупной буржуазии, затем Национальное Законодательное Собрание, орган деловой буржуазии, Национальный Конвент до 9 термидора II года республики (27-го июля 1794 года), где господствует радикальная мелкая буржуазия, и Национальный Конвент после 9-го термидора, в эпоху реакции. Установить, каким именно образом отразилась эта борьба классов в проектах по народному образованию Учредительного и Законодательного Собраний и Национального Конвента, какую педагогическую программу выставляла каждая из этих групп, находясь у власти, и составляет задачу нашей работы

ПЕДАГОГИКА XVIII векаⁱⁱ

Какая школа была в дореволюционной Франции? Образование в дореволюционной Франции было всецело в руках иезуитов, образовательная программа школ была очень мала, — чтение, письмо, а главное, катехизис — вот все то, чему обучали в народных школах. Почти 75% населения было неграмотно. Таково было то наследие, которое оставили феодальный строй и средневековая церковь XVIII веку в сфере народного образования. Совершенно естественно поэтому, что еще задолго до революции, примерно с XV века, по мере развития торговли и промышленности, роста городов, экономического и духовного роста буржуазии и т.д. начинается борьба со старой школой. Не схоластическая учеба, а просвещение и наука и притом реальное, положительное знание, — вот то, в чем нуждалась буржуазия для построения нового общества. Катехизиса и умения рассуждать на тему о том: «Сколько ангелов может поместиться на кончике иглы?» или: «Что будет, если мышь проглотит священную облатку?» и т.д., более не нужно. Сущность науки не в умении разбираться в тонкостях схоластического мышления, а в том, чтобы накопить побольше знаний, и притом знаний, полезных и нужных в жизни как для отдельного человека, так и для окружающих его. А если нужно знание, если во имя интересов торговли и промышленности нужно просвещение, то, конечно, необходимо искать средства для их распространения, и внимание привлекается к вопросам педагогики, как науки о воспитании и образовании. Поэтому, уже начиная с эпохи Возрождения, мы наблюдаем большое оживление в работе педагогической мысли. Блестящая философия XVIII века есть результат экономического развития; точно так же обстоит дело и с расцветом педагогики в эту эпоху. Всякая наука рождается из потребностей жизни, и все направление науки, ее характерные черты, соответствует этому направлению. Так и педагогические учения XVIII века отражают устремления развивающейся буржуазии, и отражают их особенно ярко потому, что педагогика еще более, чем многие другие науки, является служанкой жизни, ибо конечная цель ее — воспитать именно для жизни, ибо школа создается обществом, а педагог работает и живет в обществе.

^{***} Представителями ее Кунов считает партию якобинцев. «Собственно центр якобинства, — говорит он, — составляли представители беднейшей парижской мелкой буржуазии той эпохи: мелких ремесленников, лавочников, низших служащих, более интеллигентной части рабочих» (10).

Но, конечно, и об якобинстве не приходится говорить, как о чем-то едином, в его среде весьма скоро создались отдельные группы, начиная от более умеренных (робеспьеристы) до более крайних (гебертисты). См. также: **Я. Старосельский, «Проблемы якобинской диктатуры»** (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/starsl_jc_1.htm), **Морис Славин, «Эбертисты под ножом гильотины»** (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm), **Я. Захер, «"Бешеные", их деятельность и историческое значение»** (http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf).

О сложности социальной идентификации и обозначающих социальную принадлежность терминах («буржуа», «трудящийся» и т.д.) см. также: **Е. Кожокин, «Французская буржуазия на исходе Старого порядка»** (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf>), его же, **«Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.»** (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>, <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>).

ⁱⁱ В дополнение к этому разделу книги рекомендуем монографию **О. Старосельской-Никитиной «Очерки истории науки и техники в эпоху Великой французской революции»** (http://vive-liberta.narod.ru/journal/strsl_science.htm), работу **В. Волгина «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке»** (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf) и **Ф. Бенуа, «Искусство Франции в эпоху Революции и Первой Империи»** об организации изучения и преподавания изящных искусств (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/art_benois.htm).

Прежде всего педагогика этого периода характеризуется стремлением к жизненному, реальному, практическому знанию, естественно-научному образованию, нужному для процветания торговли, промышленности и сельского хозяйства (отсюда позднее развивается профессиональное образование). Затем характерной чертой педагогики XVIII века является индивидуализация в деле воспитания. Это опять-таки совершенно естественно, ибо индивидуализм в идеологии («права» личности, «свобода» личности и т.д.) должен был привести к «правам ребенка (отсюда усиленное внимание к методам, формам и вопросам воспитания). Затем надо отметить сенсуализм, который, конечно, проник и в педагогику и вызвал к жизни глубокую веру в могущество воспитания, и наконец, рационализм, в свою очередь оказавший влияние на вопросы воспитания и образования, направивший внимание на методы развития человеческого интеллекта; этот рационализм заставил верить в то, что нет границ познавательной способности человека, что надо лишь дать ему развитие, что необходима широкая образовательная программа. Посмотрим, как отразились эти основные мотивы в истории педагогики.

Уже с эпохи Возрождения, по мере роста буржуазии, мы видим борьбу за жизненную школу; естественно - научное образование, которое было в полнейшем пренебрежении в средние века, выставляется эпохой Возрождения в качестве одного из ее основных лозунгов. Научить «читать книгу мира» — одна из главных задач, которую ставят себе лучшие педагоги того времени. Далее Монтэнь (1533—1592), Раблэ (1483—1553), Коменский (1592—1670) вступают в борьбу со схоластической школой. Они выдвигают требование самостоятельности, активности, жизненности образования, и ясно, что эти требования выдвигаются ими не как отдельными личностями, а в их идеях мы видим отражение педагогических идеалов развивающейся буржуазии, ее активизма. В эпоху Просвещения эта жажда реального знания еще более увеличивается, и вот перед нами педагогические трактаты Локка и Руссо — прекрасное отражение окружавшей этих мыслителей действительности.

Автор «Мыслей о воспитании» Локк (1632—1704) неоднократно подвергался упрекам в исключительном утилитаризме. Образовательная программа, которую он предлагает, включает следующие предметы: чтение, письмо, арифметика, геометрия, география, история, экономия, право, законоведение родной страны, география, рисование, языки соседних стран. Все предметы он расценивает с точки зрения утилитарной; поэтому ни латынь, ни греческий язык, ни грамматика, ни риторика, ни логика не включаются им в программу образования, хотя они и составляли центральный пункт образования в XVIII веке. Очевидно, программа, предлагаемая Локком, дает достаточно реальные знания, и стремление к реальному знанию, столь необходимому для развивающегося буржуазного общества, ярко сказывается в трактатах Локка, хотя этот трактат носит явно аристократический характер и имеет в виду, как выражается сам Локк, воспитание «джентльмена». В этом же трактате сказывается другая характерная черта эпохи, а именно — ее индивидуализм. «Душа каждого человека, — говорит Локк, — имеет какую-нибудь свою особенность, точно так же, как его лицо, отличающее его от всех остальных, и едва ли найдутся двое детей, которых можно воспитывать по одному и тому же методу» (11). Постоянно напоминает Локк о различии характеров детей, об их праве на внимание к их душевным особенностям и т.д. Другая основная черта эпохи просвещения — ее рационализм — также отражается в труде Локка. Локк рекомендует уделять более внимания развитию разума, чем приобретению знаний. Но если знания приобретаются, то это должны быть знания реальные. Дисциплина ума должна достигаться не на мертвом отвлеченном материале, а в жизненном образовании. Таким образом, у Локка мы видим синтез формального образования, когда стремятся только развить все психические способности человека, с материальным образованием, когда сообщаются знания, нужные для будущей деятельности. И, наконец, поскольку Локк является одним из основателей философского материализма XVIII века, его сенсуализм проникает и в его педагогическую теорию. «Нет ничего в интеллекте, что не было дано в ощущении», говорит он, и отсюда вытекает бесконечная вера в могущество воспитания и в значение просвещения.

Трактат Руссо «Эмил или о воспитании» еще более, чем трактат Локка, отражает характерные черты эпохи. Это произведение имело еще больший успех, чем «Мысли о воспитании» Локка. Основные идеи педагогического трактата Руссо хорошо известны; почти не существует педагогов, которые не читали бы или, по крайней мере, не слыхали бы об этой библии европейской педагогики. Цель, которую ставит Руссо воспитанию, — создание сильной, твердой, активной личности, и эта цель опять-таки соответствовала революционной позиции буржуазного общества. Поэтому, несмотря на кажущуюся враждебность Руссо по отношению к современной ему культуре («Все совершенно в руках творца, все искажается в руках человека», говорит он, и удаляет своего Эмиля на лоно природы, чтобы он не испортился под влиянием культурного общества), этот полутрактат—полуроман Руссо имел грандиозный успех именно в буржуазном обществе. Этому еще содействовал крайний индивидуализм Руссо в вопросах воспитания. Руссо — настоящий пророк индивидуалистического воспитания.

Он желает только развития личности, он далек от так называемого «общественного» воспитания, когда человек воспитывается не только как индивидуальность, но и как член определенного целого, имеющий определенные обязанности по отношению к этому целому. Отдельный руководитель для каждого воспитанника, посвящающий всю свою жизнь своему ученику и его развитию, — вот то, чего желает Руссо. Воспитание должно соответствовать природе воспитанника, принцип природосообразности, «естественности» определяет всю теорию воспитания. «Каждый ум имеет свой собственный склад, сообразно с которым и следует управлять им. Осторожный наставник должен долго наблюдать природу ребенка, хорошо следить за ним прежде, чем скажет ему первое слово» (12). Каждый ребенок имеет свой особый темперамент, говорит Руссо, и не подавлять должны мы его, а наоборот, всячески его развивать и совершенствовать. Надо предоставить полную свободу развитию природы (13). Индивидуалистическое воспитание по самой сущности своей должно предоставлять широкое поприще самостоятельности, активности ребенка. Так и поступает Руссо. Никаких наказаний, кроме естественных; роль воспитателя — более отрицательная, чем положительная. Подобно Локку, и Руссо является сенсуалистом. Он также указывает на то, что душа ребенка «*tabula rasa*» и что только ощущения делают его человеком. Поэтому и придавал он такое большое значение воспитанию органов чувств, тому, что мы теперь называем «сенсорной культурой». Правда, еще Амос Коменский указывал на необходимость развивать органы чувств, но Руссо уделил этому вопросу особенно много внимания. Много страниц во второй книге «Эмилия» (их всего пять) посвящено этому вопросу. Первые способности, развивающиеся и совершенствующиеся у нас, — это внешние чувства, говорит он, следовательно, их нужно воспитывать прежде всего, а между тем ими-то пренебрегают более всего. Упражняйте не одни только силы, упражняйте все чувства, которые ими управляют (14). Конечно Руссо, как сенсуалист, твердо верил в могущество воспитания и считал чрезвычайно важной задачей организацию такой обстановки, которая действительно позволяет развиваться природным качествам ребенка.

Что касается образовательной программы, то Эмиль получает почти исключительно естественнонаучные знания. География, астрономия, физика, естествознание — вот центр образовательной программы для Руссо.

Мы не ставим себе здесь задачей дать исчерпывающую характеристику педагогического учения Руссо (это и не входило в наши цели). Обилие ценных педагогических идей, не потерявших значения и в наше время, столь велико в педагогическом трактате Руссо, что изложение всей его системы завело бы нас слишком далеко. Ведь мы рассматриваем педагогическую систему Руссо только с целью показать, как отразились основные педагогические идеи эпохи (сенсуализм и индивидуализм в педагогике, стремление к реальному знанию и т.д.) в педагогической литературе того времени. Характеристика же педагогической системы Руссо по существу — дело специальной монографииⁱⁱⁱ.

Но во всяком случае мы установили, что интерес к вопросам педагогики появился еще до революции. Этому содействовали, с одной стороны, потребности жизни, а с другой стороны, этот интерес усилился появлением трактату Локка и Руссо с характерной для этих мыслителей верой в могущество воспитания. От воспитания еще до революции стали ожидать бесконечно многого.

Совершенно естественно поэтому, что абсолютная монархия XVIII века стремится вырвать народное образование из рук церкви и сосредоточить его в руках государства. Уже тогда начинают сознавать, что школа — могущественное орудие классовой борьбы, и абсолютная монархия желает овладеть этим средством; недаром высказывает Мария-Терезия свое знаменитое изречение: «Школа — это политическая задача». Появляется идея государственного воспитания. Это совершенно естественно. Если в феодальном строе, когда церковь была главным феодалом, воспитание было сосредоточено в ее руках, то с ростом буржуазии и, следовательно, классовой борьбы, с развитием торговли и промышленности воспитание должно быть изъято из рук церкви, потому что, во-первых, церковь не в состоянии дать тех практических знаний, которые необходимы торговле и промышленности а, во-вторых, потому, что с обострением классовой борьбы, государство начинает особенно остро ощущать необходимость воспитывать послушных, приемлющих существующий строй граждан, преданных слуг монархии, — и еще до революции начинают гонения на иезуитов и их коллежи.

Педагогическая литература рассматриваемой эпохи дает возможность утверждать, что интерес к вопросам государственного воспитания очень велик. Уже в 1763 году генеральный прокурор парламента Бретани Шалотэ выступил с определенно сформулированным требованием государственного воспитания. «Опыт о национальном воспитании» Шалотэ имел большой успех и был переведен на несколько языков». Ранее образование было далеко от жизни, — говорит Шалотэ. — Оно было сосредоточено в руках церкви. Государство обязано вырвать молодое поколение из рук церкви и дать ему воспитание, основанное единственно на разуме.

ⁱⁱⁱ Подборка материалов о Ж.-Ж.Руссо: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jrrss>.

Я считаю нужным требовать для нации воспитания, которое зависело бы только от государства, потому что дети государства должны быть воспитаны членами государства. Высшую роль в культурной жизни человечества всегда будет играть наиболее просвещенный народ. Поэтому во имя общественного блага и счастья нации, необходимо создать воспитание, необходимо подготовить подрастающее поколение к выполнению полезных для государства функций. Задача школы — сообщение познаний, необходимых различным профессиям, чтобы каждый трудился для своего счастья и для счастья других (15).

С требованием государственного воспитания выступает также в 1768 году Роллан, президент парижского парламента, известный публицист своего времени. Горячий противник иезуитских коллежей, много работавший по народному просвещению, практик и администратор, он задался целью организовать систему государственного воспитания. Образование должно быть доступным для всех граждан государства; надо создать новые школы и новых учителей, говорит он (16). Наконец, с аналогичными требованиями выступает в 1775 году Тюрго в своих «Мемуарах». Он — также убежденный сторонник идеи государственного воспитания. «Человек, — заявляет он, — имеет ряд естественных прав, к числу их принадлежит право на просвещение, и государство обязано обеспечить человеку это право. Государство обязано организовать образование, которое давало бы возможность всем его членам узнать свои обязанности по отношению к обществу. У нас есть методы и учреждения для образования геометров, физиков, живописцев, говорит он, но отчего же отсутствуют методы и учреждения для создания граждан? Тюрго желает, чтобы изучение обязанностей гражданина, члена государства, было основой всей образовательной программы. Я заявляю, говорит он, что через десять лет нация будет неузнаваема, — наши дети будут гражданами, воспитанными в государственном духе, преданными отечеству, умеющими подчиняться авторитету не из страха, а следуя разумным побуждениям, гражданами, уважающими и признающими справедливость — первую основу общественной жизни» (17). Итак, классовая борьба, с одной стороны, интересы промышленности и торговли, с другой стороны, требовали «государственного» воспитания. Далее в истории педагогики это название заменяется «национальным», «гражданским», «общественным» и, наконец, «социальным». Но ведь все эти названия совершенно неприемлемы, ибо воспитание общественное — миф, так как единого общества нет, а есть только общество классовое; воспитания «национального» не должно существовать, ибо идеал марксиста — интернациональное объединение; то же самое относится и к «государственному», и к «гражданскому», и даже к «социальному» воспитанию. Здесь под различными названиями речь идет об одном и том же, а именно — о воспитании члена капиталистического общества, вооруженного знаниями, необходимыми этому обществу, и готового защищать этот капиталистический строй.

На этом закончим наше небольшое введение. Резюмируя, мы скажем: Великая французская революция была не только революцией французской, — она была, как выражается Маркс, революцией европейского стиля. Она окончательно освободила буржуазию из оков феодального строя. Борьба против феодального строя велась еще задолго до революции. Об этой борьбе свидетельствуют наука, философия и экономика XVIII века. Материализм, сенсуализм, индивидуализм, рационализм философии и педагогики эпохи просвещения, ее увлечение естественными науками, преклонение перед просвещением, жажда знания — все эти характерные черты созданы ее экономикой. Но каждая из перечисленных черт в отдельности уже является достаточной предпосылкой для усиленного внимания к вопросам педагогики, и поэтому вопросы народного образования становятся центром внимания еще до революции.

Революция же сама по себе, независимо от вышеизложенного, всегда должна уделять громадное внимание педагогике. Ведь в эпоху революции, когда разрушается все старое и строится или по крайней мере укрепляется новое, которое, быть может, назревало и до революции, подтачивая основы старого строя, сейчас же возникает стремление «сохранить завоевания революции». А для «сохранения завоеваний революции» прежде всего надо воспитать молодое поколение так, чтобы оно желало эти завоевания сохранять. И вот немедленно появляется целый ряд проектов, особых мнений, отдельных точек зрения и докладов, в которых предлагаются средства воспитать молодежь так, чтобы ее идеология соответствовала новому времени, завоеваниям революции. Так было в нашей пролетарской революции, так обстоит вопрос и в годы Великой французской революции. Мы рассмотрим ряд проектов, самых различных по существу; мы увидим, что законодательные учреждения будут принимать эти проекты, затем их же отклонять, заменять другими и вновь к ним возвращаться. Переворот был очень глубок, и хотя он назревал постепенно, и революция только завершила уничтожение феодального строя и облекла в юридическую форму организацию ранее созревшего буржуазного общества, но именно в вопросах школьного строительства приходилось проделать очень большую работу, ибо народной школы во Франции, вообще говоря, не существовало, а имевшиеся школы совершенно не отвечали революционной идеологии. Это были школы, принадлежавшие главным образом духовным конгрегациям, и их надо было закрыть или по меньшей мере в корне реформировать, к тому же вся работа в области народного образования совершалась на фоне разрухи, голода и

войны, что особенно затрудняло проведение в жизнь реформы народного образования.

Обратимся же к деятельности законодательных учреждений революции в области народного образования

2. НАЦИОНАЛЬНОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ДОКЛАД ТАЛЛЕЙРАНА

Уже выборные в Генеральные Штаты 1789 года принесли с собой в Париж ряд пожеланий от лица своих избирателей. Представители третьего сословия единогласно выставляли в числе других требований требование коренной реформы народного образования. Генеральные Штаты осаждаются письмами и петициями жаждущих просвещения, и «*Sahier*» (наказы) 1789 года ясно говорят нам, как остро ощущало, третье сословие свое невежество^{iv}. Ряд лиц выступает с новыми планами народного образования. Во всех этих планах вы сказываются требования, чтобы «после того, как будет установлен новый социальный строй на основах, наиболее соответствующих разуму, справедливости, свободе и истинному счастью», было организовано новое воспитание, которое должно укрепить «завоевания революции». Лучший путь к этому — ознакомление с установлениями нового строя. «Пусть составят учебники, содержащие в себе важнейшие основы государственного строя; они должны читаться во всех церквях и школах», требуют, например, граждане Лиона. «Пусть отпечатают и разошлют во все школы постановления, определяющие «права нации». «Пусть учителя знакомят с ними детей; пусть дети заучивают их наизусть», говорится в другой петиции. Мы не будем умножать количества подобных цитат. Достаточно сказать, что представители третьего сословия всех частей Франции неуклонно требуют организации школ. Кроме того, они высказывают твердое решение учредить такие школы, которые знакомили бы с основами нового «строю для того, чтобы «люди знали свои права и не пугались всякий раз, когда им начнут говорить о правах человека и гражданина». В этих наказах и петициях ясно видно стремление создать такие условия, которые действительно обеспечивали бы сохранение завоеваний революции. И представители третьей сословия прекрасно сознают, что народное образование — могущественнейшее средство для этой цели. Мы уже указывали выше, что и «интересы торговли и промышленности» требовали скорейшей организации народного образования.

Таковы были те причины, которые заставили Национальное Учредительное Собрание ввести во французскую конституцию 1791 года следующее основное положение: «Пусть будет создано и организовано народное образование, общее для всех граждан, бесплатное по отношению к предметам образования, необходимым для всех людей».

Учреждение отдельного комитета для разрешения вопросов, связанных с реформой народного образования, не было признано необходимым, и те из многочисленных комитетов Конституанты, которые по своей деятельности соприкасались с вопросами просвещения, принуждены были разрабатывать соответствующие законопроекты. Так, в октябре 1790 года Национальное Собрание поручило конституционной комиссии представить доклад по народному образованию и таким образом возник проект Таллейрана^{*****}, заслушанный Учредительным Собранием 10-го, 11-го, 19-го октября 1791 года. Учредительное Собрание уже заканчивало свою деятельность и не имело времени для обсуждения проекта Таллейрана. Поэтому оно ограничилось передачей проекта Таллейрана Законодательному Собранию. Но Легислатива была

^{iv} Это не совсем так. Представители третьего сословия часто давали своим детям образование лучшее, чем представители дворянства. Так, напр., А.Барнав, Б.Барер, Ж.-Н.Бийо-Варенн, М.Робеспьер, Л.-А.Сен-Жюст, Ж.Вилат обучаются в университетах, тогда как *граф* де Сен-Фаржо (М. Ле Пеллетье, о котором речь пойдет ниже) и М.-Ж. Эро де Сешель, отпрыск нетитулованной, но очень родовитой дворянской семьи, заканчивают всего-навсего коллеж. - *Прим. редакторов Vive Liberta.*

^{*****} Таллейран-Перигор (1754—1838), епископ отенский, был избран в 1789 году в Генеральные Штаты; играл выдающуюся роль в Учредительном Собрании, как блестящий, остроумный оратор, принимал участие в выработке декларации прав человека и гражданина, отстаивал гражданскую организацию духовенства, привел к присяге первых конституционных священников. По своим политическим убеждениям он был монархистом, и в эпоху террора были обнаружены его тайные сношения с Людовиком XVI. Против него было возбуждено политическое обвинение, но он эмигрировал в Америку, откуда возвратился в 1796 году, встал на сторону Бонапарта и сделался его постоянным сотрудником по всем вопросам иностранной политики. После Тильзитского мира он впал в немилость, тогда он вступил в тайные сношения с Бурбонами, имевшие целью низвержение империи и восстановление Бурбонов. После реставрации он был представителем Франции на Венском конгрессе, затем занимал пост министра иностранных дел и председателя совета министров. Эта краткая биография свидетельствует о том, что Таллейран не мог предложить никаких радикальных мер в области народного образования. — С данным утверждением автора не можем согласиться вполне. Судя по мемуарам Талейрана, изъязы современной ему системы образования он ощущал весьма остро, к тому же его отличало тонкое политическое чутье и проницательное осознание необходимости перемен. Материалы о Талейране см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#Tlr>.

гораздо радикальнее Конституанты, этой палаты финансовой буржуазии, и комитет народного образования, учрежденный Законодательным Собранием, не удовлетворился проектом Таллейрана. В своем заседании 25-го ноября 1791 г. этот комитет постановил разработать новый общий план народного образования, доклад же Таллейрана — отпечатать. Таким образом, доклад Таллейрана не имел практического значения, но имеет большую ценность, как выражение педагогических идеалов Конституанты.

Доклад Таллейрана^{*****} проникнут характерным для эпохи просвещения **уважением к образованию и науке**. «Люди признаны в настоящее время свободными, - так говорит Таллейран. — Но кто же не знает, что лишь одно образование в состоянии способствовать неуклонному распространению границ гражданской свободы и что лишь оно одно способно охранить политическую свободу от всех враждебных ей влияний деспотизма?» (18).

Вера в **природное совершенство человека** - другая характерная черта XVIII века, также сказывается в проекте Таллейрана. «Одной из наиболее выделяющихся черт человека, — говорит он, — является совершенство, и эта черта, характерная для каждого индивидуума, еще более характерна для всего человеческого рода».

Отсюда вывод: «Цель образования, вообще говоря, заключается в совершенствовании человека во всех его возрастах и в бесконечном служении просвещения и опыта человечества благу каждого и благу всего общества». Но, кроме того, цель образования заключается в том, чтобы «научить детей сделаться впоследствии гражданами», и идея гражданского воспитания в высшей степени важна для характеристики педагогических устремлений Таллейрана. Ясно, что Таллейран хочет создать члена нового политического строя, члена буржуазного общества, буржуазного государства. Конечно, Таллейран далек от классового понимания цели воспитания, когда человек воспитывается как член своего класса. Таллейран — типичный представитель «гражданского, «государственного», «общественного» воспитания, который желает воспитывать человека, как гражданина государства и члена общества, не считаясь с тем, что и общество и государство разделены на классы.

Лучшим средством для создания подобной идеологии и лучшим средством гражданского воспитания Таллейран считает **изучение основ конституции**. Надо, говорит он: «1) знать конституцию, 2) защищать ее, 3) совершенствовать ее и 4) прежде всего проникнуться принципами морали, предшествующей всякой конституции и являющейся еще более, чем конституция, защитой и гарантией общественного блага».

Отсюда различные следствия, касающиеся французской конституции. Необходимо учить знанию конституции.

Необходимо научить защищать конституцию. Необходимо учить совершенствовать конституцию.

«Необходимо научить морали, этой первой основе всякой конституции. Необходимо, следовательно, не только запечатлеть ее во всех сердцах посредством голоса чувства и совести, но и преподавать ее в школе, как настоящую науку, принципы которой соответствуют разуму всех людей и всех возрастов».

Конечно, мысли о том, что мораль есть основа всякой конституции, что существует этика, «как настоящая наука» неправильны, ибо этики, как науки, в классовом обществе, где мотивы поведения каждого человека определяются классовой борьбой, быть не может. Поэтому мы и говорим, что нет никакой «общечеловеческой» нравственности. Таллейран смотрит на эти вопросы иначе. Уже он, представитель только что победившей крупной буржуазии, подобно позднейшим буржуазным философам, ищет общечеловеческой нравственности^{*****}

Перевод и вступительная статья О. Е. СЫРКИНОЙ

МОСКВА, 1926

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{*****} Rapport sur l'instruction publique fait au nom du Comite de Constitution par M Talleyrand-Perigord, ancien eveque d'Autun, administrateur du departament de Paris, a Paris, de l'imprimerie nationale, 1791, in 8° de 124 pages. Доклад о народном образовании, представленный от имени комитета конституции Таллейраном-Перигором, епископом отенским. Париж, национальная типография, 1791, в 8°, 124 страницы. При нем имеется проект декрета в 100 страниц и несколько таблиц. Перевод части проекта см. ниже.

^{*****} «Много лет сожалели о том, — говорит он, - что мораль людей различных наций и различных религий зависит исключительно от большого числа разделявших их мнений. Из этого проистекало много зла, так как, предоставляя мораль неопределенности, часто даже абсурдности, мы ее неизменно компрометировали и сделали ее непостоянной и шаткой. Пришло время дать ей истинные основы, пришло время показать людям, что если между ними стоят пагубные разделения, то по крайней мере мораль представляет общую область, в которой они должны сойтись и соединиться. Нужно отстранить мораль от всего того, что не является моралью, чтобы связать ее со всем тем, что заслуживает нашего одобрения и благоговения, со всем тем, что является опорой для морали».

Что же касается мыслей Таллейрана о необходимости давать политическое образование, т.е. изучать политический строй, конституцию страны, общественные науки вообще, то эти идеи, конечно, должны приветствоваться. Правда, те цели, во имя которых вводит Таллейран изучение общественных наук в школу, и то освещение, в котором излагаются эти дисциплины, иные, чем в нашей современной школе. Ведь в попытках Таллейрана мы должны усматривать не что иное, как стремление создать послушного гражданина буржуазного строя, не желающего изменить этот строй в его существенных чертах. Ведь хотя Таллейран и говорит о совершенствовании конституции, но основы ее он безусловно считает непоколебимыми.

В целях гражданского воспитания он придает большое значение **самоуправлению учащихся**. Самоуправление, говорит он, воспитывает в юношестве чувства справедливости, законности и общности. Прежде, указывает он, масса предписаний между собой совершенно не связанных, произвольно появлявшихся и также произвольно исчезающих, отсутствие чувства законности как у учителей, так и у учеников, наказания, в результате приводившие к еще большей деморализации, безусловное подчинение при отсутствии чувства доверия — вот основы старой школы Франции. Теперь же учащиеся будут призваны к установлению порядка в школьной жизни; они научатся подчиняться разумной дисциплине, они научатся быть справедливыми к себе и к другим. Введение самоуправления поднимет авторитет педагогов и, что самое главное, заставит учащихся проникнуться уважением к установлениям закона. Напрасно говорят, что учащиеся в силу своей умственной незрелости совершенно не способны к проявлению разумной самостоятельности и к самоуправлению; если старшим поколениям присуща большая степень житейской опытности, зато умы молодежи более свободны от всякого рода предрассудков, затемняющих здоровое размышление старших. Молодежь особенно чутка ко всем требованиям истинной справедливости и добра, а поэтому молодые сердца и молодые умы в состоянии многое подсказать старшему поколению в исканиях методов воспитания и образования. Необходимо организовать ученические ассоциации, т.е. самоуправляющиеся школьные группы, ведающие внутренней жизнью школы. Учащимся должно быть предоставлено право административных и судебных функций в школе путем выборов представителей.

К сожалению, за этими общими фразами трудно уловить, чего хочет Таллейран, — привлечь ли учащихся активно работать в организации школы или же только заставить их самостоятельно проводить в жизнь распоряжения учителя. Вернее, конечно, последнее.

Теперь остановимся на идеях Таллейрана, касающихся **нравственного воспитания**. Предварительно укажем, что говорить о нравственном воспитании, как о чем-то совершенно неизменном, раз навсегда установленном, с точки зрения марксизма, невозможно. Ведь если нет общечеловеческой нравственности, то не может быть и нравственного воспитания, которое всеми без исключения считалось бы за действительно нравственное. Но, конечно, Таллейран далек от подобных мыслей, и он рекомендует несколько образцовых с его точки зрения, средств нравственного воспитания

Таково прежде всего **самоуправление учащихся**, как могущественное средство воспитания чувства справедливости. Между прочим, интересно отметить, что Таллейран не указывает на то, что самоуправление воспитывает учащихся коллективизм; эта мысль не привлекает его внимания, между тем как наша современная школа подходит к вопросу о школьном самоуправлении прежде всего с точки зрения создания коллективистического мирозерцания.

Важным средством в деле нравственного воспитания Таллейран считает **преподавание истории**. Все учебники истории, говорит Таллейран, должны быть проникнуты: любовью к людям, глубоким уважением к их правам и благоговейным сочувствием к их несчастиям. История покрывает славой всех, твердо и мужественно служивших человечеству и предаст презрению и позору имена тех, кто пользовали своей властью во вред людям. Повествование о том, что было должно быть одновременно повествованием о том, что должно было быть. Лишь при подобном изложении истории действительно возможно извлекать поучительные уроки из прошлого и обратить преподавание истории в поучительный курс морали.

Ясно, что Таллейран очень далек от мысли, что в преподавании истории различные события могут освещаться совершенно различно, что вся историческая оценка насквозь относительна. Между прочим, здесь — очевидное влияние Руссо, читавшего преподавание истории лучшим средством нравственного воспитания.

И, наконец, могущественным средством нравственного воспитания Таллейран считает влияние **эстетических впечатлений**. Таллейран полагает, что литература, музыка, театр, живопись и особенно национальные празднества, — одним словом, вся та грандиозная область впечатлений, которая, воздействуя на внутренний мир человека, пробуждает в нем чувство прекрасного, является средством морального влияния. «Неужели все это, — говорит Таллейран, — не есть также особый вид морального воспитания? Кто же не знает, что воображение, воспламеняющееся при виде произведения искусства, неуклонно внушает чувство подражания великим идеалам, вызывающим восторг и умиление, и что, особенно в юношеские годы, такие

ассоциации чувств и идей, такое влияние внешних впечатлений на душевную жизнь дают часто глубокие и иногда даже неизгладимые результаты? Но, конечно, подобная роль литературы и искусств может быть осуществлена только в том случае, если литература и искусства будут действительно восхвалять истину и добродетель обличать ложь и порок, но не может быть сомнения в том, что свободная нация может создать свободное искусство».

Обратимся теперь к мыслям Таллейрана о **воспитании интеллекта**. В связи с рационализмом эпохи просвещения Таллейран придает этому вопросу большое значение и посвящает много страниц отысканию лучших методов умственной дисциплины. Мы не будем воспроизводить полностью мыслей Таллейрана о методах умственного развития, ведь многое из них, безусловно, устарело. Но общая мысль важности формального развития интеллекта, безусловно, интересна. Давно пора сбросить с разума все цепи, — говорит Таллейран, — давно пора возратить уму его могущество и силу, освободить его природную энергию. Мы дадим правильные основы великому делу совершенствования индивидуальности только в том случае, если мы найдем правильные методы Умственного развития. К числу таких методов Таллейран относит прежде всего возможно большее развитие **способности внимания**. Эта способность делает наше мышление истинно свободным, мы избегаем отклонения от заданного пути, одна мысль порождает ряд других, и наши идеи соединяются в систему. Но одного внимания мало.

Правда, оно обеспечивает умственное превосходство одного человека над другим, оно придает силу нашему мышлению но ведь необходима еще правильность мышления, и мы знаем немало великих умов, затерявшихся в лабиринтах неправильного мышления. Как же предохранить разум от неправильного мышления? Конечно, самая способность к усиленному вниманию, которая позволяет человеку в течение продолжительного времени наблюдать что-либо, есть предпосылка к правильному познанию. Но крайне важно, кроме этого, научиться **мыслить математически**, т.е. точно и последовательно. Подобное мышление — верный путь к истинному познанию.

При этом развитие интеллекта должно совершаться на основе жизненных знаний. Таллейран протестует против такого воспитания интеллекта, которое «сводилось в сущности к его деморализации и подавлению», когда пищу разума составляла «целая сеть всякого рода суеверий» и «бесплодная номенклатура, перегружающая память», когда «внимание, уделяемое различным предметам, было диаметрально противоположно их истинной ценности», и он предлагает новую программу народного образования.

Всю систему народного образования Таллейран подразделяет на **четыре ступени: 1) первоначальные школы, 2) школы дистриктов, 3) школы департаментов, 4) институт для усовершенствования наук и искусств.**

В первоначальных школах изучаются чтение, письмо арифметика, география, мораль, религия, законы страны и история. В школе дистриктов к расширенному преподаванию этих предметов присоединяются физика, математика, языки ораторское искусство и логика. Школы департаментов будут подразделены на школы военные, медицинские, школы для изучения права, школы для подготовки священнослужителей. Первоначальные школы, в которых излагаются начала знаний, необходимых каждому гражданину, независимо от его будущей профессии, будут бесплатными для всех детей, а те учащиеся, которые будут признаны особо выдающимися, получат право бесплатного образования во всех школах государства.

Что же можно сказать по поводу этой программы. Прежде всего здесь интересно отношение Таллейрана к вопросам **религии**.

Мы указывали уже выше на то, что борьба со старым строем являлась в то же время борьбой с католической церковью. Уже Учредительное Собрание декретировало гражданское устройство духовенства. «Оно, — как выражается Жорес, — не подумало о том, чтобы отделить церковь от государства. Оно ни разу не подумало о том, чтобы заявить, что религия является частным делом и что государство обязано предоставлять различным религиозным мнениям свободу, но ничто иного, кроме свободы. Оно оказалось настолько робким, что не порвало уз, связующих церковь и государство, и в то же время настолько смелым, что дало церкви гражданское устройство, приспособленное к новому режиму и запечатленное революционным духом» (19). Причины подобного поведения Учредительного Собрания заключаются в том, что церковь представляла громадную силу, с которой надо было считаться, и Учредительное Собрание побоялось встать в слишком резкий конфликт с этим опасным врагом. К тому же вся философия XVIII века, в произведениях которой черпало Учредительное Собрание материал для своих реформ, не давала никаких практических указаний по этому вопросу. Насмешки и сарказмы Вольтера по поводу суеверий, догматов и чудес католической церкви, принцип веротерпимости, провозглашенный всей философией XVIII века, — вот все, что можно было извлечь оттуда, а этого было мало для практических реформ. Руссо же, властитель дум в эпоху революции, также не настаивает на отделении церкви от государства, а, наоборот, своими идеями о «гражданской религии», учреждаемой законодателем в полной гармонии с основными потребностями гражданского общества, наталкивает на мысль о гражданском устройстве духовенства. Кроме того, в церковной политике Учредительного Собрания громадную роль играло настроение населения, воспитанного в основах

католичества.

Таково было положение вопроса, и на этом фоне и рассматривал Таллейран вопрос о преподавании религии. В полном соответствии с общей политикой Учредительного Собрания в вопросах религии он далек от мысли предложить светскую, свободную от религии школу^v, — он включает религию в число предметов школьного преподавания, но он мало говорит о ней и не считает ее, как это делали ранее, исключительным средством нравственного воспитания. Здесь мы видим такую же недоговоренность до конца, как и во всей церковной политике Учредительного Собрания. Религия не исключается из школы (организуются даже специальные школы для подготовки священнослужителей), но вопрос о религии почти обходится молчанием, а та роль, которую приписывали ей в средние века и позднее, — роль важнейшего фактора морального воспитания, передается другому предмету — морали, вторая входит в число предметов школьного преподавания в качестве самостоятельного учебного предмета. Выше мы уже указывали, как расценивается с марксистской точки зрения преподавание морали, — и тот путь, на который вступила просветительная философия XVIII века, отделив мораль от религии (ведь философы XVIII века утверждали неоднократно, что история дает нам ряд примеров высокой нравственности в языческом мире и гнусных деяний в христианстве), может поэтому рассматриваться лишь, как переходный этап в этом вопросе, переходный этап между воспитанием религиозным и воспитанием социально-нравственным, чуждым всяких прописных «общечеловеческих» моральных догм.

Таким образом, идея светской школы отсутствует в проекте Таллейрана.

Затем интересно отметить то, что в смысле реального содержания образования эта программа еще сравнительно немногим отличается от программы прежних школ. Конечно, она гораздо шире, но и это расширение — только на первой ступени. На высших ступенях еще не осуществлена та идея профессионального образования, которая была столь существенно необходима развивающейся промышленности.

Бесплатное образование, как указывалось выше, дается только на первой ступени. И хотя Таллейран говорит, что «наука должна существовать для всех», что «она — общее достояние всех граждан», что «доступ к этому общему духовному сокровищу должен быть особенно облегчен тем классам и слоям общества, которые в отношении распределения материальных благ являются наиболее обделенными», — на деле получается совершенно иное.

Идея обязательности образования также отсутствует. Таллейран нигде не высказывается за обязательное посещение государственной школы. Нация предлагает блага образования, говорит Таллейран, но не навязывает их; она открывает доступ к источнику просвещения, но не насилует прав семьи. С правами семьи надо считаться, и несмотря на то, что в настоящее время масса предрассудков искажает семейное воспитание, нация надеется, что разумные основы начнут проникать в недра семей; возможно, что воспитание в будущем будет воспитанием семейным. Для осуществления этой идеи необходима соответствующая реформа семьи, а путь к этой реформе — народное образование.

В этих мыслях Таллейрана явно сказывается влияние педагогических идей Руссо, который хотел своим изолированным воспитанием подготовить новую породу людей и полагал, что эти педагогические Адам и Ева» будут сами воспитывать своих детей.

Затем отметим мысль Таллейрана о необходимости **внешкольного образования**. «Образование, — говорит Таллейран, — должно существовать для каждого возраста. Это — предрассудок, питаемый привычкой — предназначать всегда образование для молодежи. Образование должно сохранять и совершенствовать людей, получивших образование, оно является общественным и всеобщим благом, оно должно применяться к людям всех возрастов, если эти возрасты еще способны к его восприятию; однако кто же не видит, что не существует такого возраста, когда человек неспособен к полезным упражнениям, когда человеку не могут быть привиты счастливые привычки, когда ему не нужно ободрение в благих начинаниях и в просвещенных способах приведения их в исполнение, а от кого же должна исходить эта помощь, если не от образования?»

Укажем также на то, что Таллейран придает большое значение **физическому воспитанию**. «Странное особенностью большей части систем нашего современного воспитания, — говорит он, — является предоставление телу только отдыха. Нужно работать для сохранения здоровья, увеличивать силы, придавать телу гибкость и подвижность, так как физическое здоровье — большое преимущество для человека. Но это еще не все: указанные качества — основные предпосылки для изучения различных ремесел, а достижение искусства в каком-нибудь из них

^v На наш взгляд, отсутствие требования светской школы – не отражение личных взглядов Талейрана, поскольку он был или индифферентен в вопросе религии, или, возможно, был неверующим, - а, скорее, политический компромисс: открыто заговорить в тот момент об отделении церкви от государства было невозможно не только Талейрану, но и любому другому законодателю, желающему, чтобы к его мнению прислушались. – *Примеч.ред. Vive Liberta.*

одним человеком создает бесконечные радости для других людей».

И, наконец, несколько слов о взгляде Таллейрана на **женское образование**. В разрешении этого вопроса Таллейраном ясно сказывается влияние Руссо и его предшественника в этом вопросе Фенелона («О воспитании девиц», Фенелон, 1687 г.) — сторонников узкого, «семейного» воспитания женщины, будущей матери и жены. «Высшее счастье женщины — в семье, — говорит Таллейран, — поэтому не делайте себе соперников из подруг вашей жизни, не трудитесь над разрешением проблемы, уже давно решенной», так обращается он к представителям французского народа. Не питайте утопических надежд, но стремитесь к реальным благам под защитой свободы», так обращается он к французским женщинам.

Что касается **индивидуализации** в деле воспитания, то здесь Таллейран вполне отвечает индивидуализму века Просвещения. «Люди рождаются с различными способностями, обеспечивающими их благополучие и дающими им возможность выполнить свое назначение в обществе, но эти способности, вначале бездеятельные, требуют и времени, и материала, и людей для полного развития и приобретения необходимой энергии; каждый человек приходит в жизнь с полным неведением того, чем он должен и может когда-либо сделаться; именно образование должно ему это показать, именно оно должно укрепить и увеличить его природные дарования всеми методами, выработанными обществом и накопленными временем; образование является более или менее разработанным искусством выявлять в человеке всю его ценность как для него самого, так и для человечества».

Взятый весь в целом проект Таллейрана является в достаточной мере интересным. Хотя в этом проекте отсутствует еще идея школы светской, обязательной и бесплатной на всех ступенях, отсутствует, или вернее — почти отсутствует, идея профессионального, столь необходимого в конце XVIII века образования, а также и идея женского образования^{*****}, все же, по сравнению с прежней системой народного образования во Франции, здесь есть прогресс. Прежде все же начальные школы бесплатны, затем программа их гораздо шире. Интересны также идеи Таллейрана о самоуправлении учащихся о необходимости политического образования, как не потерявшие значения для современности.

Проект Таллейрана является официальным памятником деятельности Национального Учредительного Собрания в области народного образования. Но оценка этой деятельности будет неполной, если мы не рассмотрим другого, уже не официального источника, только подготовленного к докладу, но не заслушанного. Это — «Труд о народном образовании»^{*****}, приписываемый Мирабо^{*****}, популярнейшему оратору Национального Учредительного Собрания.

ДОКЛАД МИРАБО

Этот труд, как и доклад Таллейрана, не имел практического значения. Он был найден в бумагах Мирабо после его смерти и опубликован Кабанисом. Эта работа состоит из четырех речей: 1) о народном образовании, 2) о народных празднествах, гражданских и военных, 3) об учреждении национального лицея, 4) о воспитании наследного принца (20).

Подлинность этой работы весьма сомнительна. Гильом, опубликовавший протоколы комитета народного образования Законодательного Собрания и Конвента, полагает, что эти речи написаны или самим Кабанисом, ближайшим другом Мирабо, по его поручению, или же Рейбацем, ближайшим сотрудником Мирабо. Монтины, приемный сын Мирабо, издавший «Биографические, литературные и политические мемуары Мирабо, написанные им самим, его отцом и приемным сыном», Париж, 1834, полагает, что эти речи принадлежат Кабанису. С другой стороны, сохранилось письмо от 5-го октября 1790 года, написанное Мирабо к Рейбацу, в котором Мирабо предлагает Рейбацу заняться составлением плана народного образования, необходимого для представления Национальному Собранию. Во всяком случае, можно с уверенностью

***** Эти идеи появляются в революционной педагогике значительно позднее, когда у власти встанут более радикальные партии.

***** Travail sur l'education publique, trouve dans les papiers de Mirabeau l'aine, publie par Cabanis, docteur en medicine. Paris, de l'imprimerie nationale, 1791. in 8°, de 260 pages. Труд о народном образовании, найденный в бумагах Мирабо-старшего и опубликованный доктором Кабанисом. Париж, национальная типография, 1791, в 8°, 260 страниц; перевод см. ниже.

***** Граф Мирабо (1749—1791)—один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей революции, по убеждениям монархист. Он был избран в 1789 году в Генеральные Штаты от третьего сословия, и именно он убедил собрание после заседания 23 июня, когда выборным было предложено очистить зал, не расходиться и продолжать занятия. Он принимал ближайшее участие в работах Национального Собрания, но вскоре разошелся с Национальным Собранием по целому ряду существенных вопросов (veto короля, декларация прав и т.д.) и вступил в сношения с Людовиком XVI. В разгаре своей деятельности в 1791 году он умер и был торжественно погребен в Пантеоне. В 1792 Году были найдены доказательства его сношений с Людовиком XVI, и прах его был перенесен на кладбище казненных.

предположить, что высказанные в работе взгляды соответствуют взглядам Мирабо^{vi}.

Основную цель воспитания Мирабо, подобно Руссо, видит в **создании сильной и свободной человеческой личности, в развитии всех сил и способностей человека**. Мирабо полагает, что **«права» человеческой личности, «свобода» личности**, на которые он постоянно ссылается и которые составляют центральное место его проекта, требуют, чтобы **школа была вне политики**; он возмущается при мысли о том, что находятся люди, утверждающие, что школа не может быть вне политики, что она есть средство создания мировоззрения, средство сохранения «завоеваний революции». «Что касается вас, господа, — говорит он, обращаясь к законодателям, — вам не надо распространять предвзятых мнений; вашей единственной целью является создание человека, владеющего всеми своими способностями, пользующегося всеми своими правами; ваша задача заключается в создании общества из совокупности свободно развивающихся индивидуумов, в создании общей воли, составляющейся из отдельных, постоянных или переменных, в зависимости от обстоятельств, мнений. Одним словом, согласно вашим принципам, люди должны быть тем, чем они желают быть; они должны хотеть того, что им нравится, и выполнять то, в чем они условились. Совершенно не следует стремиться воздвигнуть вечное здание; следует лишь дать возможность людям понимать друг друга, чтобы уметь свободно объединять свои интересы. Совершенно не следует прививать людям определенных привычек, нужно дать им возможность воспринимать все те, которые диктуются им общественным мнением и их неиспорченными вкусами».

Мы берем этот проект, как выставляющий точку зрения, обратную убеждению, распространившемуся уже в эпоху абсолютной монархии, все более и более усиливавшемуся и заключавшемуся в признании школы могущественным средством создания определенной идеологии, соответствующей задачам и интересам государства. Таллейран говорит о необходимости гражданского воспитания, он постоянно подчеркивает необходимость создания революционной идеологии. Мирабо же, в противоположность Таллейрану, посвящает свой труд «тем из своих современников, которые ищут способов быстрого духовного возвышения народа до уровня новых законов» и считают возможным осуществление этой задачи путем народного образования. И основная мысль труда Мирабо — протест против воспитания, создающего определенную идеологию. Современникам эпохи великих преобразований, полагает он, свойственно желание все пересоздать, все изменить. Совершенно естественно и то, что они желают внушить молодому поколению любовь к этим реформам, чтобы сохранить таким путем эти реформы. Примеры идеального государственного воспитания в античной Греции, на которые так любили ссылаться ораторы Учредительного Собрания, отнюдь не доказывают, с точки зрения Мирабо, необходимости следовать в наше время подобным примерам

Мирабо подходит к разрешению этого вопроса с точки зрения индивидуализма XVIII века. В древних государствах интересы отечества заменяли человеку все радости жизни, говорит он, государство удовлетворяло все потребности человека, и во всеобъемлющем чувстве любви к родине видел он центр своих интересов. В современном же обществе настолько укрепился индивидуализм и уважение к правам человеческой личности, что интересы целого государства мыслятся неразрывно связанными с интересами отдельного гражданина. Для древних народов, говорит Мирабо, отечество было источником бытия, единственным местом, откуда они почерпали радости жизни. Все должно было быть общим — труд, игра, отдых и даже предметы преклонения. Это отечество, ради которого они лишали себя всех прав человека, давало им защиту, легкое удовлетворение всех потребностей и новые, неизведанные радости, бесконечно подымавшие душу над прежним уровнем. Современное же общество существует лишь благодаря отдельному индивиду; мам, оно должно существовать для них и употреблять в защиту каждого из них силу всех, оно обязано уважать обособленное существование, и вовсе нет надобности следовать древним законодателям, которые всегда стремились дать своим народам определенное направление и претендовали часто даже на их искажение, если можно так выразиться, на внушение им привычек, противоречащих нашим естественным предрасположениям. Что же касается вопроса о политическом образовании, то конституцию страны, конечно, необходимо изучать в школе, но не следует рассматривать ее как вечные и незыблемые основы жизни. Задача государственной власти заключается лишь в покровительстве народному образованию и в охране школы от каких бы то ни было политических влияний. Школа должна зависеть только от народных представителей, но во всяком случае не от исполнительной власти. Никакая постоянная власть не должна иметь в своем распоряжении столь грозного оружия, как просвещение. Ведь именно перо управляет мечом, дает и отнимает скипетры, ведь именно учителя юношества, различные философы и писатели заставляют народы идти по пути свободы или же повергают их в рабство

^{vi} Пожалуй, с этим можно согласиться – многое в тексте этого доклада отвечает представлению о личности Мирабо, для которого, по-видимому, характерны были индивидуалистический бунт и соответствующим образом расставленные акценты в отношениях между личностью и обществом, обществом и государством. – *Примеч. ред. Vive Liberta.*

«Вы должны ограничиться терпеливым распространением основ добродетели, с которым человечество способно вследствие свойственного ему совершенства», с такими словами обращается Мирабо к законодателям «Вы должны ограничиться созданием механизма национального воспитания, соответствующего новым иконам и духу конституции».

Таковы мысли Мирабо о взаимоотношениях школы и политической власти. В этом отношении его проект даже еще более, чем проект Таллейрана, характерен для буржуазной революции.

Весьма реакционен он и в других отношениях. Так, Таллейран выставляет требование бесплатного образования на первой ступени. Мирабо считает излишним и это **Бесплатные народные школы**, полагает он, **не нужны**. Должно существовать лишь платное образование. При платном образовании несравненно более увеличатся инициатива и соревнование как учителей, так и учеников. Учителя будут стремиться улучшить свои методы преподавания, чтобы привлечь к себе большее число учеников. Ученики будут стремиться возможно лучше использовать уроки, если эти уроки будут платными. И только для особо выдающихся учеников будут существовать стипендии.

Таким образом, и **в область просвещения Мирабо хочет ввести «свободу и частную конкуренцию»**. «Заинтересованность — наиболее естественный двигатель таланта, и на влиянии интереса и строит главным образом свои планы дельный законодатель», говорит он. Те же средства, от которых буржуазия ожидала укрепления и расцвета промышленности, Мирабо считает пригодными для организации народного просвещения.

Теперь остановимся на мыслях Мирабо о **женском образовании**. Здесь он, подобно Таллейрану, призывая на помощь авторитет Руссо, высказывается за «семейное воспитание» женщины. «Мужчины, предназначенные для деловой деятельности, должны быть воспитаны в обществе, - говорит он, — женщины, предназначенные, напротив, для семейной жизни, должны, быть может, покидать свой родной дом лишь в редких случаях. Обычно коллежи создают большее количество достойных людей, чем самое тщательное домашнее воспитание, но воспитание женщин в монастырях более портит их, чем воспитывает. Ж.-Ж.Руссо, память и деятельность которого постоянно встают в уме при каждом упоминании о свободе, философии, человеческой культуры, Жан-Жак, еще более великий, может быть, чем то множество мыслей о морали или учений, посвященных созданию постоянного счастья человека, которые заполняют все страницы его произведений, во всех своих системах общего, метафизического или политического характера, утверждает истину, столь близкую древним народам и заключающую, в том, что мужчина и женщина, в совершенстве выполняющие свои различные назначения в природе, не могут играть одной и той же роли в общественном строе, и что вечный порядок вещей давал им возможность стремиться к общей цели лишь путем предназначения им различных ролей». «Нежное сложение женщин, превосходно приспособленное для главного призвания — продолжения человеческого рода, внимательного надзора за опасностями первых лет жизнь ребенка, прикрепляет их к скромным трудам хозяйства, вследствие этого — к домашней жизни и дает им возможность найти истинное счастье, а также распространить счастье вокруг себя только в спокойных трудах уединенной жизни».

Но зато мысли Мирабо о значении **естественнонаучного образования** весьма интересны и свидетельствуют о той жажде знания, и притом реального знания, которое является характерной чертой XVIII века, когда знание стало необходимым для развития торговли и промышленности. «Повсюду изучение физики, — говорит Мирабо, - предшествовало царству просвещения и мудрости. Знание законов природы наносит смертельные удары суеверным мнениям, подготавливает уничтожение заблуждений и прокладывает дорогу истине. Создатель современной философии бессмертный Бэкон, который, предвидя каким-то особым чутьем все завоевания человеческого ума, бросился из самой гущи ложных знаний его века в будущее, чтобы направить наш путь, постоянно говорит о величии естественных наук, в которых он видит истинную основу просвещения». «Наиболее просвещенные нации сбросили свои предрассудки лишь при свете естественных наук, невежественные народ сбросят свои оковы только тем же путем. Необходимо поэтому поощрять, ободрять, облегчать изучение природы и предоставлять повсюду средства людям, стремящимся к этому роду образования».

Таковы общие идеи проекта Мирабо. И этот проект еще более даже реакционен, чем проект Таллейрана. Даже принцип бесплатного образования отсутствует в этом проекте, очевидно, Мирабо имеет в виду дать образование не низшим классам, а исключительно состоятельной буржуазии, которой не трудно оплачивать обучение детей. То же самое можно сказать, конечно, и о проекте Таллейрана, с той только разницей, что Таллейран считает начальное образование необходимым для всех, а только высшее — привилегией буржуазии. Поэтому, на ряду с красивейшими рассуждениями о пользе и важности просвещения, мы не находим в этих проектах категорического требования образования, бесплатного на всех ступенях.

Таковы те памятники, в которых отразились идеалы Учредительного Собрания в сфере народного образования. Практически же работа Учредительного Собрания свелась лишь к положению о бесплатном на первой ступени народном образовании (это положение было внесено во французскую конституцию, выше оно приведено), и некоторым незначительным декретам, имевшим в виду потребности момента, охрану памятников искусств и текущую работу учебных заведений.

Что же происходило в это время в учебных заведениях Парижа? Этот вопрос сравнительно мало исследован, но любопытные сведения можно найти в книге Сикара «Моральное» гражданское воспитание во Франции до и во время революции» (21), которая, несмотря на явно пристрастную, узко-клерикальную точку зрения автора, сообщает много подробностей из жизни французской школы того времени. Студенчество и учащиеся примкнули к революции с первых ее дней^{*****}. Первая манифестация учащихся состоялась 5-го февраля 1790 года, — в этот день учащиеся Парижа принесли клятву верности конституции и посетили клуб якобинцев; с этого момента одна манифестация следовала за другой. Особенно ярко проявилось революционное настроение учащихся на празднике федерации (объединения прежних провинций в единую нацию), когда учащимся было предложено принять участие в организации празднества. Все школы Парижа усердно работали над украшением Марсова поля, где происходило торжество. Празднество федерации еще более усилило энтузиазм молодежи. Представители Учредительного Собрания обратились к учащимся со словами: «Учредительное Собрание говорит вам вот законы, созданные для блага человечества. Помните, что вы являетесь надеждой нации. Вы рождены для свободы, для того, чтобы сохрани, конституцию и заставить уважать законы и короля. Вот дело объекта нашего уважения и нашей любви». Занятия в школах, конечно, идут вяло. Умы молодежи заняты политическими событиями. В некоторых школах занятия прекращаются, в других происходят столкновения между учениками и их любимыми учителями; дисциплина резко падает. «Занятия во многих школах прекратились, — так характеризует Таллейран положение школы в заседании Учредительного Собрания 25 сентября 1791 года, — школы остались без дисциплины, без учителей, без учеников». Эта характеристик преувеличена, но во всяком случае школа, ее дисциплина и порядки в корне изменились^{*****}.

3. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Состав Законодательного Собрания

Если Национальное Учредительное Собрание было палатой крупной буржуазии, то Законодательное Собрание было органом «деловой буржуазии», т.е. слоя, стоящего между богатыми предпринимателями и рабочим классом, — зажиточного среднего сословия. Кунов в своей цитированной выше книге разбирает вопрос о составе Законодательного Собрания. «Я постарался определить профессию и род занятий 766 депутатов, — говорит Кунов, — с некоторой уверенностью это удалось мне то отношению к 698 депутатам. Из них

185 — члены судебных учреждений, адвокаты, обвинители, нотариусы, ученые, юристы и т.д.,
314 — государственные и коммунальные чиновники (главным образом мэры, прокуроры, департаментские и городские синдики), а также другие высшие городские чиновники, по большей части тоже юристы,
38 — землевладельцы и сравнительно крупные сельские хозяева,
3 — крестьяне,

Перевод и вступительная статья О. Е. СЫРКИНОЙ

МОСКВА, 1926

***** Интересно отметить, и это в высшей степени характерно, что в 1871 году, во время Коммуны, когда у власти были рабочие, ремесленники и трудовая интеллигенция, а не буржуазия, картина была совершенно иная. Все историки Коммуны, как друзья, так и враги, отмечают поразивший их факт, что студенчество не только не примкнуло к революции 18-го марта, но, наоборот, сразу заняло враждебную ей позицию. В течение 50 лет Латинский квартал Парижа был всегда в авангарде революции. Теперь традиция была нарушена. Уже 24-го марта на собрании делегатов от различных учебных заведений, в амфитеатре медицинской школы, после страстной речи доктора Трела, была вынесена резолюция, и в которой студенчество, протестуя против действий Центрального Комитета, заявляет о своей солидарности с депутатами и мэрами Парижа и готовности бороться всеми возможными средствами против Комитета, лишённого законных полномочий. — Вряд ли можно сделать столь однозначный вывод. Во-первых, в организации и оформлении идей и требований Парижской коммуны 1871 года интеллигенция, включая студентов, играла не меньшую роль, чем рабочие. Во-вторых, сопротивление нововведениям оказывали и школьники, привыкшие к религиозной системе образования (см., напр., документы под ред. А.И.Молока «Очерки быта и культуры Парижской Коммуны» http://narod.ru/disk/8728789000/commune_mol24.pdf.html). Впрочем, 72 дней в обстановке непрекращающихся военных действий явно недостаточно для формирования устойчивого отношения к мерам Коммуны. Книги об этом периоде истории Франции см.: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune.

***** Подробнее см. в указанной выше книге Сикара.

40 — купцы, торговцы и фабриканты,
24 — духовные,
21 — медики,
41 — ученые (представители научных учреждений и преподаватели среднеучебных заведений),
33 — офицеры (включая и офицеров из национальной гвардии разных мест),
4 — ремесленники,
5 — журналисты,
20 — другие гражданские профессии, в том числе несколько домовладельцев и рантье.

И без дальнейших комментариев состав второго Национального Собрания показывает, какие интересы были в нем господствующими» (23).

Левую сторону Законодательного Собрания составляли Жирондисты. Кроме них, большое значение имела правая борона Собрания — фельянты или конституционные монархисты. Но когда в марте 1792 года Людовик XVI призвал ко власти жирондистское министерство, то и в Законодательном Собрании стали доминировать жирондисты.

Они же приобрели исключительное влияние в Комитете народного образования, который был учрежден в составе 24 членов, согласно декрету Законодательного Собрания от 14 октября 1791 года. Председателем Комитета был избран влиятельнейший вождь Жиронды — Кондорсе, один из образованнейших людей своего времени ^{*****}. Комитет энергично принялся за работу, и самое число его заседаний уже является показателем его усиленной деятельности, с 30 октября 1791 года по 20 сентября 1792 года (открытие Национального Конвента) состоялось 107 заседаний (24). В результате деятельности Комитета возник знаменитый план общей организации народного образования, составленный Кондорсе. Доклад об общей организации народного образования ^{*****}, представленный Кондорсе от имени Комитета, был заслушан Собранием 20 и 21 апреля 1792 года. Чтение доклада вызвало шумное одобрение Собрания, однако доклад не был обсужден за недостатком времени. Но хотя это грандиозный план и не имеет непосредственного практического значения, все же он является наиболее важным интересным из всего созданного революционной педагогикой. Этот доклад был положен в основу всей педагогической деятельности Национального Конвента, по постановлению которого и был опубликован в 1793 году. Все доклады по вопросам образования в эпоху Конвента так или иначе исходят из этого доклада, наиболее полного и систематического из всех докладов по вопросам просвещения. Ромм, Лаканаль, Лепелетье и другие докладчики Конвента постоянно ссылаются на доклад Кондорсе.

Обратимся же к педагогической системе Кондорсе.

Как истинный представитель эпохи Просвещения, Кондорсе, подобно Таллейрану и Мирабо, высказывает **величайшее уважение к науке и знанию** (25). Образование, с точки зрения Кондорсе, есть средство «открыть всему человеческому роду способы удовлетворить свои потребности, обеспечить свое благосостояние, познать и использовать свои права, познать и выполнить свои обязанности, дать возможность каждому легко совершенствоваться впоследствии в своей профессии, быть способным к выполнению общественных обязанностей, к которым он имеет право быть призванным, развернуть во всю ширь полученные человеком от природы таланты и таким образом осуществить фактическое равенство среди граждан и сделать реальным политическое равенство, провозглашенное законом. Просвещение, так продолжает он, — это

***** Кондорсе (1743—1794), представитель партии жирондистов одна из наиболее светлых личностей революции, человек с широким философским образованием, математик по специальности, член Академии наук друг Вольтера и Тюрго, с 1774 г принимал участие в политической жизни страны, когда он в качестве ближайшего сотрудника Тюрго Кондорсе бы убежденным физиократом, получил пост председателя комитета по уравниванию мер и весов. В 1791 году он был избран депутатом в Законодательное Собрание. Здесь он исполнял обязанности секретаря, а затем и председателя Собрания, занимался главным образом организацией народного образования. Затем был избран членом Конвента. Он был главным составителем проекта новой конституции, представленной Конвенту жирондистским комитетом. Когда эта конституция была отвергнута, и была принята конституция, составленная Геро де Сешелем, представителем монтаньяра Кондорсе напечатал «Послание к народу», подробно разбирающее недостатки этой конституции. За напечатание этого «Послания» Кондорсе был объявлен Конвентом вне закона. Долгое время он скрывался у своих друзей, а после осуждения жирондистов Конвентом в 1794 году покинул свое убежище и был найден мертвым в окрестностях Парижа. Повидимому, он отравился ядом, который носил в перстне. Характерно для него, как для представителя эпохи Просвещения, что, будучи объявлен вне закона, ее поминутно ожидая смерти, он написал одно из своих лучших произведений «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», основная мысль которого заключается в признании за человечеством способности к бесконечному совершенствованию. **Материалы о Кондорсе:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#cnd>.

***** Rapport et projet de decret sur l'organisation generale de l'institution publique, presentes a l'Assemblée Nationale au nom du Comite de l'instruction publique, des 20 u 21 avril 1792 par Condorcet (Доклад и проект декрета общей организации народного образования, предоставленные Кондорсе Национальному Собранию от имени Комитета народного образования 20 и 21 апреля 1792 года.) Перевод см. ниже.

«неисчерпаемый источник удовлетворения наших потребностей, лекарство в наших болезнях, средство к индивидуальному благу и к общему счастью».

Другая характерная черта педагогической системы Кондорсе — это вера в **способность человека к бесконечному совершенству**. В этом отношении особенно характерен его «Эскиз исторической картины развития человеческого рода», где он высказывает беспредельную веру в человека и его будущее. Той же верой в совершенство человека проникнуты и доклад Кондорсе, где он утверждает, что человеку от природы свойственно совершенство, границы которого необъятны, и другие его трактаты по вопросам народного образования. Кондорсе полагает, что бесконечное совершенство человечества есть всеобщий закон природы, что золотой век жизни человечества — царство добродетели, к которому направлены все человеческие устремления, где-то впереди и притом в недалеком будущем; каждая социальная реформа, каждое научное открытие приближают нас к этому идеальному будущему. «Я долго думал, — говорит Кондорсе, — что эти взгляды — мечты, могущие осуществиться в самом отдаленном будущем, когда меня уже не будет. Но счастливый ход событий внезапно открыл широкие перспективы надеждам человечества, — в одно мгновение мы прошли целое столетие». Безусловно, наступит такое счастливое время, когда «все причины, подчиняющиеся предрассудкам наши страсти и личные интересы, потеряют свое значение, когда просвещение будет равномерно распространено во всей стране, во всех классах одного общества, когда все науки и все приложения наук будут освобождены от ига суеверия и яда ложных учений, когда каждый человек в своих собственных знаниях, в своих справедливых осуждениях найдет оружие против всех козней шарлатанства».

Путь к этому идеальному времени определяется просвещением. Ведь именно просвещение есть средство к индивидуальному благу и счастью человечества, и «направить образование так, чтобы совершенство в науках способствовало счастью большинства граждан — вот конечная цель, к которой должны быть направлены усилия общественной власти», и общественная власть «должна рассматривать образование, как долг, возложенный интересами всего общества интересами всего человечества».

Итак, человечество способно к бесконечному совершенству, и в этом неуклонном стремлении и заключается цель человеческой жизни. Поэтому Кондорсе видит **цель образования в том, чтобы «культивировать в каждом поколении способности физически моральные и интеллектуальные и таким образом участвовать в общем и постепенно совершенствовании человеческого рода»**.

С другой стороны, необходимо воспитать человека, как будущего члена общества, гражданина, — «сделать каждого способным к выполнению общественных обязанностей, к которым он имеет право быть призванным», создать людей, умеющих «хорошо выполнять обязанности, необходимые обществу».

Таким образом ближайшую цель воспитания Кондорсе видит 1) в развитии всех природных, полезных для индивидуального человека и всего общества качеств и 2) в воспитании гражданина; конечная же цель воспитания есть совершенствование всего человечества. Он полагает, что совершенствование индивидуума ведет в конечном счете к совершенствованию рода^{*****}. При этом воспитание осуществляется на фоне усиленного внимания к индивидууму и его права Кондорсе постоянно указывает на то, что необходимо считаться с правами личности на свободу, независимость, образование и т.д.

Как же можно оценить те цели, которые ставит воспитанию Кондорсе? Против первой части возражать, конечно, приходится, и в нашей современной педагогике воспитание социально полезных качеств признается важнейшей целью воспитания, идею же гражданского воспитания мы уже оценивали выше. Что же касается идей Кондорсе о совершенствовании и воспитании всего человечества, то это — чистейшая утопия в условиях классового общества.

Всю систему образования Кондорсе делит на **пять ступеней: 1) первоначальные школы, 2) школы второй ступени, 3) институты (114 числом), 4) лицеи (9 числом) и 5) национальное общество наук и искусств**.

В первоначальных школах преподается всего, без чего человек не может обойтись в жизни, все то, что ему необходимо, какую бы профессию он ни занял впоследствии. В этих школах преподают арифметику, чтение, письмо, грамматику, элементы этики и общественного строя, элементы архитектуры и геометрии, здесь же знакомят учащихся с промышленностью и сельским хозяйством стран. Курс продолжается четыре года.

Далее следуют школы второй ступени. Здесь преподаются математика, химия, естественная история, этика, общественные науки и политическая экономия. Курс — три года.

Третью ступень образования составляют институты. Здесь будет сообщаться

***** Интересно отметить, что ту же самую мысль и почти в той же самой форме высказывал Кант: «Дети должны воспитываться не для настоящего, но для будущего возможного лучшего состояния рода человеческого...» (26). Вообще между педагогическими идеями Канта, Кондорсе и современного философа неокантианца Натторпа имеется много общей (именно в вопросах о цели жизни и цели образования).

профессиональное образование. Отсюда будут выходить техники, агрономы, врачи, учителя школ второй ступени, ветеринары, военные. Курс продолжается пять лет.

Четвертую ступень составляют лицеи, являющиеся учебно-учебным заведением. В них получают образование профессора, из них выходят ученые, посвящающие науке всю свою жизнь.

Пятая ступень рассматривает организацию Национального общества наук и искусств, объединяющего всех ученых.

Обучение на всех четырех ступенях должно быть **бесплатным**. Бесплатность образования (здесь повторяется та же мысль, что и у Таллейрана) ослабит имущественное неравенство и даст новых работников науке из среды того класса, который до сих пор совершенно был лишен благ образования. Наиболее способные учащиеся имеют право претендовать даже на большее. Во все время своего учения они должны получать денежное обеспечение от государства. Обратив на себя внимание своими способностями в первоначальных школах, они, под именем воспитанников отечества, получают денежную помощь от государства и будут состоянии пройти все ступени образования.

Но и по выходе из школы нельзя попускать граждан забывать полученные знания. Здесь приходит на помощь внешкольное образование. Идея внешкольного образования была высказана и Таллейраном, но Кондорсе формулирует ее с особой силой и убедительностью. «Мы поняли, наконец, — говорит он, — что образование не должно оставлять человека в момент окончания школы, что оно должно охватить все возрасты. Нет такого возраста, в котором не было бы полезно и возможно учиться, и это последующее образование особенно необходимо в тех случаях, когда образованию в детском возрасте были поставлены определенные узкие границы. Именно в том одна из главных причин того невежества, в которое теперь погружены беднейшие класс общества, что возможности сохранить первоначальное образование еще более недоставало им, чем возможность его получить».

Мы не хотим, чтобы хоть один человек в государстве мог когда-нибудь сказать: «Закон предоставил мне полное равенство прав, но мне отказано в способах их постигнуть. Я должен зависеть только от закона, но мое невежество делает меня зависимым от всего окружающего. Правда, в детстве мне дали знания, но затем, когда я был принужден работать, чтобы жить, эти первоначальные познания вскоре изгладились, и мне остается лишь горестное сознание моего невежества, и не из-за моего природного нежелания, а вследствие несправедливости общества». «Продолжая воспитание в течение всей жизни, — говорит Кондорсе, — мы воспрепятствуем слишком скорому исчезновению из памяти знаний, приобретенных в школе. Мы поддержим полезную активность ума, мы ознакомим народ с новыми законами, новыми идеями в области сельского хозяйства и методами экономики, знание которых столь важно для него».

Средств внешкольного образования много: публичные лекции, национальные празднества, издание специальной литературы придут в этом отношении на помощь образованию. «Каждое воскресенье учитель организует публичные собеседования, на которых будут присутствовать граждане всех возрастов; мы убедились, что подобная организация есть действительное средство сообщить молодым людям необходимые сведения, которые не могли быть включены в программу первоначального образования». «Для взрослых и даже для детей будут составлены книги, читающиеся без усталости, с интересом, возбуждаемыми или полезностью, или удовольствием чтения. Дайте самым простым людям приятное, легкое и главным образом полезное средство образования, и они воспользуются им. Только страх перед трудностями учения удалял ранее людей от образования».

Но и эта широкая программа народного образования не удовлетворяет Кондорсе. Он полагает, что эта программа носит только временный характер, а в будущем, когда «улучшение благосостояния народа, более равномерное распределение благ — естественное следствие справедливых законов, прогресс в методах обучения, уменьшение государственных долгов и чрезвычайных расходов, — позволит, наконец, посвятить значительнейшую часть государственного бюджета действительно полезным расходам», будет организована несравненно более широкая система народного образования.

Совершенно естественно, конечно, что Кондорсе, в противоположность Мирабо и Таллейрану, является сторонником **широкого женского образования**. «Ничто так не вредит чистоте семейных нравов, как неравенство, — заявляет он. — Равенство везде, а в особенности в семье, есть первое условие счастья, мира и добродетели. Каким авторитетом может пользоваться мать в глазах детей, если ее духовная неразвитость обращает ее в постоянный предмет насмешек и презрения? Всякого рода пережитки общественного неравенства не могут исчезнуть из жизни даже при наибольшей свободе, если это неравенство находит свое убежище в сердце и уме женщины».

Кондорсе выступает с требованием образования, одинакового для обоих полов. Необходимо поднять и развить женщину, говорит он; присутствие образованной женщины облагораживает семью, предохраняет отца семьи от потери старых знаний и дает новые знания детям.

Даже более — в одном из трактатов по вопросам образования Кондорсе высказывается за **совместное воспитание полов**. «Чистота нравов, — говорит он, — не пострадает от общего посещения одних и тех же образовательных учреждений; скорее, наоборот, нравы подвергаются искушению там, где оба пола разделены с детства». Разделение полов в образовании способствует неравенству; совместное пребывание в школе научит мужчину и женщину считать друг друга совершенно равными. Поэтому одинаковое совместное воспитание содействует искоренению неравенства между людьми.

Все же Кондорсе не решился ввести требование совместного воспитания в доклад, представленный Законодательному Собранию. «В каждую начальную школу, — говорит он в докладе, — будут приниматься дети обоего пола, но как только явится возможность учредить две школы, одна школа будет вверена учительнице, и оба пола будут разъединены». Это — единственное место в его официальном докладе, где он касается вопроса о женском воспитании.

Вся та образовательная программа, которую предлагает Кондорсе, включает предметы, сообщающие **реальное знание**, практически необходимое. Он предлагает даже знакомить учащихся с промышленностью и сельским хозяйством уже на первой ступени. При этом он предполагает, что при школах будут организованы естественнонаучные кабинеты, библиотеки; школы будут снабжены коллекция наглядными пособиями и т.д.^{vii} Особенно большое значение придает, конечно, Кондорсе **изучению естественных наук и математике**. Он полагает, что именно эти науки являются наилучшим средством развития интеллекта, а ведь развитию интеллекта, развитию мышления рационалистическая философия XVIII века придавала громадное значение, и Кондорсе постоянно указывает на то, что он ищет «средств образовывать разум», придать «силу и активность» интеллектуальным способностям» и т.д.

Кондорсе оценивает значение этих наук также и с точки зрения развивающейся промышленности. «Многие причины заставили нас, — говорит он, — отдать преимущество изучению математических и физических наук. Прежде всего для людей, не посвящающих себя длительным размышлениям, не специализирующихся в какой-нибудь отрасли науки, дать самое элементарное изучение этих наук есть наиболее надежное средство развить интеллектуальные способности, научиться правильному мышлению и верному анализу мыслей. Без сомнения, возможно, детально изучая литературу, грамматику, историю, политические науки, философии также приобрести справедливую и здравую логику и в то же время не знать естественных наук (примеры великих людей уже доказывают это); но элементарное изучение тех предметов не дает этих преимуществ: они пользуются своим умом, но он не формирует его. Это происходит оттого, что в естественных науках мысли более просты, более совершенно выражены, более строго очерчены, и слова выражают в них соответствующие идеи более точно». «Эти науки, принося пользу при любой профессии, и легко видеть, что они были бы еще более полезны, если бы они пользовались больше распространением. Следящие за ходом их развития, видя приближение эпохи, когда практические приложения их изучения получают такое широкое распространение, на которые нельзя было ранее надеяться, когда прогресс в физических науках произведет счастливую революцию в ремеслах, и самое надежное средство ускорить ее — это распространить эти науки во всех классах общества и облегчить доступ к их изучению».

Исходя из интересов торговли, промышленности и сельского хозяйства, Кондорсе придает большое значение **профессиональному образованию**. Он желает создавать «не только теологов и проповедников», но и механиков, агрономов, врачей, ветеринаров, учителей. 114 институтов будут предназначены для организации профессионального образования.

Здесь интересно отметить то внимание, которое Кондорсе высказывает, наряду с промышленностью, и сельскому хозяйству. Элементы сельского хозяйства излагаются уже в школах первой ступени, публичные лекции посвящаются преимущественно вопросам сельского хозяйства. Наиболее важная задача внешкольного образования — «познакомить народ с новыми законами, новыми взглядами в области сельского хозяйства». Здесь, конечно, ясно сказывается влияние учения физиократов.

Все преподавание ведется **на родном языке**; даются только элементарные познания в латыни. «Элементарные познания в латыни, — говорит Кондорсе, — достаточны, чтобы читать латинские книги; нет ни одной научной работы по философии и политике, действительно важной, которая не была бы переведена; все истины, содержащиеся в этих книгах «изложены в более разработанном виде и связаны с новыми открытиями в книгах, написанных на новых языках».

^{vii} Предложения такого рода далее мы встретим и у Лавуазье. Следует напомнить имя еще одного педагога, в книге О.Сыркиной не упомянутое, - **мадам Жанлис** (Жанлис де Силлери). Гувернантка детей герцога Орлеанского, она известна не только нравоучительными книжками для детей, но и разработкой практических методик обучения. Например, в ее программу входила работа в специально оборудованной химической лаборатории, изучение ручных ремесел и т.д. — *Примеч. ред. Vive Liberta.*

Религии в этой образовательной программе, конечно, нет. «Конституция, признавая за каждым человеком право выбора религии, — говорит Кондорсе, — распространяя полное равенство между всеми жителями Франции, не позволяет ни в коем случае внести в народное образование такой элемент, который, отстраняя детей одной части граждан, нарушал бы тем самым равенство общественного строя и давал бы отдельным религиям преимущества, противоречащие свободе общественного мнения. Безусловно, необходимо отделять от морали принципы каждой отдельной религии и не включать в народное образование преподавания какой бы ни было религии.

Религия будет проповедываться в храмах священнослужителями. Лишь в таком случае родители, какова бы ни была вера, их мнение о справедливости той или иной религии, будут без боязни посылать детей в государственные школы, общественная власть не будет посягать на права совести под предлогом просвещения и направления». Но, подобно Таллейрану, Кондорсе придает большое значение **изучению морали**. Он полагает, как и Таллейран, что «мораль» займет то место важнейшего фактора нравственного воспитания, которое ранее занимала религия. Мораль человека, — говорит Кондорсе, — должна быть основана не на религии, а на вечных истинах разума (безусловное влияние рационализма XVIII века).

Наряду с этой широкой образовательной программой Кондорсе придает большое значение **физическому воспитанию**. «Не будет забыта гимнастика, — говорит он, — но надо будет заботиться о том, чтобы гимнастические упражнения развивали одинаково все силы, чтобы физические упражнения разрушали действие привычек, вырабатываемых различными отраслями труда».

В заключение остановимся на мыслях Кондорсе **о взаимоотношениях школы и политики**. В противоположность господствующему мнению, представители которого (а к ним, как мы уже указывали, относилось большинство) рассматривали школу, как орудие политической борьбы, Кондорсе желает оградить школу от каких-либо политических влияний. «Ни одна общественная власть не должна иметь авторитета или права препятствовать распространению новых истин и обучению теориям, противоположным ее политике или ее интересам» «Первое условие всякого образования — преподавать лишь одну истину, учреждения, предназначенные для этой цели общественной властью, должны быть возможно более независимыми от всякого политического давления. Но так как все же эта независимость не может быть абсолютной, то из этого принципа вытекает, что школы можно сделать зависимыми только от собрания народных представителей, потому что — это власть, самая неподкупная, наиболее удаленная от частных интересов, наиболее подчиняющаяся влиянию коллективного мнения просвещенных людей и главным образом потому, что она вызывает к жизни все реформы и, конечно, ни в какой мере не является врагом прогресса и просвещения или же оппозицией улучшениям, вносимым этим прогрессом». Поэтому назначение учителей происходит следующим образом профессоров лицеев избирает соответствующее отделение Национального общества наук и искусств, профессоров институтов избирают профессора лицеев. Список кандидатов преподаватели школ первой и второй ступени составляют профессора институтов, а право выбора принадлежит в отношении школ второй ступени муниципалитету, в отношении же школ первой ступени — родителям. «Никогда никакой народ не будет пользоваться постоянной, прочной свободой, — говорит Кондорсе, — если политическое образование не является всеобщим, если это образование не будет независимо от всех политических влияний, если энтузиазм, вызываемый ими в душах граждан, диктуется не разумом, если разум будет возбуждаться к борьбе тем, что ложно»... «Независимость образования является частью прав человеческого рода. Так как человеку от природы свойственно совершенство, границы которого необъятны, если они вообще существуют, так как знакомство с новыми истинами представляет для него единственное средство развить эту счастливую способность источник его счастья и его славы, какая же власть могла бы иметь право сказать: «Вот то, что вам нужно знать, вот та граница, на которой вы должны остановиться». Ведь полезна лишь одна истина, ведь всякое заблуждение есть зло, но по какому праву могла бы власть, какова бы она ни была, определить, где истина и где заблуждение?

Кроме того, власть, запрещающая проповедывать мнения противоположные тем, которые послужили основанием установленных законов, прямо нападает на свободу мысли я противоречит цели всего общественного строя — совершенствованию законов, — естественному следствию борьбы мнений и прогресса просвещения.

С другой стороны, какая же власть может предписать проповедывать учения, противоположные принципам, направившим законодательство? В силу необходимости, пришлось бы, следовательно, выбирать между педантичным уважением к существующим законам и косвенным нападением на них. Поэтому остается лишь одно средство абсолютная независимость мысли во всем том, что превосходит границы элементарного образования».

Все же конституцию страны следует изучать. Политическое образование вообще крайне необходимо, но, изучая основы конституции, следует говорить о ней лишь, как о существующем факторе. При преподавании следует лишь указывать: такова конституция нашей страны. Но если желают изучать эти законы, как доктрины, отвечающие принципам разума, или распространяют их со слепым энтузиазмом, лишаящим граждан способности суждения, если говорят юношеству; «вот то, что вы должны уважать и чему вы должны верить», — тогда это род политической религии, которую желают создать, это цепь, приготовленная разуму; таким образом, посягают на самые священные права свободы под предлогами стремления внушить любовь к ним. Цель образования заключается не во внушении любви к уже организованному государственному строю, а в умении разбираться в том или ином положении этого строя и совершенствовать его.

В этом отношении взгляды Кондорсе вполне соответствуют взглядам Мирабо.

Между прочим интересно отметить, что в связи с этой своей основной идеей независимости школы от политики Кондорсе решительно восстает против идей античного воспитания, которыми так увлекались в эпоху революции. Корень этого увлечения педагогическими идеалами древнего мира лежит в том, что именно в античной Греции все воспитание протекало под флагом идеи гражданского воспитания, человек должен был прежде всего проникнуться интересами государства; воспитание рассматривалось там, как средство сохранения существующего строя. Совершенно естественно поэтому, что когда перед политическими деятелями революции встал вопрос об укреплении всего того, что принесла с собой революция, они обратились к идеям античного воспитания. В древней Греции принцип государственного воспитания проводился очень строго. Ребенок поступал в ведение государства тотчас после рождения и воспитывался в общественном учебном заведении. Французские педагогические деятели усвоили эту идею — идею интернирования детей в закрытых учебных заведениях в целях создания стойких борцов за дело революции, и уже в годы Законодательного Собрания эта идея часто публично высказывалась и обсуждалась. Мысль о подобной мере вызывает яростное возмущение Кондорсе. Он горячо протестует против подобной организации воспитания. Древние, говорит он, были машина ми, рычаги которых приводились в движение законами; эта система, без сомнения, простительна в нарождающихся обществах, в которых царят ужасы и предрассудки. Нельзя затрагивать прав семьи и лишать родителей и детей радости семейной жизни. Люди образовали общество только для того, чтобы обеспечить себе пользование всеми своими ее общественными правами, и, без сомнения, таким правом является воспитание своего ребенка. Это — долг природе, и отек следует, что это право, которого не могут лишиться себя родители. Была бы совершена величайшая несправедливость если бы родители были принуждены отказаться от прав! воспитывать своих детей. Подобного рода установления, нарушающие естественные права человека и семейное счастье ослабляющие чувство сыновней благодарности — эту основу всех добродетелей, отнюдь не являются моральными. Подобные средства могут, без сомнения, воспитывать общество тиранов или создавать законы войны, но никогда не создадут человеческую нацию и братский народ.

Ясно, что в вопросе о взаимоотношении школы и политики Кондорсе становится на какую-то совершенно отвлеченную точку зрения. Ведь на практике мы знаем, что только революционная власть, но и всякая власть всегда будет стремиться оказывать влияние на школу. Школа всегда останется политической задачей, и для всякой власти она будет лучшим средством сохранить свою позицию путем соответствующего воспитания юношества.

Такова педагогическая система Кондорсе Представитель более демократической партии, чем Таллейран и Мирабо, он дал и более демократическую систему образования. Его проект носит «а себе отпечаток просветительной философии» XVIII века. Уважение к просвещению, вера в совершенство человека, стремление к естественнонаучному знанию, уважение к правам индивидуума, рационализм, атеизм — все эти характерные черты философии XVIII века отразились в проекте Кондорсе. Школа светская, бесплатная на всех ступенях с широкой образовательной программой, дающая реальные знания, внимание к естественнонаучному и профессиональному образованию, внешкольное образование, — все эти идеи в высшей степени важны и теперь. Но здесь еще отсутствует требование обязательности образования, и, кроме того, мысли Кондорсе о взаимоотношении между наукой и политикой существу своему неправильны.

Этот проект безусловно отвечал потребности в реальном практическом знании, но он мало соответствовал стремлению укрепить «завоевания революции». Автор его совершенно нетерпимо отнесся к вопросу, волновавшему всех политических деятелей Законодательного Собрания, вопросу о создании революционной идеологии юношества. В этом и кроется основная причина того, что хотя этот проект и лежит в основе всей работы Национального Конвента в области народного образования, но депутаты Конвента никоим образом не могут прийти к соглашению относительно проекта Кондорсе. Ниже мы увидим, как этот проект периодически появляется в Комитете народного образования, как он перерабатывается как он неоднократно заслушивается Конвентом, снова откладывается и снова появляется на сцене. Членов Конвента удовлетворяет смелый, широкий подход Кондорсе к вопросу просвещения, но отсутствие политического влияния в школе страшит

их и заставляет в конце-концов отклонить проект Кондорсе.

Мы рассмотрели проект Кондорсе, как теоретическую основу всей работы Национального Конвента в сфере народного просвещения, весьма подробно. Иного значения, кроме теоретического, этот проект не имел, и Законодательным Собранием в деле создания новой организации образования ничего не было сделано, за исключением некоторых чисто практических вопросов текущего момента.

Все законодательство революции по вопросам народного образования целиком принадлежит Национальному Конвенту.

4. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ **Комитет народного образования (до весны 1793 г.).**

20-го сентября 1792 года открылся, наконец, Конвент. В Конвенте сошлись три ясно разграниченные партии: «Гора», «Жиронда» и «Равнина», или, как ее иначе называли «Болото». Господство принадлежало жирондистам, которые упрочились уже при Законодательном Собрании. Они состояли из образованных людей и представляли собой интересы промышленной, торговой и земельной буржуазии. Их поддерживала «Равнина», из них составилось первое республиканское министерство. Монтаньяры вначале были еще слабы. К ним относились и дантонисты, и робеспьеристы, и гебертисты; разделение на эти партии внутри монтаньяров произошло значительно позднее. В общем же монтаньяры были представителями мелкой трудящейся буржуазии. «Равнина» включала в свое число всех депутатов Конвента, не имевших ярко выраженных политических убеждений, консерваторов по своим инстинктам, — умеренный элемент. «Равнина» поддерживала сначала жирондистов, затем, во время красного террора, крайних монтаньяров; позднее представители «Равнины» стали участниками белого террора (после 9-го термидора).

Обратимся же к характеристике деятельности жирондистов в области народного образования во время их господства в Национальном Конвенте (т.е. до весны, 1793 года). Очевидно, что в области народного образования должна была продолжаться разработка плана Кондорсе, одного и влиятельнейших членов партии жирондистов.

Комитет народного образования был сохранен в числе других Национальным Конвентом согласно декрету 2 октября 1792 года (27). Комитет сохранил и свою внутреннюю организацию: он составлялся, как и ранее, из 24 членов, избравших из своей среды президиум (председателя, вице-председателя и двух секретарей).

Главная задача Комитета заключалась в представлении Конвенту общего плана воспитания и образования. Уже во втором своем заседании Комитет постановил снова заслушать доклад, представленный Кондорсе Законодательному Собранию. Прежде всего было решено пересмотреть также проекта, которая касалась первоначальных школ, так как реформа была наиболее настоятельной необходимости часть доклада была принята с незначительными поправками, и Комитет перешел к обсуждению части проекта Кондорсе, касающейся школ второй ступени.

Доклад об организации первоначальных школ был поставлен на повестку дня в Конвенте на 22 ноября. Докладчиком Комитета народного образования был избран жирондист Лантена, являвшийся, вообще говоря, противником проекта Кондорсе. Он полагал, что бесплатность образования должна простираться лишь на первую ступень, что в плане Кондорсе недостаточно освещены методы образования взрослых (Лантена имел в виду более широкую организацию публичных лекций), что этот план не является средством воспитания «республиканских нравов». Все же Лантена принял и выполнил поручение составить проект организации первоначальной школы, согласно плану Кондорсе^{*****}. Свои же взгляды он изложил в отдельной брошюре, опубликованной согласно распоряжению Национального Конвента, весной 1793 года^{*****}. Доклад

***** Rapport et projet de decret sur l'organisation des ecoles primaires, presentes a la Convention nationale au nom de son Comite d'instruction publique par F.Lanthenas, depute a la Convention Nationale. (Доклад проект декрета организации первоначальных школ, представленный Национальному Конвенту от имени Комитета народного образования депутат от Национального Конвента Лантена).

***** Bases fondamentales de l'institution publique, ou moyen de lier l'opinion publique, la morale, l'education, l'enseignement, les fetes, la propagation des lumieres et le progres de toutes les connaissances au gouvernement national republicain par Lanthenas, medecin, depute a la Convention National et membre de son Comite de instruction publique («Основы народного образования, или средство связать общественное мнение, мораль, воспитание, преподавание, празднества, распространение просвещения прогресс всех наук с республиканским национальным управлением». Рвшюра, написанная Лантена, депутатом Национального Конвента Членом Комитета народного образования.). Франсуа Ксавье Лантена (1754-1799) — врач, общественный и политический деятель, депутат Национального конвента, переводчик памфлетов Т.Пейна («Здравый смысл» и др.) на франц.язык.

Лантена, заслушанный Комитетом народного образования, имеет в своем основании почти точное воспроизведение соответствующей части проекта Кондорсе.

Обсуждение вопроса о народном образовании было несколько отложено Конвентом вследствие важных политических событий (процесс короля), и только 12 декабря состоялось, первое заседание Конвента, посвященное народному образованию. Интересно отметить, что уже с самого начала прения по народному образованию приняли ярко выраженную **политическую окраску**. Образование и просвещение нужны для того, чтобы укрепить революцию, чтобы создать республиканскую идеологию, — и с этой точки зрения расцениваются прежде всего все проекты по народному образованию. 12 декабря Шенье^{*****} зачитал в Конвенте проект декрет об организации первоначальных школ, при чем тот пун декрета, в котором указывалось, что «все, касающееся религии, будет излагаться только в храме», вызвал много аплодисментов. 18 декабря был заслушан доклад Лантена.

В прениях по проекту 12 и 18 декабря участвовало большое число членов Конвента. Было принято постановлен., рассмотреть вопрос о разделении всей системы образования на ступени ранее обсуждения вопроса о первоначальных школах. Вопрос о разделении всей системы образования на ступени уже был предметом заседания Комитета 27-го ноября и в этом заседании было постановлено утвердить разделен на пять ступеней, принятое проектом Кондорсе: 1) первоначальные школы, 2) школы второй ступени, 3) институты 4) лицеи, 5) Национальное общество наук и искусств. Нужна была только санкция Конвента. Вокруг вопроса о всей системы народного образования в целом и развернулись прения в Конвенте в декабре 1793 года. Из речей ораторов, выступавший по этому вопросу, наиболее интересна речь Дюран-Майльяна^{*****}, высказавшего опасения, общие для всех противников проекта Кондорсе. Дюран-Майльян полагает, что эта «образовательная лестница в пять ступеней», совершенно независимая от политической власти, образует «государство в государстве», что, «едва свергнув иго тирании», защитники проекта Кондорсе предлагают наложить новое иго — иго просвещения, и это иго, говорит он, будет особенно тягостны! так как в этой области придется иметь дело с людьми просвещенными, т.е. наиболее способными управлять общественным мнением. Кроме того, Дюран-Майльян высказался против принципа бесплатности на высших ступенях образования. Он полагает, что эта часть образования может быть предоставлена частной инициативе. Далее более, с его точки зрения испорченность общества объясняется тем, что «мы слишком много учились»; французский народ нуждается в знаниях только постольку, поскольку знание его делает добродетельным; «наиболее счастливая пора в жизни древнего Рима относится к тому времени, когда римляне быт земледельцами», образование должно ограничиться только одной школой, предназначенной для детей в возрасте от 6 до 12 лет^{*****}. Естественно, что в вопросе о светской школе Дюран-Майльян разошелся с Кондорсе. «Именно потому мы свободны, мы должны быть христианами. Религия не будет разрушена во Франции ни в XVIII веке и ни в какую иную эпоху», - заявил он.

Против проекта Комитета выступил еще другой оратор, Мазюйе, указавший на излишнюю централизацию, характерную для проекта. Каждая ступень образования подчиняется в этом проекте другой, высшей; над всем царит Национальное общество наук и искусств, и, как полагает оратор, возникнут только интриги, будут торжествовать мелкие интересы.

В результате прений 12-го декабря был принят один пункт декрета, гласивший: «Первоначальные школы составляют первую ступень образования. В них преподаются знания необходимые всем гражданам. Лица, которым поручено преподавать в этих школах, носят название учителей»^{*****} (Принято 12 декабря 1792 года).

Речь Дюран-Майльяна вызвала возмущение Конвента, Яков Дюпон^{vii} в яркой речи возразил Дюран-Майльяну и Мазюйе. Назвав Дюран-Майльяна «представителем невежества», Дюпон сказал: «Сравните нравы азиатских народов, погруженных в невежество, с нравами французского народа, просвещенного философией; сравните также эти нравы с жестокими нравами XV и XVI

***** Мари Жозеф Шенье (1764—1811), брат знаменитого поэта Андре Шенье, драматург и политический деятель, был избран членом Национального Конвента и одно время был членом Комитета народно образования, выступая преимущественно по вопросам, касающимся литературы, искусства и т.д. В Конвенте он примкнул к монтаньярам. **Материалы о Шенье-младшем:** http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chn_mj.

***** Один из вождей центра «Болота» в Конвенте. Пьер Туссен Дюран де Майян (или Дюран-Майян) (1729-1814) – депутат национального конвента, литератор, общественный деятель.

***** Во всех этих утверждениях сказывается, конечно, влияние Руссо.

***** В тексте, как и во всех дальнейших декретах, употреблено слово «instituteur» для того, чтобы подчеркнуть различие между старым и новым режимом даже в названии, — ранее употреблялось слово «maitre d'ecole».

^{vii} Имеется в виду Жак Шарль Дюпон, наз. Дюпон из Эвре, Dupont de l'Eure (1767–1855), один из «долгожителей» среди деятелей Великой французской революции, номинально возглавлявший республиканское правительство в 1848 г.

столетий. Каждый народ, погруженный в невежество, обречен быть рабом, каждый просвещенный народ всегда сумеет сохранить свою свободу». Что же касается религиозного воспитания, то Дюпон считает невозможным существование во Франции каких-либо других алтарей, кроме алтарей отечества. «Природа и разум — вот боги человека, вот мои боги. Я заявляю Конвенту, что я — атеист».

Впечатление, произведенное речью Дюпона, было потрясающее, главным образом из-за его религиозных воззрений. Аплодисменты, крики и угрозы непрерывно прерывали его. Газета «Французский Патриот» от 16-го декабря 1792 г. так описывает поведение Собрания: «Это было странное зрелище для наблюдателя: с одной стороны, философское спокойствие оратора; с другой стороны, крики и жесты части Горы, главным образом священников и епископов, находившихся, правда, в небольшом числе в Конвенте, — создалось впечатление заклинателя среди толпы одержимых».

После речи Дюпона, в течение нескольких дней, прения по народному образованию были оставлены. Этим временем попользовался Комитет народного образования и поручил Ромму^{*****} подготовить общий доклад по народному образованию, полагая, что и в дальнейшем прения в Конвенте будут иметь в виду не только проект организации первоначальных школ, представленный Комитетом, но и всю систему народного образования в целом. Доклад Ромма имел своей основой опять-таки план Кондорсе, но вопрос об организации 5-й ступени — Национального общества наук и искусств — был исключен из проекта; по-видимому, Комитет предвидел слишком большие возражения в этом пункте. Докладчик должен был выставить только требование бесплатности образования на всех ступенях, его независимости от исполнительной власти и обрисовать систему контроля над образовательными учреждениями, согласующуюся с проектом Кондорсе.

Прения возобновились 18-го декабря, и Конвент провел несколько дней в жгучих дебатах по педагогическим вопросам.

В обсуждении основ общего плана образования приняли участие четыре оратора: Пети, Лекинио, Дюко, Леклерк^{viii}, речи которых были напечатаны по распоряжению Конвента.

Пети, призывая на помощь авторитет Руссо, рисует портрет идеального республиканца. Создание республиканских нравов он считает первой задачей школы.

Большая часть речи Лекинио посвящена вопросу о религиозном воспитании. «Дайте возможность и право каждому человеку избрать ту религию, которая ему нравится, но во имя счастья народов, не вносите ее в народное образование», говорит он. Кроме того, он требует немедленной организации первоначальных школ. «Здесь было высказано опасение, что учреждение школ требует ассигнования в 25 миллионов; но разве можно колебаться в этом вопросе, даже если бы были нужны 50 миллионов?»

Затем было дано слово Дюко, который указал на то, что революция есть результат просвещения, и ее начинания могут поддерживаться лишь просвещением. Нужно возможно скорее организовать первоначальные школы, нужно торопиться с организацией и других ступеней образования. Бойцами за революцию могут быть лишь просвещенные люди и революция должна организовать просвещение, чтобы иметь возможность пополнять ряды своих бойцов. Что же касается религиозного воспитания, то, исходя из того положения, что народное образование должно преподавать только истину, религии не должно быть места в нем. В заключение Дюко настаивает на необходимости организовать общественное воспитание, соединить всех детей нации на скамьях общественной школы. «Я думаю, что все дети республики должны быть принуждены пробыть определенное время в первоначальной школе. Ведь пока вы не приблизите бедняка к богачу, слабого к могущественному общим воспитанием, пока вы, употребляя выражение Плутарха, не покажете одного пути и не отошьете в одной форме воспитания всех детей республики, напрасно ваши законы будут проповедывать святое равенство: республика будет всегда разделена на два класса — граждан и господ». Оратор высказался за принятие

***** Шарль Жильбер Ромм (1750—1795), по образованию математик был избран депутатом в Законодательное Собрание и в Конвент, голосовал за казнь короля. Погиб вместе с другими «последними монтаньярами» во время белого террора 1795 года. Приговоренный к смертной казни, покончил самоубийством по дороге к эшафоту. В конце 1792 года и в особенности в 1793 году очень много работал в Комитете народного образования; ему принадлежит ряд законопроектов по вопросам народно образования; он постоянно выступал в прениях по этим вопросам в Комитете и в Конвенте. [Материалы о Ромме: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#romm](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#romm).

^{viii} Мишель-Эдн Пети (1739-1795) – депутат Национального конвента от деп.Эна. Мари-Жозеф Лекинио (1755-1814) – депутат Законодательного собрания, затем Национального конвента, по профессии адвокат, радикально настроенный политический деятель (историки относят его к монтаньярам), убежденный и последовательный республиканец. Жан-Франсуа Дюко (1765-1793) – депутат Национального конвента, один из наиболее ярких жирондистов. Клод Никола Леклерк (1738-1808) – адвокат парижского парламента, мировой судья, депутат Законодательного собрания, Национального конвента, Совета Пятисот; см. о нем статью в франц. википедии: http://fr.wikipedia.org/wiki/Claude-Nicolas_Leclerc.

принятие проекта Кондорсе.

Леклерк, ссылаясь на Плутарха, подобно Дюко, также выступил с требованием общего для всех детей нации воспитания в первоначальных школах, которые он предлагает назвать «школами гражданина». Граждане, отказывающиеся посылать своих детей в эти школы, будут лишены прав гражданина. И эта мера вовсе не имеет своей целью стеснение свободы; наоборот, она служит обеспечением свободы, так как лишь школы сумеют создать республиканскую идеологию - лучший залог свободы. Эта мера не имеет также своей целью уменьшение авторитета родителей; она лишь заменяет авторитет родителей авторитетом отечества.

Уже в этих четырех приведенных речах ясно чувствуется стремление, сделавшееся через несколько месяцев доминирующим, стремление создать путем воспитания гражданина-республиканца, как выражались депутаты Конвента, т.е. закрепить все принесенное революцией. Проект Кондорсе, проповедующий независимость школы от политики, все менее и менее начинает удовлетворять Конвент.

20 декабря Конвент выслушал доклад Ромма об общей организации образования, имеющий в своей основе проект Кондорсе, и постановил напечатать доклад, представленный Кондорсе в апреле 1792 года Законодательному Собранию. Доклад Ромма^{*} разделен на две части. В первой он отвечает на два вопроса: 1) каково было ранее образование во Франции и 2) каким оно должно быть? Во второй части он дает ответ на следующие три вопроса: 1) Должна ли нация учреждать образовательные учреждения на всех ступенях? 2) Должно ли обучение быть бесплатным на всех ступенях? 3) Каково будет взаимоотношение между образовательными учреждениями и исполнительной властью?

Решение этих вопросов дано Роммом в полном соответствии с проектом Кондорсе.

После чтения проекта Ромма были предложены прения по народному образованию. 21-го декабря Конвент выслушал Рабо Сен-Этьена^{ix}, произнесшего блестящую речь о национальном воспитании. Эта речь снова посвящена способам создания революционной идеологии. Существует быстрое средство создания революционной идеологии, говори Рабо Сен-Этьен, это средство заключается в великих установлениях, так хорошо известных древним народам и религиозным обществам, установлениях, дающих возможное гражданам всех возрастов, живущим в разных местностях получать одни и те же впечатления, заставляющие работать и воображение, и чувство, и память, и разум человека, - одним словом, все его способности. Этим могущественным средством являются национальные празднества.

В заключение Рабо прочел проект декрета, в котором предлагал организовать национальные празднества и периодические собрания граждан в «национальных храмах», учрежденных для этой цели, под председательством сената из престарелых граждан обоего пола, на обязанности которого будет лежать моральное руководство детьми данной местности. Согласно этому декрету, собрания происходят каждое воскресенье. На этих собраниях читаются лекции по этическим вопросам; собравшиеся поют национальные гимны, по священные свободе, равенству, братству, отечеству; молодежь упражняется в гимнастике. Здесь же происходят «праздники детства» и «праздник юношества», церемониал которых будет установлен законом. На праздниках детства и юности будут производиться экзамены по вопросам декларации прав человека и гражданина и государственному строю, так как эти предметы должны быть хорошо известны будущим гражданам.

Речь Рабо вызвала энтузиазм Конвента, постановившего ее напечатать и разослать в департаменты. Рабо был включен особым декретом в состав Комитета народного образования.

23-го декабря Конвент принял постановление: 1) продолжать разработку общего плана образования, 2) поручить 5 членам, специально избранным, разработать вопросы физического и морального воспитания, 3) поручить 7 членам выработать экономическую часть проекта. Из этого постановления, приведенного в протоколах Конвента без мотивов, ясно, что план Кондорсе уже не удовлетворял Конвент. Конвент желал создать «республиканские нравы», и создать их, конечно, путем воспитания, в котором современных видели самое могущественное средство выработать определенную идеологию. Проект Кондорсе между тем говорил о «свободной школе», о «свободной науке», не учитывая общественного характера педагогики. Поэтому, очевидно, чувствовалась необходимость дать новые основы плану народного образования. Доклад Ромма не был утвержден, и Комитету было предложено продолжать свою работу.

^{*} Rapport sur l'instruction publique considere dans son ensemble, suivie d'un projet de decret sur les principales bases du plan general presente a la Convention Nationale au nom du Comite de instruction publique par c Romme (Доклад о народном образовании, рассмотренный в его целом, с приложением декрета о принципиальных основах общего плана, представленный от имени Комитета народного образования Ж.Роммом.) Перевод отрывка из первой части проекта см. ниже.

^{ix} Жан-Поль Рабо Сент-Этьен (1743-1793) – протестантский священник, публицист, социальный мыслитель, депутат Национального конвента; жирондист. См. о нем: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb_set.

24-го декабря Конвентом была заслушана блестящая речь Банкаля^x о народном образовании. Считая просвещение одной из существеннейших потребностей республики, Банкаль предлагает значительно расширить элементарное образование. Он хочет разделить всю образовательную систему школ на две ступени: 1) элементарные школы, заменяющие первоначальные школы, школы второй ступени и отчасти институты плана Кондорсе, и 2) центральные школы, соответствующие лицеям Кондорсе. «Я понимаю, — говорит он, — что нельзя охватить все знания элементарными школами, но я хочу, чтобы в них излагались по крайней мере хотя бы элементы наук и ремесел. Элементарные школы будут давать воспитание всем гражданам; наиболее же способные, под именем «воспитанников отечества», получают высшее образование в лицеях». Центральный пункт речи Банкаля составляет идея светского воспитания. «В школах, — заявляет он, — не должно излагаться что-либо, имеющее отношение к иной жизни. Все религии свободны, но носят частный характер».

Речь Банкаля имела шумный успех. Стремление Банкаля — дать возможно более широкое образование всем гражданам в начальных народных школах, светские школы, — эти идеи отвечали духу времени. Речь Банкаля была напечатана и разослана по департаментам.

Заслушав речь Банкаля, Конвент перешел к текущим делам. Процесс короля, борьба монтаньяров и жирондистов поглощают все внимание Конвента^{xi}, и вопрос о народном образовании снимается с повестки дня. В течение нескольких месяцев вопросы народного образования отходят на задний план. Таким образом, в результате прений по вопросам народного образования в декабре 1792 года был принят лишь приведенный выше первый пункт декрета, соответствующего проекту Кондорсе.

Прения в Конвенте по вопросам народного образования возобновляются лишь через несколько месяцев, но работа Комитета в это время ведется самым интенсивным образом. Реформа народного образования была настоятельной потребностью, и даже 21-го января, т.-е. в день казни Людовика XVI, Конвент постановил, что вопросы войны, финансов и народного образования остаются на повестке дня.

25 января Комитет заслушал доклад Ромма о физическом и моральном воспитании (план этот не сохранился). По предложению Ромма Конвент постановил посвящать каждый четверг вопросам народного образования, и несколько четвергов было посвящено прениям по вопросу об имуществе коллежей (доклад Фуше^{xii}). В то же время Комитет народного образования продолжал свою работу, подготавливая общи план образования. С 22-го февраля он приступает к распр. делению материала обучения между 4-мя ступенями (заседания 22, 23, 26 февраля, 19 и 26 марта, И, 21, 23, 25 и 28 мая но протоколы Комитета не дают сведений об этих материалах. Повидимому, этот проект стоял в связи с проектом об учебниках для школ, представленным Арбогастом Комитету 26-го ноября 1792 г.^{*} По этому проекту Комитет признавая составление новых книг, соответствующих декларации прав и республиканским принципам, настоятельной необходимостью, постановил созвать комиссию из «просвещенных людей» для составления книг, предназначенных для III ступени образования, объявить конкурс на книги, предназначенные для I и II ступени, опубликовать те программы преподавания, которым должны соответствовать эти книги. Весь этот декрет и его мотивировка точно соответствуют аналогичным частям проекта Кондорсе.

^x Жан Анри Банкаль дез Иссар (1750-1826) – депутат Национального конвента, затем Совета Пятисот; буржуа по происхождению, юрист, общественный деятель, организатор междунар. филос. общества. Будучи депутатом Конвента, направленный в армию Дюмурье, он, благодаря измене этого генерала, попал в руки австрийцев и был заключен в тюрьму в Ольмюце вместе с Камю, Ламарком и Кинеттом, был освобожден 12 брюмера IV года. После переворота 18 брюмера совсем отошел от политической деятельности, путешествовал, занялся еврейским языком, чтобы иметь возможность читать Св. Писание в подлиннике.

^{xi} О судебном процессе над Людовиком XVI см. собрание документов, изданное К.Н. Берковой (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/berk_louis_1.htm) и дискуссию (http://vive-liberta.narod.ru/discuss/process_louis_dscss.htm).

^{xii} Жозеф Фуше (1759-1821) – политический деятель Великой французской революции и Первой империи. Поскольку в теч. 10 лет Фуше сам служил преподавателем в коллеже, его замечания по вопросу имеют особый интерес и можно только пожалеть, что текст этого доклада не приводится в книге. См. О Фуше: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fcht>.

^{*} Rapport et projet de decret sur la composition des livres elementaires destines pour l'instruction publique presentes a la Convention Nationale au nom de son Comite de l'instruction publique par L.-F. Arbogast (Доклад и проект декрета о составлении учебников, предназначенных для народного образования, представленные Национальному Конвенту от имени Комитета Народного образования Л.-Ф. Арбогастом.) Перевод см. ниже. Луи Франсуа Антуан Арбогаст (1759-1803) – математик, до Великой французской революции – преподаватель в коллеже Кольмара, член С.-Пб. Академии наук, после революции – преподаватель коллежа в Страсбурге, ректор Страсбургского ун-та, преподаватель Эколь сентраль (буд. Политехнической школы).

«Наступило, наконец, время, когда мы можем дать учителям, профессорам и французской молодежи хорошие учебники, соответствующие современному состоянию знания, освобожденные от всего того, что могло бы затруднить изучение наук, способные внушить любовь к свободе и сообщить вечные принципы, освещенные декларацией прав, — говорит Арбогаст; — в большинстве образовательных учреждений еще преподают по посредственным книгам, большая часть которых отстала от науки почти на век. Искореним этот недостаток, уже изгнанный у наших соседей и созданный лип для того, чтобы парализовать преподавание и замедлить и. уничтожить течение прогресса. Возвысим книги, содержат: элементы наук, на ту высоту, которой достигли сами науки.

Затем Комитет постановил, по предложению Ромма, возобновить прения о проекте организации школ II ступни и о моральном и физическом воспитании. В результате этого постановления и появился через полгода план морального и физического воспитания Шенье, представленный им лично от себя Конвенту**.

Итак, казалось бы, что работы Комитета шли достаточно успешно. Комитетом были уже разработаны: 1) проект декрета об основах общего плана образования (докладчик Ромм, 20-го декабря 1792 года; обсуждение проекта не закончено)» 2) проект декрета о первоначальных школах (1-й пункт декрета был принят Конвентом 12 декабря 1792 года,— докладчик Шенье), 3) проект декрета об элементарных книгах, в связи с программой образования на всех ступенях (докладчик Арбогаст; доклад еще не представлен Конвенту), 4) проект об организации школ II ступени (почти законченной)» 5) проект об основах физического и морального воспитания (почти законченный).

И в этот момент Комитет общественного спасения, считает скорейшую организацию первоначальных школ настоятельной необходимостью для создания республиканских нравов, предложил Конвенту 30 мая 1793 года присоединить к параграфу, принятому Конвентом 12 декабря 1792 г., еще четыре параграфа. Эти пять параграфов составляют первое Законоположение о первоначальных школах, принятое Конвентом. Это предложение было принято почти без изменений.

Вот это законоположение о первоначальных школах, в основе которого лежит проект Кондорсе:

1) Первоначальные школы составляют первую ступень образования. В них преподаются знания, необходимые всей гражданам. Лица, которым поручено преподавание в этих школах, носят название учителей.

2) Первоначальная школа учреждается в каждом пункте, имеющем от 4-х до 15-ти тысяч жителей. Она может обслуживать и все менее населенные местности, удаленные не более, чем на 1.000 сажений от того места, где имеется школа.

3) В каждой из этих школ будет один учитель, на обязанности которого лежит преподавание ученикам всех элементарных сведений, необходимых для граждан, чтобы они могли пользоваться своими правами, выполнять свой долг и управлять своими делами.

4) Комитет народного образования представит проект пропорционального распределения школ.

5) Учителям школ будет предложено читать раз в неделю лекции гражданам обою пола всех возрастов. (Последние 4 пункта приняты 30-го мая.)

Проект Лаканалья—Сийеса

После событий 2-го июня, когда жирондисты были изгнаны из Конвента, ничто не изменилось во внешней конструкции Комитета, но внутренняя жизнь Комитета изменилась в корне. В нем появляются новые люди и новые идеи. До сих пор в Комитете преобладало влияние жирондистов главным образом Кондорсе, деятельнейшего сотрудника Комитета. Теперь Кондорсе объявлен вне закона за напечатание брошюры, направленной против новой конституции, скрывается у своих друзей. Влияние в Комитете времени переходит в руки Сийеса, популярность которого, как выдающегося публициста, постоянного руководителя общественного мнения в течение первого периода революции, была очень велика. В сотрудничестве с Дону и Лаканалем (главным образом с Лаканалем) он составил новый проект годного образования, аннулировав старый план Кондорсе, представленный Конвенту Роммом в декабре 1792 года. Проект Кондорсе был выдвинут жирондистами, теперь перед нами проект, созданный центром.

Основные*** черты этого проекта, составленного Лаканалем и Сийесом, сводятся к следующему .

** Discours prononce a la Convention Nationale par Chenier, 15 brumaire an second de a Republique une et indivisible. (Речь, произнесенная в Национальном Конвенте Шенье 15 брюмера II-го года республики единой и нераздельной.)

*** В изложении мы имеем в виду первоначальную редакцию проекта. После рассмотрения проекта Конвентом

Республика учреждает **только первую ступень образования**, так называемые «национальные школы», одну школу на тысячу жителей; название «первоначальные школы» упразднено, так как имеется всего лишь одна ступень образования. Образовательную программу этих школ составляют чтение, письмо, арифметика, геометрия, физика, география, мораль, основы социального строя, элементы ручного труда. Большое внимание должно уделяться пению и танцам, необходимым для участия в национальных празднествах а также физическим и военным упражнениям.

Высшие ступени образования будут предоставлены только частной инициативе. Но авторы проекта полагают, что просвещение не пострадает от подобной организации. С одной стороны, наиболее способные дети из малосостоятельных классов, под именем «воспитанников отечества», получая» денежную поддержку от государства, будут в состоянии продолжить свое образование; с другой стороны, учреждение библиотек, ботанических садов, естественно-исторических кабинетов, национальных празднеств, поощрение научных работ, покровительство частным школам и т.д., послужат гарантией широкого распространения просвещения. «Легко видеть, — говорит Сийес. — что подобная организация дает все необходимое для просвещения, учитывая стесненные обстоятельства настоящего дня. Что же касается более широкой организации народного образования, то с нею надо подождать мирного времени».

Контроль над школами будет вверен в каждом дистрикте специальным бюро, в состав которых входят три лица, назначаемые администрацией дистрикта. Эти бюро совместно с администрацией дистрикта избирают учителей и наблюдают за деятельностью школ. Все бюро состоят в ведении высшего органа Центральной комиссии по вопросу народного образования, состоящей из 12-ти членов, назначаемой исполнительной властью. Комиссия имеет общее наблюдение за школами и разрешает могущие возникнуть конфликты между бюро и администрацией.

Центральное место этого проекта занимает **организация национальных празднеств, в которых авторы видят лучшее средство осуществления важнейшей задачи Конвента в области народного образования — создания республиканских нравов**. Авторы проекта разделяют эти празднества на три группы: 1) посвященные природе, 2) человеческому обществу, 3) французской революции; всего — 40 празднеств. Среди этих празднеств имеются посвященные таким событиям, как изобретению письма, происхождению торговли, животным - друзьям человека и т.д. В изобретении поводов к этим празднествам чувствуется большая натянутость, как будто бы авторы стремились создать возможно больше национальных празднеств, а поводов к ним не находили.

Таковы основные черты проекта Сийеса—Лаканалея. Мы не останавливаемся более подробно на этом проекте, так как здесь почти нет новых и интересных с нашей современной точки зрения педагогических идей. Некоторый интерес для современности представляют лишь следующие статьи проекта: «Учащиеся обеих секций каждой национальной школы образуют, каждая секция в отдельности, общество построенное, примерно, по тому же образцу, что и большое политическое, республиканское общество» и «Учитель » учительница извлекают из этой организации помощь в смысле облегчения преподавания и поддержания дисциплины в школе». Эти статьи живо напоминают совершенно аналогичный подход к вопросам **самоуправления** в школах Америки и Англии, где школьное самоуправление ставит своей целью превратить школу в республику, представляющую копию с конституции государства, воспитывать, таким образом, граждан буржуазной республики и дать возможность учителям извлечь пользу из подобного положения, была в смысле исполнения предписаний учителя самими детьми.

Этот доклад был представлен Лаканалем Национальному Конвенту 26-го июня и был отпечатан по распоряжению Конвента Совершенно ясно, что этот доклад не отвечал тем требованиям, которые предъявлялись революцией к образованию. Те доклады, которые были уже заслушаны Учредительным и Законодательным Собраниями (Таллейрана и Кондорсе) и Национальным Конвентом (доклад Ромма, имеющий своей основой доклад Кондорсе), были проникнуты глубочайшим преклонением перед просвещением. Авторы докладов стремились организовать возможно более широкую систему народного образования в соответствии с пробельными идеалами эпохи и нуждами торговли, промышленности и сельского хозяйства. «Народное образование, - заявляли они, — есть не долг и не благодеяние государства, а первая его потребность» (доклад Ромма). Правда, ни один из этих докладов не был принят, и в прениях по докладу в декабре 1792 года сразу же обнаружилось, что этот проект внушал Конвенту целый ряд опасений Мы указывали, что эти опасения были главным образом политического характера: Конвент не видел в свободной от политических влияний школе, — а ведь такова была основная мысль Кондорсе, — средства создать «республиканские нравы». Но общий дух проекта Кондорсе, проникнутого глубокой верой в значение просвещения, в его бесконечное могущество, необходимость для страны, конечно, удовлетворял Конвент, и именно эта сторона проекта Кондорсе и заставляет Конвент все снова и снова возвращаться к этому проекту.

Что же касается проекта Сийеса—Лаканалья, то именно общий дух проекта не мог удовлетворить членов Конвента. Кроме того, этот проект имел те же дефекты, что и проект Кондорсе. Согласно этому проекту утверждалась Центральная комиссия, которой подчинялись все образовательные учреждения; согласно же проекту Кондорсе все образовательные учреждения подчинялись Национальному обществу и искусств. Следовательно, принцип контроля оставался один и тот же, и те упреки, которые падали на проект Кондорсе, в равной мере могли относиться и к проекту Лаканалья. Противники проекта Кондорсе указывали, что во главе контроля над образовательными учреждениями по проекту Кондорсе стоит Национальное общество наук и искусств, т.е. несколько человек будут управлять всей образовательной системой, — а такой принцип является «аристократическим». Но ясно, что эти рассуждения могут быть отнесены и к тральной комиссии проекта Лаканалья. Что же касается создания «республиканских нравов», то и это требование революционной педагогики не было осуществлено проектом Лаканалья. По крайней мере, этот проект не предложил ничего нового в этом направлении. Все предложенное Лаканалем вплоть до национальных празднеств было уже предложено. Кроме того, отсутствие высших ступеней образования также не могло удовлетворить Конвент. В эту эпоху можно было говорить о том, должны ли быть бесплатными высшие ступени образования, но нельзя было сомневаться в том, что государство должно учреждать высшие школы. Знание было совершенно необходимо. Чрезвычайно остро ощущалась нужда в профессиональном образовании, и Кондорсе сумел учесть и эту сторону вопроса. В проекте же Лаканалья—Сийеса эта сторона чрезвычайно слаба. И хотя Лаканаль говорит что необходимо «увеличить сферу действия образования и включить в него как физическое и моральное воспитание так и развитие чисто-интеллектуальное, как **промышленный, так и физический труд**, «изящные искусства», хотя он и вводит статью декрета, согласно которой ученики посещают фабрики и заводы, где изготавливаются общеупотребительные предметы производства «для того, чтобы эти впечатления внушили и мысль о значении человеческой промышленности», но эти мысли совершенно не развиваются им более подробно. К тому же для всякого ясно, что профессиональное образование дается не в начальной школе, а на более высших ступенях, организация которых проектом Лаканалья—Сийеса вообще не предусматривается. И в прениях по проекту именно эта сторона и подверглась большим нападкам.

Прения в Конvente по проекту Сийеса—Лаканалья должны были начаться 1-го июля, но уже 30 июня в клубе якобинцев была сделана резкая оценка проекта якобинцем Гассенфратцем, известным ученым и профессором своего времени «Сийес изгнал из Комитета народного образования всех образованных людей, — сказал Гассенфратц, — центральная комиссия, которую он хочет учредить, аристократична. В этом плане нет ни слова о ручном труде, об обучении ремеслам. Вместо этих полезных занятий центр внимания перенесен на пение и танцы, необходимые для национальных празднеств, как будто бы молодые французы, предназначены быть кривляками, танцорами и певцами. Если не займутся вопросами образования в искусствах и ремеслах, мы будем рабами и подданными соседних государств». Впоследствии речь Гассенфратца была напечатана****. «Размышления Гассенфратца о народном образовании» — весьма любопытный документ. «Ничто не требует большего внимания Конвента, чем план народного образования, — так начинает свои размышления Гассенфратц. — Заблуждения в этом вопросе могут быть губительными для целого поколения». Наиболее важной частью образования Гассенфратц считает **профессиональное образование**. «В народном образовании пренебрегли наиболее существенной частью: развитием национальной промышленности, обучением искусствам и ремеслам, и заменили это полезное образование празднествами. Следует опасаться, что, имея дело с народом торговым, промышленным, земледельческим, окруженным странами с развитой промышленностью, мы приведем к тому, что наши соседи организуют свою промышленность и разрушат наши фабрики, нашу торговлю в то время, как мы будем заниматься организацией наших празднеств». «Прекраснейшим празднеством, которое может быть даровано французской республике, является организация обучения наукам и искусствам, предоставление широкой свободы национальной промышленности, деятельности нашим фабрикам, нашей торговле и уничтожение навсегда тирании, интриг и всех существующих семян раздора». Эти мысли Гассенфратца заслуживают глубочайшего внимания. Он, действительно, правильно понимал положение вещей.

После этой критики в клубе якобинцев Комитет несколько изменил свой проект. Он уменьшил число Национальных празднеств, вычеркнул пункт декрета, касавшийся обучения танцам и пению, установил зависимость Центральной комиссии не от исполнительной, а от законодательной власти, и ввел пункт декрета, по которому предлагалось организовать в школах полевые и

**** Reflexions sommaires sur l'instruction publique par le reoublicain J.G.Hassenfratz («Краткие размышления о народном образовании республиканца Ж.-Г.Гассенфратца»). См. ниже перевод. Жан Анри Ассенфратц, или Гассенфратц (1755-1827) – ученый, естествоиспытатель, инженер, инспектор Шахт, преподаватель химии и минералогии, обществ. и полит. деятель.

и огородные работы. Но и со всеми этими поправками проект не имел успеха.

Три оратора (Купэ, Лекинио и Дюваль) выступили против проекта Комитета. Общее мнение Конвента было, очевидно, против проекта. Робеспьер внес предложение избрать шесть комиссий и поручить им в недельный срок составить проект народного образования и воспитания. Этим постановлением и был отвергнут проект, выдвинутый центром, умеренными элементами. Педагогические идеи Сийеса и Лаканалья были опубликованы в указанной выше брошюре, носящей название «Лаканаль — своим коллегам». Эта брошюра представляет извлечение из статей Сийеса с несколькими вступительными замечаниями Лаканалья, но эти взгляды Сийеса являются одновременно и взглядами самого Лаканалья. Дону, работавшей над проектом совместно с Лаканалем и Сийесом, также опубликовал свои педагогические воззрения. Лаканаль считал представленный проект образцовым и неоднократно доказывал это; так, через полтора года в своем проекте первоначальных школах он говорит: «Франция не была бы лишена теперь образования, если бы не были отвергнуты основные принципы образования в заседании Конвента в июле по требованию тирана, остановленного вами на пути к трону и отправленного на эшафот».

В том же заседании Конвента, в котором был отвергнут план Сийеса и Лаканалья, Шабо (монтаньяр) напомнил Конвенту о проекте Мишеля Лепелетье, который Конвент постановил заслушать при рассмотрении вопроса о народном образовании, согласно декрету 21-го февраля 1793 года. В этом же Заседании было принято постановление отпечатать проект Лепелетье.

Проект Мишеля Лепелетье

С избранием комиссии по народному образованию — «комиссии шести» (Робеспьер, Грегуар, Лаканаль, Бурдон, Рюль и Купэ), революционная педагогика «ступает в новую эру. Мы переходим к рассмотрению того периода, когда «Гора» окончательно одержала победу над «Жирондой». Власть в руках монтаньяров (мелкой буржуазии и ремесленников), партии, несомненно, более демократической, чем жирондисты, и, конечно, необходима новая, более демократическая система народного образования.

И вот «комиссия шести» останавливается на проекте Лепелетье, и 13-го июля 1793 года Робеспьер от имени комиссии оглашает в Конвенте план Мишеля Лепелетье^{*****}. «Граждане, — заявил Робеспьер, — ваша Комиссия народного образования будет вскоре в состоянии представить вам ту важную работу, которую вы ей поручили. Она полагает, что уже сегодня она даст нации и вам основные принципы народного образования и удовлетворит нетерпение общества, представив вам работу знаменитого человека, нашего бывшего товарища. Мишель Лепелетье оставил родине память о своих добродетелях, но он оставил ей и свою работу, план общественного воспитания, как бы начертанного гением человечности. Этот великий объект занимал все его мысли, когда преступление настигло его. Тот, кто говорил: «Я умираю, но я умираю за свободу», оказал свободе и другие услуги, менее горестные для родины. Он покинул землю, но он подготовил счастье человечества работой, достойной его жизни и смерти. Граждане, вы услышите труд Лепелетье о национальном воспитании, и, слушая, вы еще более почувствуете величину потери, постигшей вас, и дадите доказательство того, что враги королей являются ближайшими друзьями человечности».

ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ РЕЧИ И ДОКЛАДЫ

Перевод и вступительная статья О. Е. СЫРКИНОЙ

МОСКВА, 1926

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* Essai sur l'instruction publique, par Daunou, depute a la Convention Nationale et membre du Comite d'instruction publique (Опыт народного образования, составленный Дону, депутатом Конвента и членом Комиссии народного образования.)

***** Луи-Мишель Лепелетье де Сен-Фаржо (1760—1793) был избран депутатом сначала в Генеральные Штаты, а потом в Национальный Конвент, где он примкнул к монтаньярам. Он не входил в состав Комитет народного образования, но вопрос о национальном воспитании привлекал его внимание, и он разработал план национального воспитания, обсужденный после его смерти. Лепелетье подал голос за казнь короля. В день исполнения приговора в ресторане к нему подошел королевский гвардеец и сказал: «Злодей Лепелетье, ты подал голос за казнь короля» «Да, — ответил Лепелетье, — но я подал голос, сообразуясь со своей совестью». Гвардеец нанес Лепелетье смертельный удар и исчез. Конвент похоронил Лепелетье в Пантеоне и усыновил его семилетнюю дочь. О Ле Пеллетье см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>.

Plan d'education nationale de Michel Lepeletier, presente de la Convention Nationale au nom de la Comission de l'instruction publique par Maximilian Robespierre. (План национального воспитания Мишеля Лепелетье, представленный Национальному Конвенту Максимилианом Робеспьером от имени Комиссии народного образованию). Перевод см. ниже. О М.Робеспьере: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>.

Основная мысль проекта Лепелетье заключается в **создании республиканских нравов путем принудительного интернирования детей в общественных учебных заведениях, путем «национального воспитания»**. В этом и заключается главное отличие педагогической системы Лепелетье от педагогических систем более раннего периода (Таллейран, Мирабо, Кондорсе, Лаканаль). В прежних системах этого требования, составляющего центр педагогической системы Лепелетье, не имеется. Проект Лепелетье создан под очевидным влиянием педагогических идей Платона, и Лепелетье хочет перенести во Францию начала древнегреческого воспитания. Все граждане существуют для государства, государство берет детей у нации и возвращает граждан отечеству. Проект Лепелетье носит чисто практический характер и чужд философских обоснований. «Я признаюсь, — говорит Лепелетье, — что люблю только простые и ясны идеи. Я отступаю от всякой абстрактной теории. Я откидываю все научные изыскания, касающиеся природы человека, того морального и физического совершенства, на которое он способен, происхождения и причины его ощущений, страстей, добродетелей и пороков. Пусть естествоиспытатели и метафизики размышляют над этими великими вопросами. Я ищу хороший, доступный метод, здравые, простые способы и благие и очевидные результаты, пусть не будет ничего сложного, но пусть все будет полезно».

Не следует думать, что Лепелетье предлагал свой проект взамен проектов Комитета народного образования. Своими национальными школами, интернатами Лепелетье желает лишь заменить первоначальные школы проекта Кондорсе. Высшие ступени, предназначенные для образования, представляются ему удовлетворительными. «План народного образования мне представляется удовлетворительным, — говорит Лепелетье, — но народное воспитание совершенно не разработано.

Весь план Комитета покоится на учреждении четырех ступеней образования: школ первой ступени, школ второй ступени, институтов и лицеев.

Я нахожу в этих трех последних ступенях общую мысль, представляющуюся мне разумной с точки зрения сохранения, распространения и совершенствования человеческих знаний. Эти три последовательные ступени открывают образованию обильный и удачно расположенный источник, и я вижу в них могущественный и действительный способ развития талантов тех граждан, которые желают изучать науки, изящные искусства и литературу.

Но этим высшим ступеням, полезным лишь ограниченному числу людей, должно предшествовать, с моей точки зрения, образование, общее для всех, соответствующее потребностям всех, воспитание, являющееся долгом республики перед всеми гражданами, — одним словом, воспитание действительно национальное; и я считаю, что первая ступень образования, предлагаемая вам Комитетом под именем школ первой ступени, отнюдь не представляет ничего подобного».

И вот Лепелетье предлагает Конвенту издать декрет, по которому «всем детям в возрасте от 5 до 12 лет (для мальчиков) и от 5 до 11 (для девочек), без всякого различия, без всякого исключения, предоставляется общественное воспитание на средства республики, так что все они, находясь под святым покровом равенства, получают одинаковую одежду, пищу, образование и уход». Таким образом будет устранено вредное влияние семьи, нарушающее принцип равенства. Элемент неравенства и случайности исчезнет из жизни детей, школа будет оказывать свое благотворное влияние не несколько часов в день, а явится средством упорного влияния в продолжение длительного периода жизни. «Никогда в первоначальных школах мы не найдем совершенного воспитания. Их коренной недостаток в том, что они владеют детьми лишь несколько часов и предоставляют свободе все оставшееся время. После школьного дня дети возвращаются одни — в угнетающую атмосферу нищеты, другие же — в изнеживающую обстановку роскоши. Пусть эти молодые деревца будут пересажены на национальную почву, пусть одна земля дает им свои питательные соки, пусть одна мощная культура их создает, пусть, прижатые один к другому, озаряемые тучами благодетельного светила, они растут, развиваются и поднимаются все вместе под наблюдением и нежным попечением отечества». Мы приготовляем, если можно так выразиться, первоначальное вещество. В общественных учебных заведениях нам принадлежит все существование ребенка целиком. Вещество никогда не выпускается из формы. В пятилетнем возрасте отечество получает ребенка из рук природы, а в двенадцатилетнем оно возвращает гражданина обществу.

Общественное образование обязательно для всех, и все граждане обязаны отдавать своих детей в эти общественные школы. Неподчиняющийся этому требованию выплачивает подоходный налог в двойном размере и лишается прав гражданина. Однако, принимая во внимание отношение общества к идее принудительного интернирования детей, Лепелетье соглашается временно отказаться от этого предложения. В настоящее время, полагает он, эта обязанность может отсутствовать, но это — временная мера, и через четыре года должна быть установлена принудительность образования.

Общественное воспитание охватывает период с пятилетнего до двенадцатилетнего возраста. **До пятилетнего возраста ребенок остается в семье.** «До пяти лет нельзя не предоставить ребенка заботам матери; таков голос, такова потребность природы. Слишком много деталей, слишком много ежеминутного внимания требуется в этом возрасте; все это принадлежит материнству». Все же и здесь Лепелетье сожалеет о том, что ребенок «ускользает от наблюдения законодателя». Он желает хотя бы до известной степени восполнить этот пробел воспитания устройством специальных консультационных бюро для помощи матерям и, распространением подробных инструкций, - излагающих, правила ухода за детьми.

Особенно занимает Лепелетье мысль о том, каким образом осуществить идею **бесплатного национального воспитания**, не переобременяя бюджета государства. Лепелетье полагает, что расходы по содержанию государственных школ будут покрываться доходами: 1) с мастерских, учреждающихся при каждой школе и продающих работы учащихся, 2) с личных средств учащихся, обладающих самостоятельным состоянием, ибо вполне естественно, чтобы во время пребывания учащегося в общественной школе доход, с этого состояния поступал в общий фонд школы, и, наконец, 3) с подоходного налога на воспитание детей. Этот налог будет распределяться «в справедливой пропорции», он будет обременительным только для состоятельного класса, для меньшинства нации — «дети бедняка будут воспитываться на средства богача». Здесь сказывается характерное для монтаньяров стремление к уравниванию состояний - Лепелетье считает этот закон, представляющий бедным классам возможность дать образование своим детям, совершенно необходимым. «Давно уже следовало притти на помощь наиболее многочисленной части общества; революция, протекающая уже в течение трех лет, сделала все для других классов общества, но еще ничего не сделала для наиболее, быть может, нуждающегося класса — для граждан-пролетариев, единственное состояние которых заключается в их труде».

Теперь рассмотрим вопрос о **внутренней организации этих школ — интернатов.** Школа учреждается с расчетом — 50 учащихся на одного учителя. При школе организуется совет в составе 52-х родителей, каждый член совета берет на себя обязательство провести в школе одну Неделю в году для контроля. Совет выделяет комитет из 4 отцов для более близкого контроля над школой. Таким образом, замечает Лепелетье, не нарушается связь между родителями и детьми. При школах учреждаются убежища для престарелых граждан, обслуживание которых будет вверено детям. В этом «общении бодрой юности и дряхлой старости» Лепелетье видит «живой урок социальных обязанностей». «Мне кажется, — говорит Лепелетье, — что существует нечто трогательное в этом общении первого и послед него возраста, дряхлой немощи и детской силы. Таким образом, святое уважение к старости, сострадание к несчастью, благодетельная гуманность коснутся наших учеников пол пробуждении первых чувств в их душе, прочно привыкнутся сделаются привычками, и эти привычки обратятся в добродетели».

Главное значение педагогической системы Лепелетье заключается в **идее гражданского воспитания.** Этот проект действительно имел в виду укрепить все принесенное революцией, и во имя этой идеи он и был создан

В этом отношении Лепелетье ожидает большой помощи от **программы преподавания**, которая включает, кроме чтения, письма, арифметики, географии, изучение истории, истории революции, основ государственного строя французской республики. От изучения этих общественных наук Лепелетье ожидает очень многого. Об изучении религии в школе, конечно, не может быть речи. «Я бы хотел, — говорит Лепелетье, — чтобы в этом возрасте совсем не говорили о религии, потому что я не люблю в человеке то, что ему было свойственно до сих пор, — религию по привычке.

Я считаю, что этот важный выбор, выбор религии, дол жен быть актом, продуманным разумом.

Я требую, чтобы в продолжение всего курса в общественном учебном заведении ребенку сообщались лишь общие моральные наставления, а не внушалась одна специальная религия.

Я хотел бы, чтобы лишь в двенадцатилетнем возрасте, когда ребенок возвратится в общество, он обдуманно присоединился к той или иной религии Мне кажется, что он не должен выбирать, пока не будет в состоянии судить».

Затем необходимо отметить, что Лепелетье в своем проекте вполне определенно высказывается за **трудовую школу, трудовое воспитание, физический труд и самообслуживание в школе.** «Французская республика, слава которой заключается в торговле и земледелии, нуждается в создании людей всех профессии, — говорит Лепелетье. — Поэтому не в школах надо запереть детей, а ввести их в различные мастерские, в поля, всякая другая идея — химерична и под обманчивым видом совершенства связала бы нам руки, уничтожила бы промышленность, разрушила бы общественный строй и внесла бы в него разложение. Эта идея Лепелетье особенно важна.

«Кроме здоровья и силы, благом, которое общественное школьное заведение должно дать всем своим ученикам, ибо оно является для всех бесценным преимуществом, является привычка к

труду.

Я не говорю здесь о том или другом специальном ремесле, но я требую воспитания мужества в начинании трудной работы, энергии в ее исполнении, твердости в ее проведении, упорства в доведении ее до конца, характеризующих трудолюбивого человека.

Создайте таких людей, и республика, состоящая из этих трудовых элементов, удвоит свою производительность в промышленности и земледелии» «Конец дня будет посвящен дополнительным занятиям; ручной труд будет здесь главным упражнением». «Существует масса занятий, к которым способны дети.

Я предлагаю, чтобы они упражнялись в полевых работах, это — наиболее необходимое, наиболее основное, наиболее распространенное занятие человека; кроме того, оно всюду может дать кусок хлеба.

Я бы хотел, чтобы в учебных заведениях были установлены различные формы работ, отвечающие способностям детей. Эти работы, значительно увеличили бы ежегодную промышленную производительность республики».

«Никакой прислуги в учебных заведениях не будет. Более старшие дети будут помогать младшим, когда в этом встретится надобность; они будут поочередно нести дежурство; они научатся постепенно обслуживать самих себя и приносить пользу другим». Конечно, Лепелетье подходит к этому вопросу не с точки зрения современного социалистически-трудового воспитания, какое существует в нашей школе. Хотя он и придает громадное значение труду, как исключительно важному факту, создающему твердого, сильного человека, но в его стремлениях ввести в школу промышленный труд им руководят главным образом соображения экономического характера. Но, несмотря на этот утилитарный подход к вопросам трудового воспитания, основные мысли Лепелетье о значении труда в деле воспитания чрезвычайно интересны и в наше время.

Лепелетье ожидает великих результатов от проведения жизни своего проекта. Этот проект, полагает он, даст возможность создать «сильное, трудолюбивое, дисциплинированное, честное молодое поколение, которое будет отделено непроходимой стеной от нечистого прикосновения навито дряхлеющего поколения. Всем детям нации, соединенным в одно целое, независимым от потребностей жизни, будет дано, всем одинаково, одно и то же воспитание, сообщены одни и те же познания, и случайные обстоятельства, как отдаленность дома или бедность родителей, не обратят мечтания этого благоденствия нации. Таким образом, будет оказана помощь нищете, таким образом богатство будет лишено части своего изобилия, и без кризиса и содроганий исчезнут эти две болезни политических органов. В этом плане перед нами — революция, предназначенная для бедняка. Но революция кроткая и мирная, революция, не затрагивающая ни справедливости, ни собственности. Усыновите детей неимущих граждан, и для них не будет более нищеты. Усыновите этих детей, и вы облегчите их существование».

Таким образом Лепелетье видит в воспитании средство уравнивания имущественного положения граждан. Революция уравнила их перед лицом закона, а общественное воспитание уничтожит их имущественное неравенство. Революция могла бы уничтожить это неравенство соответствующим декретом но это не был бы мирный путь, которым уничтожит это неравенство воспитание. Здесь характерно то, что вопрос о неравенстве состояний в высшей степени занимает Лепелетье, но и для него «собственность священна», и он опасается обвинения в посягательстве на права собственности. Поэтому он и ищет мирных путей для улаживания того конфликта, каким он считает неравенство состояний; и тот налог на богатых, которому посвящено много страниц его проекта, и та величественная система общественного воспитания, которую он желает организовать во Франции, являются для него мирным средством устранения этого конфликта.

Таковы основные педагогические идеи Лепелетье. Школа обязательная, светская, бесплатная и притом трудовая — вот ее характерные черты. Очевидно, это была система образования, несравненно более демократическая, чем все то, что предлагалось по вопросам народного образования до Лепелетье. Этот проект отвечал как стремлению укрепить революцию, так и интересам торговли, промышленности и земледелия, внося в школу уже на первой ступени элементы промышленного и земледельческого труда. Но центр тяжести проекта Лепелетье лежит в идее интернирования детей, и вокруг этого пункта и развились прения по проекту Лепелетье в Конвенте и прессе.

Впечатление, произведенное этим проектом, было очень велико. Чтение проекта неоднократно прерывалось шумными аплодисментами. Феликс Лепелетье, брат Мишеля, огласил этот проект в клубе якобинцев, где он также имел шумный и успех. Но сама «комиссия шести» не могла прийти к соглашению по поводу проекта Лепелетье. Мнения комиссии разделились. Грегуар и Купэ были убежденными противниками проекта Лепелетье; Робеспьер, напротив, был его убежденнейшим сторонником. Между тем Конвент настоятельно требовал обсуждения проекта Мишеля Лепелетье. Наконец, уже июля Камбон^{xiii} (монтаньяр) предложил поставить на обсуждение проект Лепелетье, «выслушать самого Лепелетье», не ожидая тех изменений, которые

^{xiii} Пьер Жозеф Камбон (1756-1820), см. о нем <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cambon>.

«комиссия шести предполагала сделать в проекте, и, несмотря на бурные события на восточных границах Франции и в самом Париже, внимание Конвента приковывается к проекту Лепелетье. Много величественного в этом увлечении просвещением именно в июле 1793 года. Ведь именно в этот момент политическое вложение Франции было чрезвычайно критическим. Самое существование республики было в опасности. Восстания в Канне, Бордо, Лионе, Марсели, Вандее, успехи европейской коалиции, убийство Марата, и в то же время страстные прения Конвенте по вопросам народного образования.

Прения начались 29-го июля, и в них приняло участие большое число ораторов (Рафрон, Грегуар, Бурдон, Лекинио, Фуркруа, Тибодо). В начале прений у большинства членов Конвента было решение принять план Лепелетье без дебатов. Но в течение последующих дней горячие речи противников проекта (Грегуара, Фуркруа, Тибодо, Делакруа и др.) несколько охладили энтузиазм Конвента и даже самого Робеспьера. Наиболее интересной из этих речей является речь епископа Грегуара^{*****}, давшего интересную критику проекта Лепелетье.

Недостаточно, заявил Грегуар, чтобы во главе педагогической системы стояли имена Платона, Ликурга и Лепелетье. Каждую систему надо оценить с точки зрения ее пригодности для данной страны и данного народа. Спарта была маленьким государством, там было всего 25 тысяч населения. Во Франции детей в возрасте от 5 до 12 лет не менее 3 миллионов. Если каждый воспитанник будет обходиться республике только в 100 ливров в год, то воспитание детей нации потребует 300 миллионов ливров. Воспитание — чрезвычайно важная задача, и, быть может, нация согласится даже принести тяжелые жертвы, выделить значительную часть государственного бюджета на выполнение разумного плана народного образования. Но план Лепелетье совершенно не пригоден. «Я заявляю, — сказал Грегуар, — что предлагаемый вами план противоречит счастью и нравственности детей. Ребенку необходима любовь: он распространяет ее на всех тех, с кем он связан прочными узами. Сирота заслуживает сожаления. Ничто не может заменить детям любовь отца и ласки матери. Предоставим же детям счастье ежедневно проявлять свою любовь. Наши самые моральные чувствования, наши искреннейшие привязанности и наиболее чистые удовольствия коренятся в тех годах, когда среди семьи — братьев, сестер и родителей — протекала весна нашей жизни. Эти воспоминания сохраняют свое очарование в продолжение всей нашей жизни, и горе тому, у кого не бьется в старости сердце при воспоминании о родном доме! Можно опасаться, что воспитание в интернатах создаст жестокие нравы, домашняя атмосфера любви никогда не создаст их, так как привязанности, которые развиваются в семье, являются гарантией душевной доброты. Но мне могут сказать: неужели вы не дрожите при одной лишь мысли оставить детей в домах их родителей, зараженных предрассудками и фанатизмом? Вот мой ответ: эта опасность только возможна. Между тем та опасность, на которую указываю я, неизбежна. Кроме того, я не сомневаюсь в том, что вы включите в ваш план образования школы для подготовки учителей. И, подготовив хороших учителей, вы получите просвещенную, добродетельную молодежь. Я полагаю вместе с Лепелетье, этим славным мучеником свободы, что должно существовать национальное общественное воспитание, общее для всех, но я отвергаю принудительное интернирование детей в национальных учебных заведениях».

ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ РЕЧИ И ДОКЛАДЫ

Перевод и вступительная статья О. Е. СЫРКИНОЙ

МОСКВА, 1926

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{*****} Грегуар (1750—1831) соединял в себе ярого монтаньяра и глубоко верующего католического епископа. Был известен еще до революции своими статьями о веротерпимости. Играл видную роль в Учредительном собрании, принимал ближайшее участие в организации церкви, был неприсягнувшим священником, стоял за эмансипацию евреев, за дарование прав неграм. В Конвенте он примкнул к монтаньярам. Его речь о свержении королевской власти доставила ему широкую популярность, был избран президентом Конвента. Подал голос за осуждение короля, но не за его смерть, заявив, что религиозные убеждения не позволяют ему приговорить к смерти человека. С 1793 года принимал деятельное участие в работах Комитета народного образования, произнес большую речь о проекте Лепелетье, представил проект уничтожения академий, доклад о книге для чтения по истории (*Recueil des traits des vertus civiques*), составление которой было поручено Комитету народного образования, и о конкурсе на составление учебников, доклад об уничтожении академий, доклад о революционном вандализме. Он отказался отречься сана и заседал в Конвенте на скамьях Горы в мантии католического епископа. Был избран в Совет пятисот, где занимался делами церкви, но не играл уже выдающейся роли. Одно время был президентом законодательного корпуса, потом сенатором. В силу конкордата 1801 года Грегуар, с другими конституционными священниками, был вынужден отказаться от своего звания. После реставрации он, как бывший революционер, был окончательно удален от политической деятельности. Архиепископ Парижа соглашался причастить Грегуара только в том случае, если он отречется от присяги 1790 года. Грегуар отказался от этого предложения. В своем завещании он заявил, что умирает католиком и революционером. Он оставил большое число сочинений на религиозные темы.

В противоположность Грегуару, Лекинио выступил в защиту проекта. Этот проект, заявил он, имеет столь реальные преимущества, что не следует останавливаться перед возможными трудностями. Какое могло быть отношение во Франции шесть лет назад к человеку, который имел бы смелость высказаться за учреждение республики? Теперь же республика существует, и вся Франция ценит ее; через несколько лет можно будет лишь удивляться тому, что республиканский строй существует так недавно. Совершенно то же и будет в вопросе о народном образовании. Большинство удивляется проекту Лепелетье; кажется, что этот проект лишает священнейшие права природы, большинство не (смелости считать его практичным; но если вы примете сегодня, то очень скоро вся Франция будет удивляться, каким образом вы могли колебаться в этом вопросе.

Профессор Фуркруа^{*****}, член Академии Наук, оценит проект с экономической стороны. Как и Грегуар, он указал на неосуществимость проекта с точки зрения финансов и предложил видоизменить проект Лепелетье следующим образом: дети будут жить у своих родителей и на их средства, как ранее, но школьный день будет продолжен, и дети будут проводить в школе не только время, посвященное учению, но и время, посвященное играм, домашним занятиям и отдыху. «Я полагаю, — сказал Фуркруа, — что воспитание, объединяющее всех детей нации, — единственное воспитание, достойное республики, и проект Лепелетье, с моей точки зрения, как нельзя лучше соответствует тому, что может быть предложено по этому вопросу. Но республика не может дать воспитание всем детям нации исключительно на государственные средства. Я признаю принцип общественного воспитания, но считаю невозможным принудительное интернирование.

Оценка проекта Лепелетье была произведена и в клубе якобинцев, где профессор Гассенфратц заявил, что план Мишеля Лепелетье — наилучший из всех планов, представленных Конвенту.

После этих речей «комиссия шести» посвятила отдельное заседание пересмотру проекта Лепелетье в связи со всеми выслушанными мнениями. В результате работы комиссии он представил Конвенту 1-го августа новый проект от комиссии, являющийся несколько видоизмененным Лепелетье. Пребывание в общественных учебных заведениях предоставлялось лишь мальчикам в возрасте от 7 до 14 лет между тем, как согласно проекту Лепелетье этот срок устанавливался от 5 до 12 лет, и для детей обоего пола. Комиссия высказалась за необязательность пребывания детей в этих школах, называвшихся в этом проекте «домами равенства», при этом дети, отданные родителями в «дома равенства», могли проводить лето в доме своих родителей.

При обсуждении видоизмененного проекта Лепелетье предлагавшегося комиссией, снова выступали многие члены Конвента; так, Тибодо заявил, что проект Лепелетье представляет реальную опасность для республики. «Навязав нации принудительное воспитание, вы восстановите против общественной власти все классы общества. Высшие классы по самой сущности своей будут противиться национальному воспитанию. Но и каждый отец, и каждая мать всех классе общества будут врагами вашего проекта. Вам придется столкнуться с природой человека, а эта природа всегда окажется могущественнее ваших декретов. Между тем враги республики могут воспользоваться волнениями, вызванными вашим декретом, ввести в заблуждение народ и исказить ваши благородные намерения».

Последним по вопросу о плане Лепелетье говорил Дантон. Сторонник проекта Лепелетье, он заявил: «Все суживается в семейном воспитании и все расширяется в воспитании общественном. Я — тоже отец, но мой сын принадлежит не мне, а республике. Ей принадлежит право диктовать его обязанности для того, чтоб он мог впоследствии верно служить ей». Но, с другой стороны, Дантон указал на финансовые затруднения, вызываемые этим проектом, и на те затруднения, которые он назвал затруднениями, диктуемыми природой, т.-е. любовью родителей к детям. «Наиболее важное возражение, — сказал он, — касается финансовой стороны проекта но, сея на поле республики, вы не должны взвешивать цен этого посева. После хлеба воспитание есть важнейшая потребность народа»^{*****}.

^{*****} Фуркруа (1755—1809), химик и доктор медицины, известнейший профессор своего времени, собиравший своими лекциями громадную аудиторию, вошел в Конвент вместо Марата после убийства Марата Шарлоттой Кордэ. При обсуждении Конвентом проекта Лепелетье Фуркруа произнес блестящую речь, после которой был назначен членом Комитета народного образования. Работал над составлением проекта, представленного Конвенту в петиции народных обществ и секций Парижа 15-го сентября 1793 года, главным образом над вопросом о профессиональных школах. Во время господства монтаньяров был одно время президентом клуба якобинцев, а после 9-го термидора вошел в Комитет общественного спасения, тогда же он представил доклад об организации центральной школы общественных работ. Был избран в Совет пятисот, после переворота 18-го брюмера был поставлен во главе народного образования.

^{*****} Эти слова выгравированы на памятнике Дантону в Париже. См. сборник речей Дантона в рус. переводе в нашей библиотеке: <http://narod.ru/disk/9257686000/danton.pdf.html>. Материалы о Дантоне: . <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>

Дантоном было внесено предложение, которое и было принято.

Вот это постановление:

«Национальный Конвент постановляет, что будут организованы дома общественного воспитания (education commune), содержимые на средства республики. Посещение эти домов не будет обязательным. При этих домах будут иметься классы, предназначенные для детей, живущих дома. (Принято 13 августа 1793 года.)

В этой формулировке план Лепелетье потерял всю свою увлекательность и грандиозность. Этим постановлением Конвента как будто бы был разрешен вопрос об организации первоначальных школ. С одной стороны, учреждались дома общественного воспитания соответственно плану Лепелетье; с другой стороны, при этих домах учреждались первоначальные школы, соответствовавшие, повидимому, первоначальным школам плана Кондорсе.

Теперь оставалось лишь организовать высшие ступени образования. Эта задача и была поручена «комиссии шести», работы этой комиссии не дали никакого результата, так как комиссия снова разделилась на две группы и не могла итти к соглашению относительно плана Кондорсе. А ведь именно этот план, как содержащий уже разработанную организацию высших ступеней образования, являлся основой работой комиссии.

Не имея соответствующих документов, трудно судить о том, каково было отношение секций Парижа к реформе народного образования и к прениям по этим вопросам, происходившим в Конвенте. Поэтому трудно определить, какова истинная подкладка появления в Конвенте 15 сентября года грандиозной депутации от народных обществ, секций и коммуны Парижа. Одно во всяком случае безусловно, а именно то, что для ряда членов Конвента эта появившаяся не было неожиданностью и что это было организованное выступление. Депутация просила принять самые спешные меры к организации народного образования. «Мы ожидаем нетерпением тех законов, которые вы издадите по вопросу народного образования, — заявили делегаты, — но та совершенная организация, которую вы хотите придать новым школам, будет делом медленной реформы. Потребность же республики в образовании неотложна. Начинается школьный год, этот слишком дорог, чтобы принести его в жертву. Воспользуемся им и попробуем приблизить наши школы к тому совершенству, которого они достигнут впоследствии благодаря нашим законам. Проведем хотя бы временную реформу. До сих пор школы Парижа еще предоставлены предрассудкам старого режима. Вместо этих коллежей, которые необходимо уничтожить, мы требуем гимназий, где молодые республиканцы получают все знания, необходимые в различных ремеслах и производствах. Мы требуем учреждения института, где излагались бы элементы точных наук и языков, лицеев, где мог бы раскрыться и направить свой полет гений, уже сделали подготовительные работы. Перед вами депутация Коммуны, всех народных обществ, всех секций Пайщика, которые просят вас привести в движение эту реформу. Дайте законы, и мы овладеем юношеством, чтобы сделать из него республиканцев».

Речь народного представителя была покрыта бурными аплодисментами. Лаканаль с трибуны Конвента заявил, что план, предлагаемый депутацией, соответствует плану Комитета. И при общем энтузиазме был принят декрет, учреждавший, кроме первоначальных школ, три высшие ступени образования: школы второй ступени, институты и лицеи. В школах второй ступени излагаются все знания, необходимые ремесленникам и рабочим всех родов (среднее профессиональное образование). В других школах дается дальнейшее образование. Кроме того, учреждается высшая школа. (Принято 15-го сентября 1793 года.)

Но этот декрет, принятый при всеобщем энтузиазме, через два дня был отменен. Причиной отмены этого декрета послужили возражения нескольких членов Конвента, указавших на невозможность закрыть существующие школы, не имея еще новых. Комитету народного образования было предложено продолжать свою работу по рассмотрению высших ступеней народного образования. Докладчиком комиссии был снова избран Ромм ^{*****}, и 20-го октября он представил Конвенту новый план народного образования. В этом докладе не мы снова видим основные идеи Кондорсе. Только старые названия, предложенные Кондорсе, заменены новыми, соответствующими моменту. По этому плану образование делится на две части: одна часть необходима каждому человеку, вторая необходима всему обществу. Первоначальные школы детства, школы детства второй ступени, школы юношества составляют первую часть образования; вторую часть составляют высшие специальные школы. В каждой коммуне с населением от 400 до 1500 жителей учреждается бесплатная первоначальная школа; в школу принимаются дети обоюбого пола, достигшие шестилетнего возраста; в тех местностях где имеются две школы, одна предназначается для мальчиков, другая для девочек, в каждом дистрикте учреждается комиссия воспитания, распределяющая школы и контролирующая нравственность, патриотизм и преподавание учителей. Учителя избираются коммуной и утверждаются комиссией. Духовные

***** Projet du decret sur les ecoles nationales present; a la Convent Nationale au nom du Comite de l'instruction publique par G.Romme. (Проект декрета о национальных школах, представленный Национальному Конвенту от имени Комитета народного образования Ж.Роммом.)

лица не имеют права преподавать. Посещение школы не обязательно.

Очевидно, что этот проект отличается от проекта Кондорсе главным образом в смысле контроля над школами. По проекту Кондорсе, контроль над школами был сосредоточен в Национальном обществе наук и искусств, совершенно независимом от исполнительной власти. По проекту же Ромма школы подлежат контролю комиссии воспитания, т.-е. исполнительной власти. В остальном существенных отличий между обоими проектами нет.

Обсуждение проекта Ромма состоялось 28-го октября, в этот же день состоялось постановление Конвента, по которому отменялось учреждение домов общественного воспитания, предложенное и принятое после обсуждения проекта Лепелетье 13-го августа 1793 года. Протоколы Конвента не дают подробных сведений о том, почему декрет 13-го августа 1793 года снова появился на повестке дня. Но в речах ораторов ясно сказывается недовольство проектом Лепелетье. «Чего вы хотите, — говорит, например, один из ораторов, — национального воспитания или народного образования, домов общественного воспитания или первоначальных школ? Мы живем не в Спарте, и мы не нуждаемся в спартанском воспитании. Достаточно будет, если мы организуем народное образование».

В этом же заседании был принят проект Ромма, а в течение ноября был принят целый ряд декретов, касавшихся различных пунктов этого проекта. Все эти декреты подвергались длительной разработке, каждый из них в отдельности был принят Национальным Конвентом, но, представленные Конвенту в целом, они были направлены обратно в комиссию народного образования для нового пересмотра. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что проект Кондорсе, или, вернее, его основы, не удовлетворял Конвент.

Проекты Лавуазье и Шенье

Ранее, чем характеризовать дальнейшую работу Комитета народного образования, остановимся еще на одном проекте по народному образованию, также относящемуся к осени 1793 года. Это — проект знаменитого химика Лавуазье^{*****}, составленный им по поручению совещательного Бюро искусств и ремесел. Совещательное бюро искусств и ремесел постановило организовать специальное образование для желающих изучать механические и химические науки. Лавуазье был составлен проект организации профессионального образования. Этот проект также не имел практического значения. Он был рассмотрен совещательным бюро искусств и ремесел, но политические события не позволили бюро представить этот проект Конвенту. Бюро ограничилось напечатанием этого проекта и направило его в Комитет народного образования. Собственно говоря, проект Лавуазье касается не только исключительно вопросов профессионального образования. Лавуазье понял свою задачу шире и представил общий план, охватывающий народное образование в целом, но включающий и профессиональное образование (28).

Прежде всего Лавуазье делит уже школу в второй ступени на два отдела: общеобразовательный и специальный. «Дорога, по которой шли все дети нации, начинает разветвляться, дойдя до известного предела, — говорит Лавуазье. - Они не могут более продолжать совместно свой путь. Образуются две большие группы: одни предназначают себя к выполнению обязанностей общественного деятеля и отдаются изучению гуманитарных наук, другие предназначают себя изучению механических ремесел. Сообразно этому образование уже в школах второй ступени разделяется на две части, первая напоминает образование в университете, вторая до сих пор не существовала». И вот Лавуазье подробно излагает учебный план этих новых профессиональных школ, подразделяемых им на механические и химические. Не вдаваясь в подробности их организации, здесь интересно отметить самую идею **профессионального образования**, связанного с общими политехническими знаниями

***** Антуан Лоран Лавуазье (1743—1794) - знаменитый основатель современной химии, член Академии Наук, был во время революции секретарем комиссии, Учрежденной при Академии Наук для разработки новой системы мер и Весов; с 1791 года принимал участие в работе совещательного бюро искусств и ремесел, учрежденного для того, чтоб указывать республике полезные технические изобретения и поощрять работу в области техники. Кроме того, как один из главных деятелей Академии Наук, Лавуазье выполнял роль посредника между Академией и Комитетом народного образования при реорганизации Академии. Научная слава не спасла Лавуазье от смерти в 1794 году, когда Лавуазье вместе с другими откупщиками был заключен в тюрьму и казнен. По поводу казни Лавуазье Лагранж сказал: «Палачу было довольно мгновения, чтобы отрубить эту голову, но человечеству будет мало столетий, чтобы создать такую же другую». О Лавуазье см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#lavs>.

Reflexions sui l'instruction publique, presentes a la Convention Nationale, Oeuvres de Lavoisier, t.VI, publics par Grimaux. (Размышление о народном образовании», представленные Лавуазье Национальному Конвенту, входят в полное собрание сочинений Лавуазье); перевод см. ниже.

Об исключительном значении проекта Лавуазье в деле развития профессионального образования на политехнической базе подробнее см. Н.Крупская — «Народное образование и демократия», Гиз. 1921 г.

Интересно также обратить внимание на мысли Лавуазье о значении науки. Он чрезвычайно высоко ценит науку, как фактор, создающий внутреннюю силу и мощь государства,двигающий промышленность и поднимающий производительность. Повторяя те же идеи, которые были высказаны сторонниками государственного воспитания еще до революции, он заявляет, что просвещение есть лучший путь к могуществу государства. С этой именно точки зрения оценивает Лавуазье ученых. Наука должна прийти на помощь промышленности, их соединение обеспечит благосостояние страны. Поэтому государство должно взять под свое покровительство ученых, оно должно обеспечить им возможность научной работы, и только в этом случае вправе оно ожидать научных открытий, оживления научной деятельности. Необходимо помнить, что **государство зависит от науки**. Соответствующим воззванием к представителям народа и заканчивает свой проект Лавуазье: «Граждане, — говорит он, — судьба французской республики в ваших руках, только от вас зависит поднять Францию на наивысшую ступень блеска и благополучия, когда-либо достигавшуюся нациями. Организуйте народное образование, двигайте вперед науки, искусства, промышленность. Законодатели! Просвещение вызвало революцию, — пусть же оно послужит защитой свободе!»

Большой интерес представляет также **сенсуализм** Лавуазье, чрезвычайно характерный как для его педагогической системы, так и для других педагогических и философских систем XVIII века. Этот сенсуализм Лавуазье резко подчеркивает во всем своем докладе. Ребенок, полагает он, проходит при помощи своих чувств настоящий курс ознакомления с миром физических явлений, и воспитатель должен только прийти ему на помощь в этой работе.

Мысли Лавуазье о широкой организации профессионального образования, значении науки в деле развития промышленности чрезвычайно интересны. И с этой точки зрения его проект не потерял значения для современности.

Остановимся еще на речи Шенье, выступившего в заседании Конвента осенью 1793 года с планом морального и физического воспитания не от Комитета народного образования, а лично от себя. Эта речь является одной из наиболее интересных речей по народному образованию, так как она еще освещает стремление Конвента **создать революционную идеологию**, она посвящена преимущественно вопросам морального и физического воспитания.

Шенье разделяет народное образование на три части, одинаково способствующие образованию человека: умственное, нравственное и физическое воспитание. Он мало интересуется вопросами интеллектуального образования, уже достаточно разработанного Комитетом народного образования, приветствуя уничтожение старых школ, в которых подрастающее поколение было предоставлено учителям, состарившимся в предрассудках роялизма, он заявил: «Кто из нас не принужден, закончив свое образование, снова приняться за свое воспитание, сделаться своим собственным учителем, начать борьбу со всеми теми впечатлениями, которые были получены в детстве и юности, разрушая работу иезуитского воспитания? Уничтожьте иго теократии, которое чадит над молодым поколением! Вы приступили к этой работе, вы начали изменять образовательную программу и методы преподавания, вы удалили из школ старых учителей, — не теряйте ни минуты, создайте новые школы». Но центр тяжести проекта Шенье — в вопросах морального и физического воспитания. «Мало создать умы, надо создать нравы» заявил он.

Наилучшим средством морального воспитания, создан нравов Шенье считает широкую **организацию народных празднеств**, пробуждающих в душе гражданин чувство свободы и преданности республике. Шенье приглашает всех представителей искусства принять участие в организации национальных празднеств. Центром этих празднеств должна быть идея свободы, и только во имя нее учреждаются национальные празднества. Архитектура воздвигнет особые храмы, посвященные свободе, скульптура и живопись будут стремиться изображать ее в своих произведениях - поэзия предложит слова к гимнам свободы, музыка - положит эти стихи на ноты, красноречие будет восхвалять ее героев, — все искусства объединятся вокруг свободы, и таким образом будет установлена единая всеобщая религия, создающая не королей и подданных, а граждан и братьев, религия, не имеющая никаких обрядов, единственным догматом которой является равенство...

Что же касается **физического образования**, носившего название гимнастики в древней Греции, то в это вопросе нужно следовать великому творцу «Эмиля», впервые постигнувшему всю важность этого вопроса. Ведь именно Русс предлагает ограничить все воспитание до двенадцатилетнего возраста только играми и физическими упражнениями, и во всех вопросах физического образования надо следовать его указаниям. Гимнастикой должны заниматься не только дети, но и юношество, и взрослые. Бег, борьба, плавание, стрельба — вот физические упражнения свободного народа. Пусть награды за победы в этих упражнениях раздаются на национальных празднествах, пусть эти упражнения займут почетное место в их программе.

В заключение Шенье заявил: «Я вовсе не желаю противопоставить мой план народного воспитания плану Конвента, просвещенность которого я слишком уважаю. Я ограничиваюсь лишь одним требованием: пусть Конвент постановит на повестку дня национальные празднества, поощрен наук и искусств и физические упражнения».

Речь Шенье произвела большое впечатление в Конvente, она была напечатана и разослана в департаменты.

Проект Букье и декрет 29 фримера II года

Возвратимся же к систематическому рассмотрению деятельности Комитета народного образования. Выше мы указали, что проект Ромма, цитированный выше, был возвращен Комитету для окончательной редакции. Прения по закону народного образования были назначены на одно из ближайших заседаний Конвента. И в то время, когда Комитет пересматривал проект Ромма, один из членов работавшей комиссии, художник Букье выразил желание огласить в Конvente план народного образования, в котором он излагает свои личные взгляды^{*****}. В результате на обсуждение Конвента были предложены как проект Букье, так и проект Ромма.

Очевидно, в плане Букье заключались какие-то совершенно новые идеи, если этот внезапно появившийся план сразу же удостоился чести быть представленным Национальному Конвенту. «Вы поручили вашей комиссии народного образования пересмотреть декрет, касающийся организации первоначальных школ, — говорит Букье в кратком докладе, предшествующем декрету. — Комиссия выполнила эту задачу; в процессе работы она убедилась в том, что великая программа организации народного образования может быть разрешена с различных точек зрения. Комиссия пришла к решению представить вам новый план, простой, естественный, и выполнимый, уничтожающий навсегда академические организации, научные общества, педагогическую иерархию. Основы этого плана совпадают с основами конституции: свобода, равенство, простота».

Свобода, равенство, простота — этими словами выражает ор проекта свою основную мысль, но эти слова совсем не соответствуют сущности. Основная идея проекта заключается в **свободной конкуренции учителей**. Республика организует лишь **первую ступень образования**; высшие ступени образования (школы второй ступени, институты и лицеи), вокруг организации которых вращались прения в Конvente последние месяцы, с точки зрения Букье не нужны; он желает сохранить **только специальные школы**. Учителя и учительницы имеют право свободного преподавания, получая вознаграждение от республики, — определенную сумму за каждого из своих учеников. «Наиболее прекрасные школы, наиболее полезные, наиболее простые школы, в которых молодежь действительно может почерпнуть начала истинно республиканского воспитания, — это публичные заседания департаментов, дистриктов, муниципалитетов и особенно народных обществ, — говоря, Букье. — Именно в этом чистом источнике почерпнут молодые люди знание своих прав и своих обязанностей, знание республиканской морали и законов. Поступив на военную службу, занимаясь трудным ремеслом, учась работать, он будут упражнять свои члены, развивать свои силы, совершенствовать свои физические способности. Все окружающее будет для них средством образования: они найдут образование в своих семьях, в учебниках, которые вы готовите для них в национальных празднествах, которые вы собираетесь учредить. Разве можно предпочесть этой организации, простой, как и сама нация, создавшая ее, сложную организацию, построенную на академических установлениях? Сохраним все то, что сделали народ и революция, и прибавим только то немного, что недостает для совершенствования народного образования. Это дополнение должно быть простым, как подобает работе, созданной гением революции».

Проект Букье был разделен на пять основных вопросов: 1) обучение, 2) контроль над школами, 3) первая ступень образования, 4) последняя ступень образования, 5) общие средства образования.

Прения в Конvente, начавшиеся 8-го декабря 1793 года, почти сразу обеспечили победу плану Букье. Ряд ораторов, из которых наиболее интересными были Тибодо и Фуркруа, участники прений по проекту Лепелетье, высказались за принятие плана Букье. Снова и снова указывали они на основные недостатки плана Кондорсе, лежавшего в основе проект Ромма (выше мы уже подробно останавливались на этих возражениях). Да и с точки зрения государственного бюджета было заманчиво принять план Букье, предусматривавший лишь две ступени образования вместо четырех (проект Ромма). Выдвинутый Букье в качестве основы его проект отвечал с внешней

***** Букье (1739—1810), художник по профессии, член и одно время председатель клуба якобинцев, был избран членом Комитета народного образования осенью 1793 года. Начиная с этого времени, деятельно ботал в Комитете до событий 9-го термидора, когда при обновлении Комитета не был переизбран. Этим и окончилась его политическая деятельность.

Plan general d'instruction publique, presente a la Convention Nationale par Bouquier, membre du Comite de l'instruction publique. (Общий план народного образования, представленный Национальному Конвенту Букье, членом Комитета народного образования.)

стороны всем революционным идеалам. И, несмотря на речь Ромма, заявившего, что свобода преподавания учреждается слишком рано, что далек еще тот дет когда не будет нужна организация второй ступени образования, когда отцы будут настолько образованы, что будут в состоянии сами организовать более широкое образование своих детей, — Конвент в заседании 11 декабря 1793 года постановил отвергнуть план Ромма и принять план Букье. Проект Букье имел успех и в клубе якобинцев, — якобинцы постановили его отпечатать и раздать всем членам, и 16 декабря Букье был даже избран председателем клуба. Характерно, что даже Анахарсис Клоотц^{xiv} публично заявил в клубе якобинцев: «Воспитание должно рассматриваться, как торговля. Вы получите прекрасных учителей и прекрасных учеников, предоставив эту отрасль торговли вниманию родителей и общественного мнения»

19 декабря 1793 года Национальным Конвентом был принят декрет об организации первоначальных школ, соответствующий плану Букье (декрет 29 фримера II года). Основные пункты этого декрета сводятся к следующим положениям:

образование совершенно свободно; каждому гражданину или гражданке разрешается открыть школу; первоначальные школы бесплатны; учителя этих школ получают вознаграждение от республики за каждого своего ученика; для открытия школы нужно лишь заявить о своем желании муниципалитет и иметь удостоверение о гражданских добродетелях и хорошей нравственности, подписанное определенным числом лиц, выполняющих административные обязанности; контроль над ними возлагается на родителей и муниципалитеты; Комитет народного образования предлагается составить учебники, содержащие знания, необходимые всем гражданам: в первую очередь должны быть составлены книги, посвященные правам человека и конституции; учителя обязаны преподавать только по этим книгам; воспрещается преподавание, противоречащее законам и морали республики; учителя, виновные в нарушении этого пункта, подвергаются преследованию закона. Особенное значение имеет в этом декрете пункт, гласящий: «Все родители будут обязаны посылать своих детей в школы» («seront tenus»). Этим пунктом устанавливалась **обязательность посещения первоначальных школ**; родители, не подчиняющиеся этому закону, подвергаются штрафу. Интересен также и тот пункт, который гласит: молодые люди, окончившие школу первой ступени и занимающиеся земледелием, обязаны изучить науку или ремесло, полезные обществу; нарушающие эту статью закона, по достижении двадцатилетнего возраста будут лишены на десять лет прав гражданина, их родители подвергаются при этом наказанию.

Букье сам полагал, что основная мысль его проекта выдается первым пунктом декрета «Образование совершенно свободно». Но ведь в сущности никакой свободы не надо: учителя обязаны придерживаться утвержденных книг, кители обязаны посылать своих детей в школу. С другой стороны, этот проект не давал никакой гарантии относительно знаний учителей, — ведь единственная формальность, необходимая для открытия школы, — это удостоверение о гражданской верности и хорошей нравственности.

Вот этот декрет, принятый по проекту Букье и получивший название декрета 29 фримера II года.

Декрет об организации народного образования

Часть I. Об образовании в общем

Ст.1. Преподавание совершенно свободно.

Ст.2. Оно производится публично.

Ст.3. Граждане и гражданки, желающие воспользоваться свободой преподавания, обязаны:

Заявить муниципалитету или секции коммуны, что они намерены открыть школу;

Указать ту науку или искусство, которые они предполагают преподавать.

Представить удостоверение о гражданской верности и доброй нравственности, подписанное половиной членов общего совета коммуны или секции по месту их жительства и по крайней мере двумя членами комитета наблюдения секции по месту их жительства или ближайшему от него.

Граждане и гражданки, посвящающие себя преподаванию какой-нибудь науки или искусства, носят название учителя или учительницы.

Часть II. О наблюдении над преподаванием

Ст.1. Учителя и учительницы находятся под непосредственным наблюдением муниципалитета или секции, отцов матерей, опекунов или попечителей и вообще всех граждан

Ст.2. Каждому учителю или учительнице, сообщавшим в своей школе наставления или правила, противоположные законам или республиканской морали, будет предъявлено обвинение Комитетом наблюдения, и они понесут наказание,

^{xiv} Жан-Батист (Анахарсис) Клоотц (1756-1793): <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cloots>.

соответствующее важности проступка.

Ст.3. Каждому учителю или учительнице, нарушающие общественные нравы, пред'является обвинение Комитет наблюдения, и они направляются в исправительную полицию или другой компетентный суд, где и судятся согласно законам.

Часть III. **О первой ступени образования**

Ст.1. Национальный Конвент поручает своему Комитету народного образования принять меры к составлению учебников по предметам, абсолютно необходимым для воспитания граждан, и заявляет, что в первую очередь должны быть составлены книги, посвященные правам человека, конституции, героическим или добродетельным действиям.

Ст.2. Граждане и гражданки, которые будут преподавать чтение, письмо и первые правила арифметики, обязаны сообразовываться с учебниками, утвержденными и опубликованными по этим вопросам представителями нации.

Ст.3. Они будут оплачиваться республикой в зависимости от числа учеников, посещающих их школу, и соответственно тарифу, указанному в следующей статье.

Ст.4. Учителя и учительницы, которые откроют школы в коммунах республики, получат ежегодно за каждого ученика независимо от населенности коммуны: учитель — сумму в 20 ливров, учительница — в 15 ливров.

Коммуны, которые удалены более чем на пол-лье от жительства ближайшего учителя и в которых вследствие малой населенности не откроется школа, получают право избрать учителя. Республика предоставит ему ежегодное жалованье в 500 ливров.

Ст.5. В каждом муниципалитете или секции будет иметься список, в который вписываются имена учителей и учительниц школ первой ступени и детей, вверенных им отцами, матерями, опекунами или попечителями.

Ст.6. Отцы, матери, опекуны или попечители обязаны посылать своих детей или воспитанников в школы первой ступени. Они должны иметь в виду нижеследующее:

Ст.7. Они должны указать в муниципалитете или секции:

1. Имена и фамилии своих детей или воспитанников, которых они обязаны посылать в указанные школы.

2. Имена и фамилии учителей или учительниц, которых избирают.

Ст.8. Дети не поступают в школу ранее достижения шестилетнего возраста; они должны быть посланы в школу до достижения 8-ми лет. Отцы, матери, опекуны или попечители не могут взять их из указанных школ ранее, чем по истечении по крайней мере трех лет последовательного посещения ими школы.

Ст.9. Отцам, матерям, опекунам или попечителям, которые не подчинятся распоряжениям статей 6-й, 7-й, 8-й, будет пред'явлено обвинение судом исправительной полиции, и, если причины, помешавшие им подчиниться закону, не будут признаны уважительными, они будут присуждены в первый к штрафу, равному четверти вносимого ими налога. В случае повторения штраф удваивается, нарушители закона рассматриваются, как враги равенства, и лишаются десять лет прав гражданина. В этом последнем случае подавление суда публикуется.

Ст. 10. Учителя или учительницы школ первой ступени будут вести список имен и фамилий учеников с того дня месяца, когда они поступили в их школу. Они не могут ни под каким предлогом брать своего ученика на пансион, давать какие-нибудь частные уроки, получать от граждан какое-либо вознаграждение под страхом отстранения от должности.

Ст.11. Учителя получают жалованье каждый три месяца. Для этого они обязаны представить в муниципалитет или секцию список, включающий имена и фамилии детей, присутствовавших на их уроках каждый месяц. Этот список будет сопоставлен со списком муниципалитета или секции. Затем учитель получает соответствующее удостоверение.

Ст.12. В этом удостоверении будет указано число учеников, которое посещало школу в течение каждого месяца, сумма, которую следует получить учителю. Это удостоверение должно быть подписано мэром и двумя чиновниками муниципалитета, или двумя членами совета коммуны, или президентом секции и двумя членами ее совета и секретарем

Ст.13. Удостоверение оплачивается тотчас по пред'явлении.

Ст.14. Молодые люди, окончившие школу первой ступени и не занимающиеся земледелием, обязаны изучит науку, искусство или ремесло, полезные обществу.

Ст.15. Молодые люди, не подчинившиеся до двадцатилетнего возраста положениям предыдущей статьи, будут лишены на десять лет прав гражданина.

Отцы, опекуны или попечители, которые способствовали невыполнению настоящего закона, подвергаются тому же наказанию, если причины, помешавшие им выполнить этот закон, неуважительны.

Таков в основных своих чертах декрет, принятый по плану Букье. Познакомившись с ним, невозможно сказать, что именно заставило Национальный Конвент отдать предпочтение этому плану. Известный Джемс Гильом, труды которого положены в основу настоящей статьи, полагает, что истинная причина, обусловившая принятие плана Букье, лежит в вопросах религиозных (29). Он утверждает, что проект Ромма был создан в период гонения на духовенство (осенью 1793 года), когда из среды монтаньяров выделилась обширная партия, враждебная христианству, заменившая христианский календарь республиканским, стремившаяся ввести во Франции вместо католицизма культ разума, организовавшая знаменитое празднество в честь разума в соборе парижской богородицы (10 ноября). Проект Ромма действительно включал пункт, по которому лицо, принадлежавшее к духовному сословию, лишалось права преподавания. Что же касается плана Букье, то этот план был создан в декабре 1793 года, когда Робеспьер и Дантон встали на защиту католичества, защиту, приведшую на эшафот последователей культа разума, Гебера и его сторонников, а впоследствии и к знаменитому декрету 7-го мая 1794 года, по которому французский народ признавал «верховное существо» и бессмертие души. План Букье отвечал, очевидно, новым устремлениям Робеспьера, так как он открывал доступ к преподавательской деятельности любому гражданину, следовательно, и духовенству; даже более, проект Букье совершенно обходил молча религиозный вопрос; в нем отсутствовал пункт, исключивший религию из предметов школьного преподавания. Следовательно, этот проект был приемлем для Робеспьера. Возможно, что объяснение Гильома правильно. Правда, несколько странно думать, что именно эти незначительные на первый взгляд отличия обеспечили победу плану Букье, но ведь не следует забывать, что именно в эпоху Великой французской революции религиозные вопросы играли большую роль и привлекали всеобщее внимание.^{xv}

Мы рассмотрели два проекта, выдвинутые монтаньярами (проект Лепелетье и проект Букье). Проект Лепелетье выражает педагогические устремления восходящего фазиса революции, когда революция шла вперед, т.-е. до сентября 1793 года, когда революция вступила в фазис якобинского строя власти. Тогда-то и был создан проект Букье, который сохранил свою силу во все время господства якобинцев, до 9-го термидора (27-го июля 1794 года). Практически же этот закон не имел никакого значения и в жизнь проведен не был.

Работа Комитета зимой 1793—94 года

Комитет народного образования продолжал свою работу зимой 1793—94 года, невзирая на войну и террор. Из тех проектов, которые заслуживают внимания в этот период деятельности, надо указать следующие: 1) проект, учреждающий Центральную школу общественных работ (специальную техническую школу, Ecole des services publiques), 2) проект «последней части образования», 3) проект, учреждающий военную школу.

Доклад об организации Центральной школы общественных работ, получившей впоследствии название Политехнической школы, был заслушан 11-го марта 1794 года, когда Барер^{xvi} от имени Комитета общественного спасения представил соответствующий доклад. Учреждение школы было признано необходимым, а основана была она уже несколько позднее. Проект «последней части образования» Букье представил Конвенту 13-го апреля. Цель этой заключительной ступени образования он формулировал в следующих словах:

«Освещая свободу образования, Национальный Конвент высказал свое уважение перед неотъемлемыми правами человека. Он считал своим долгом открыть богатые источники просвещения, живительные воды которых были бы чистыми, как природа, ослепительными, как свобода, нежными, как равенство.

Организуя обучение детей знаниям, совершенство в которых должно образовать истинных республиканцев, граждан, полезных отечеству, Национальный Конвент выполнил лишь часть задачи, касающейся образования. Надо дать юношеству способы совершенствоваться эти

^{xv} О дехристианизации, культах Разума и Верховного существа, об отношении к проблеме церкви и государства, философии, науки и религии см.: **А.Олар, «Христианство и Великая французская революция»** (http://enlightment2005.narod.ru/arc/aulard_relig1.pdf), **«Культ Разума и Верховного существа во время Великой французской революции»** (http://narod.ru/disk/9182064000/aulard_relig2.pdf.html), **подборку документов и статей** (<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p45078822.htm#>).

^{xvi} Бертран Барер (755-1841) – адвокат, депутат Учредительного собрания, Национального конвента, член Комитета общественного спасения в 1793-94 гг. См. о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#BB>.

первоначальные знания и получить сведения, необходимые для организации демократического управления.

Цель последней ступени образования заключается в и, здании граждан, достаточно образованных для успешного выполнения различных обязанностей, обеспечивающих здоровье и счастье общества и интересы республики. Вы достигнете этой цели, оплачивая из средств нации просвещенных учителей, патриотическое усердие которых распространит с республиканской энергией искусство помощи страдающему человечеству, защитникам отечества, которые получили ранения в битвах с чудовищами, желавшими уничтожить свободу, а также искусство помощи животным, которые являются товарищами человека в наиболее трудных работах и услуги которых почти неопределимы. В этих же школах молодые люди научатся охранять пограничные местности республики, отбивать врага, направляя на продажные толпы громовые стрелы свободных людей, поддерживать в порядке наши дороги, каналы, реки, мосты, получают знания, необходимые для развития нашей промышленности, для мореплавания и создания грозного флота республики, для горных работ, добывания металлов, и при этом они научатся направлять эти знания на удовлетворение нужд народа и сохранение его господства».

Таким образом, кроме первоначальных школ (три первых статьи декрета, принятые 29 фримера), Букье предлагает учредить **школы специальные**. Все же школы, дающие общее образование, предоставляются частной инициативе, и конечно, в высшей степени знаменательно то, что с точки зрения Букье государство обязано дать начальное образование и нуждается в специалистах и что общее образование не является делом первостепенной важности. Букье полагает, что широкая организация музеев, библиотек и т.д. распространит и общее образование. Учреждению этих специальных школ посвящена четвертая статья проекта Букье, а организации библиотек и музеев — пятая.

Эта часть проекта Букье не была обсуждена и не имеет практического значения. Но она все же интересна, как одна из многочисленных попыток революции организовать профессиональное образование.

Остановимся еще на докладе Барера, выступившего в Конвенте 1-го июня от имени Комитета общественного спасения с предложением организовать новую военную школу вместо существовавшей ранее в Париже и закрытой согласно распоряжению Конвента. Доклад Барера содержит много интересных замечаний, касающихся общего положения народного образования в современной ему Франции. Барер указывает на полнейшее отсутствие народного образования. Старые школы закрыты, говорит он, новые еще не учреждены, годного образования, в сущности говоря, не существует. Здесь же он отмечает мысль, возникшую в Комитете общественного спасения, — создать в ближайшем будущем специальную школу для подготовки учителей и разослать их затем в дистрикты для распространения образования (из этой идеи и выросла впоследствии Нормальная школа для подготовки учителей). Пока же Комитет общественного спасения ограничивается организацией военной школы «для быстрого здания защитников республики». Надо революционизировать молодежь, как уже революционизирована армия. По проекту Комитета общественного спасения в военную школу отправлялись ученики, по шести от каждого дистрикта, они содержатся на счет республики и, окончив школу, распределяются по дистриктам. Проект Барера был утвержден, и отсюда возникла так называемая Марсова школа.

Наконец, остановимся еще на одном докладе Барера, тоже от имени Комитета общественного спасения. Это — доклад об уничтожении наречий 27-го января 1794 года. Этот доклад имел прежде всего политическое значение, но был связан и с вопросами просвещения. Он был политическим тому, что вопрос о наречиях стоял в связи с распространением новых законов в тех провинциях Франции, в которых употреблялись наречия. Но он имел отношение и к вопросам освещения, потому что надо было учить народ понимать новые законы. Барер предложил декрет, по которому в десятидневный срок надлежало разослать в эти провинции учителей французского языка, оплачиваемых нацией. Эти учителя должны обучать население французскому языку и переводить в установленные дни (декади^{xvii}) новые законы и установления. Для быстрой смены декретов характерно, что, согласно этому декрету, учителя получают вознаграждение, установленное в определенную сумму, а не составляющееся вознаграждения за каждого из учеников, как было принято по проекту Букье. Кроме того, согласно этому декрету, духовные лица отстраняются от исполнения обязанностей этих учителей, между тем как проект Букье обходит этот пункт молчанием. Последнее положение объяснялось, впрочем, политической ролью этих учителей, как истолкователей декретов. Фактически этот декрет не имел практического значения.

Таково было положение вещей в области народного образования во Франции перед 9 термидора (27-го июня 1794 года).

^{xvii} Декади – праздничный день, десятый день декады. О реформе календаря см.: http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/index_ccxiii.htm.

Народное образование после 9-го термидора.

Мы переходим к рассмотрению народного образование после 9-го термидора. Революция разбита, и перед нами — торжество реакции. Вся система народного образования создается заново. В комитете народного образования главную роль начинает играть Лаканаль. Он и является главным творцом этой новой системы. Обратимся же к рассмотрению деятельности термидорианцев в области народного образования. Прежде всего — доклада Фуркруа о Центральной школе общественных работ.

Доклад Фуркруа, от имени Комитета общественного спасения, о Центральной школе общественных работ был заслушан Национальным Конвентом 24 сентября 1794 года. Собственно говоря, здесь шла речь лишь об окончательно! организации этой школы, и этот доклад не представляет большого интереса в смысле педагогическом. Он интересен главным образом в смысле политическом, как документ, характеризующий те обвинения, которые предъявлялись к монтаньярам после 9-го термидора. Фуркруа обвиняет монтаньяров даже в стремлении распространить невежество.

«В то время, как заговорщики, — так говорит он, — стремились изгнать из Франции просвещение, влияния которого они опасались, Национальный Конвент всячески сопротивлялся усилиям этих варваров; он заботливо оберегал все творения гения и спасал от смерти просвещенных людей, которых хотят уничтожить эти тираны.

Ваши комитеты общественного спасения и народного образования собрали слишком много доказательств и фактов, чтобы осталась какая-либо возможность сомневаться в существовании заговора против прогресса человеческого разума. Доказано, что в планы заговорщиков входило уничтожить науки и искусства, итти к власти по обломкам человеческих знаний и достигнуть главенства путем невежества и суеверия.

Бесконечно останавливать пустыми возражениями проведение проектов народного образования, предлагавших здесь, представлять планы воспитания, не выполнимые в обстоятельствах, в которых находилась республика, с целью лишить ее образования, уничтожить разом все общественные учебные заведения, ничего не учреждая взамен их, — вот лишь эскиз обширного заговора, задуманного с опасной и вероломной ловкостью последними заговорщиками... Заговорщики, хотевшие изгнать науки с территории республики, питали преступную надежду лишить Францию образованных инженеров, артиллеристов, просвещенных генералов, искусных мореплавателей, лишить ее армии, пороха, колей, оставить земли и порты республики без защитников средств защиты и предоставить таким образом определенные преимущества и легкие победы нашим врагам».

Конечно, совершенно ясно, что эти обвинения были незаслуженными. Никто не будет теперь обвинять Робеспьера в стремлении уничтожить просвещение. Решительно все партии — и жирондисты, и дантонисты, и монтаньяры — прекрасно сознавали, что просвещение необходимо. Проект Фуркруа был принят, и открытие школы общественных работ было назначено в октябре 1794 года.

Проект Лаканалья о нормальных школах

Теперь остановимся еще на одном докладе, интересном именно в педагогическом смысле. Это доклад Лаканалья организации Нормальной школы для подготовки учителей октябре 1794 года. Уже Барером в его докладе об организации военной школы была высказана мысль организовать национальную подготовку учителей. Эта идея заслуживает глубочайшего внимания. Ведь фактически это была первая попытка организовать педагогическое образование во Франции. Комитет народного образования, от имени которого был сделан доклад Лаканалем, предлагал организовать пробную школу для подготовки учителей в Париже, а затем, по ее образцу, — аналогичные школы в провинции. «Эти школы называются нормальными от латинского слова norma — правило. Эти школы должны, в деятельности, служить типом и образцом для всех других школ», говорит Лаканаль. Приведем отрывок из его проекта, характеризующий цель учреждения нормальных школ.

«Образовался Национальный Конвент, — говорит он, — и планы собрания, представленные законодательным и учредительным собраниями, обратились только в брошюры. Национальный Конвент, появившийся посреди стольких событий, потрясавших Францию, не мог и не считал своим долгом взять на себя работу одновременно просвещать Францию и вести ее к победе. Конвент сделал несколько попыток организовать народное образование и отбросил их, чувствуя, что еще не наступил момент великих реформ. Но из всех этих кризисов и постоянно повторявшихся опытов с каждым днем выявлялись вые принципы организации образования.

Таково было положение Франции, но она выходит из него; Европа подчиняется могуществу республики. Республика подчиняется могуществу разума. Наступил момент, когда надо внести в план народного образования, достойный вас, Франции и человечества, все просвещение,

собранные предшествующими веками, и положить основание просвещению последующих веков.

Величайшая трудность представилась уже немедленно и в вопросе организации народного образования, как толы», пожелали осуществить все высказанные идеи. Где найти столько учителей, чтобы преподавать в большом числе школ науки, которые вечно развиваются, самые методы которых постоянно изменяются. Этим учителям нельзя искать в старых школах: они для этого не пригодны. И здесь следует преклониться перед гением Национального Конвента. Франция не имеет еще школ, в которых шестилетние ученики учатся читать и писать, а вы издаете декрет об организации нормальных школ. Вы хотели, следовательно, ранее подготовить для проведения в жизнь обширного плана народного образования, создание которого отвечает в настоящий момент вашим намерениям и вашим резолюциям, большое число учителей, способных осуществить этот план, цель которого возрождение человеческого разума. В этих школах преподаются не науки, а искусство обучать им».

30-го октября, почти без прений, был принят декрет, сопровождавший проект Лаканалья о нормальных школах. Вот его содержание:

«Национальный Конвент, желая приблизить эпоху, когда будет возможно распространить во всей республике одинаковое образование, необходимое всем французским гражданам постановляет:

В Париже учреждается Нормальная школа, в которые призываются из всех частей республики граждане, уже получившие образование, чтобы изучать под руководством наилучших учителей искусство преподавания во всех отраслях.

Администрация дистрикта посылает в Нормальную школу число учеников, пропорциональное народонаселению; основой этой пропорциональности служит отношение: один человек на двадцать тысяч жителей. В Париже эти ученики назначаются администрацией департамента.

Администрация должна избрать лишь тех граждан, которые соединяют чистую нравственность с истинным патриотизмом и склонностями, необходимыми для получения и распространения образования.

Ученики Нормальной школы не могут быть моложе двадцати пяти лет.

5. Они направляются в Париж до конца фримера; они получают деньги на дорогу и будут получать в продолжение го курса содержание, установленное для учеников школы общественных работ.

6. Комитет народного образования назначит граждан, наиболее, по его мнению, пригодных выполнять обязанности учителей Нормальной школы, и представит их список на утверждение Конвента; он установит вознаграждение для них в согласии с Комитетом финансов.

7. Эти учителя будут преподавать ученикам искусство распространять мораль и формировать сердце молодого республиканца упражнением в общественных и личных добродетелях.

8. Учеников Нормальной школы будут обучать прежде всего применять к преподаванию чтения, письма, первых элементов счета, практической геометрии, истории и французской грамматики — методы, изложенные в элементарных книгах, принятых Национальным Конвентом и опубликованных по его распоряжению.

9. Продолжительность курса Нормальной школы устанавливается, по крайней мере, в четыре месяца.

10. Два представителя народа, избранные Национальным конвентом, будут прикомандированы к Нормальной школе. Они будут сноситься с Комитетом народного образования во всех важных вопросах.

11. Ученики, получившие образование в этой республиканской школе, окончив курс, возвратятся в свои дистрикты: они откроют в одном из трех мест кантона, указанных администрацией дистрикта, Нормальную школу, задача которой заключается в сообщении гражданам и гражданкам, которые хотят посвятить себя народному образованию, методов, с которыми ученики Нормальной школы познакомились в Париже.

12. Продолжительность этих новых курсов устанавливается, по крайней мере, в четыре месяца.

13. Нормальные школы в Париже будут находиться под наблюдением установленных авторитетов.

14. На Комитет народного образования возлагается задача составить план этих национальных школ и установить способы преподавания в них.

15. Каждую декаду Комитет народного образования будет давать отчет Конвенту о состоянии Нормальной школы Парижа и других нормальных школ, учрежденных на территории республики».

В этом декрете, принятом по проекту Лаканалья, мы видам черты организации современной высшей школы: стипендии и их отслуживание. Но эта идея, столь грандиозная по своему замыслу и хоть правильная по существу, не принесла реальных результатов, как и почти все другие начинания революции. Но все же Нормальная школа была открыта в Париже и привлекла большое количество учеников. В состав ее учителей входили лучшие профессора и писатели Франции: Лагранж, Монж, Бертолле, Лагарп, Сикар, Бернардэн де Сен-Пьер и т.д. Все лекции записывались стенографистами и частью опубликовывались в журнале, основанном при Нормальной школе под названием «Журнал Нормальной школы». Раз в неделю имели место конференции, на которых выступали профессора и учащиеся. Но, в сущности говоря, эта школа не являлась педагогическим учебным заведением. Ее профессора обратили все внимание на научную подготовку учителей, на знакомство их с новыми научными открытиями, а вовсе не на методику и педагогику.

Доклад Дону Конвенту о занятиях Нормальной школы ясно характеризует положение дела. Говоря об общем направлении школы, он указал на то, что большинство курсов не отвечает цели школы и лишь знакомит учащихся с новыми достижениями науки, но указал одновременно на существование курсов, которые готовят учителя к практической деятельности путем уроков и лекций. Повидимому, Конвент был недоволен таким положением дела, так как, заслушав доклад Дону, постановил закончить курс Нормальной школы не позже установленного срока, предложить профессорам, не закончившим курса до этого срока, ограничиться напечатанием своих лекций в журнале школы, раздать этот журнал учащимся бесплатно и даже отпустить домой учеников, желающих уехать до окончания занятий школы. Это постановление показывает, что школа, на которую возлагалось столько надежд, обманула ожидания Конвента. Во всяком случае, нормальные школы в дистриктах не были открыты, и педагогическое образование в провинции не было организовано.^{xviii}

Проект Лаканалья о первоначальных школах

Теперь перейдем к проекту Лаканалья о первоначальных школах. После 9-го термидора^{xix}, когда Сийес и Лаканаль - представители центра — стали снова играть значительную роль в политической жизни Конвента, они, конечно, пожелали снова восстановить проект 26 июня 1793 года, в защиту которого они так горячо выступали.. Несколько видоизменив старый проект, вычеркнув главу о празднествах и библиотеках, уничтожив центральную комиссию народного образования, против учреждения которой так восставал Конвент, Лаканаль, избранный председателем Комитета народного образования, представил этот видоизмененный проект Конвенту под названием «проекта о первоначальных школах». Интересно отметить, что в проекте 26 июня Лаканаль предполагал учредить лишь одну ступень образования — национальные школы, теперь же он говорит о первоначальных школах, очевидно, предполагая учредить в дальнейшем следующие ступени образования. Приведем проект декрета, принятый Конвентом по проекту Лаканалья и получивший название

Декрет 27-го брюмера III года о первоначальных школах

Глава I. Учреждение первоначальных школ

Статья 1. Первоначальные школы имеют своей целью дать детям обоих полов образование, необходимое свободам людям.

2. Первоначальные школы распределены на территории Республики соответственно народонаселению; следовательно, учреждается одна первоначальная школа на тысячу жителей

3. В местностях, где население разбросано, вторая первоначальная школа может быть учреждена лишь согласно молнированной просьбе администрации дистрикта декретом Национального Собрания.

4. В тех местностях, где население скучено, вторая школа может быть учреждена лишь в том случае, если население достигнет двух тысяч человек, третья — только при трех тысячах и т.д.

^{xviii} Справедливости ради нужно сказать, что решить правильно поставленную задачу в такие короткие сроки был и невозможно. Не только по ряду внутривнутриполитических, экономических и организационных причин: методика преподавания учебных дисциплин — один из сложнейших курсов, он предполагает вооруженность знаниями не только самого предмета (математики, языка и т.д.), но и возрастной психологии, законов мышления, восприятия. У преподавателей Нормальной школы были лишь разрозненные эмпирические знания в этой области. Методика преподавания и в наши дни является самой сложной и не всеми одинаково глубоко постигаемой наукой. — Примеч. ред. Vive Liberta.

^{xix} О Термидорском перевороте см. собрание материалов: http://vive-liberta.narod.ru/discuss/94_therm.htm.

5. Во всех местностях республики предоставляются в распоряжение муниципалитета дома, ранее предназначавшиеся для священников. Они будут служить помещением учителю, также и школьным помещением во время уроков.

6. В тех коммунах, где не имеется более домов, ранее предназначавшихся для священников, будет, по просьбе администрации дистрикта, предоставлено помещение, пригодное для первоначальной школы.

7. Каждая первоначальная школа будет разделена на две секции: одна — для мальчиков, другая — для девочек. Следовательно, в ней имеются учитель и учительница.

Глава II. **Жюри образования**

1. Учителя и учительницы назначаются народом; однако же во время революционного периода они избираются и контролируются жюри образования, в состав которого входят три члена, назначаемые администрацией дистрикта не из ее числа, а из числа отцов семейств

2. Жюри образования обновляются на треть своего состава каждые шесть месяцев. Выбывающий комиссар может быть переизбран.

Глава III. **Об учителях**

1. Назначение учителей и учительниц, избранных жюри образования, предоставляется администрации дистрикта.

2. Если администрация дистрикта отказывается согласиться с выборами жюри, жюри может произвести другие выборы.

3. Если жюри настаивает на своем кандидате, а администрация отказывается утвердить его, администрация назначает на свободное место лицо, которое она считает заслуживающим предпочтения; об этих двух кандидатах доводится до сведения Комитета народного образования, который производит выбор между кандидатом жюри и кандидатом администрации.

4. Жалобы на учителей и учительниц направляются прямо в жюри образования.

5. Если жалоба важная и если жюри, выслушав обвиняемого, полагает, что должно иметь место отстранение от должности, его решение направляется на утверждение общего совета администрации дистрикта.

6. Если постановление общего совета не согласуется с мнением жюри, дело переносится в Комитет народного образования, решение которого окончательно.

7. Все лица, выполняющие почетную обязанность учителей детей республики, будут включены в число общественных чиновников.

8. Учителя и учительницы первоначальных школ будут обязаны учить своих учеников по элементарным книгам, составленным и опубликованным Национальным Конвентом.

9. Они не могут принимать на пансион или давать частные уроки своим ученикам; учитель одинаково принадлежит всем учащимся.

10. Нация присуждает гражданам, долго служившим своей родине в качестве преподавателей, пенсию, обеспечивающую их старость.

11. Жалованье учителей будет одинаковым на всей территории республики; оно установлено в тысячу двести ливров для учителей и тысячу ливров для учительниц. Однако оно будет установлено в тысячу пятьсот ливров для учителей и тысячу двести ливров для учительниц в тех коммунах, где население превосходит двадцать тысяч жителей.

Глава IV. **Образование и режим первоначальных школ**

1. Ученики не будут приниматься в первоначальную школу ранее достижения шестилетнего возраста.

2. В каждой из секций школы ученики изучают:

1) чтение, письмо; при этом примеры, встречающиеся в чтении, будут напоминать ученикам об их правах и обязанностях; 2) декларацию нрав человека и гражданина и французскую конституцию; 3) будут даваться элементарные наставления в республиканской морали; 4) элементы французского языка, чтение и письмо; 5) правила простого счета; 6) элементы географии и истории свободных народов; 7) будут объясняться главнейшие явления и творения природы, наиболее часто встречающиеся; 8) будет изучаться сборник республиканских деяний и гимнов.

3. Ученикам будут предлагаться упражнения, наиболее способные сохранить их здоровье и развить силу и ловкость тела.

4. Следовательно, мальчики будут обучаться военным упражнениям, в которых ими будет руководить офицер национальной гвардии, назначаемый жюри образования.

5. Их будут учить плаванию, если этому соответствует местность, в этих упражнениях будут руководить детьми и наблюдать за ними граждане, назначенные жюри образования.
6. Будут опубликованы руководства, указывающие сущность и распределение других гимнастических упражнений, пригодных сделать тело сильным и ловким, как бег, борьба и т.д.
7. Ученики первоначальных школ посещают несколько раз в году со своими учителями и под руководством члена муниципалитета ближайšie больницы.
8. В эти же дни они будут помогать в сельских и домашних работах старикам и родственникам защитников отечества.
9. Иногда их будут водить в ближайšie фабрики и мастерские, где изготавлиются общепотребительные товары для того, чтобы эти впечатления внушили им мысль о значении человеческой промышленности и привить вкус к полезным ремеслам.
10. Часть времени, посвященного школе, будет предназначаться различным общепольным ручным работам
11. Будет опубликовано руководство, облегчающее выполнение двух предыдущих статей и делающее посещение мастерских и ручной труд действительно полезным для учеников.
12. Награды будут раздаваться ученикам ежегодно в присутствии народа на празднестве юности.
13. На Комитет народного образования возлагается спешное опубликование устава, определяющего режим и внутреннюю дисциплину первоначальных школ.
14. Молодые граждане, не посещавшие школы, будут подвергаться экзамену, в присутствии народа, на празднестве юности, и если будет признано, что они не имеют знаний, необходимых французским гражданам, они будут лишены права исполнять общественные должности, пока не получат этих знаний
15. Закон не может ни в коем случае посягать на права граждан открывать частные свободные школы под наблюдением установленных авторитетов.

Этот закон был дополнен особым декретом, по котором Национальный Конвент предлагал исполнительной комиссии народного образования представить, не позднее как через месяц, отчет о практическом выполнении закона Лаканалья.

Таким образом основные черты проекта Лаканалья сводятся к организации бесплатной, светской, необязательной государственной школы, образовательная программа которой включает чтение, письмо, арифметику, историю, географию, мораль, естествоведение, законы страны, гимнастику и ручной труд; совместного воспитания нет; оба пола раз'единены уже с младшего возраста. Интересно отметить еще, что Лаканаль устанавливает цифру 50 учеников на одного учителя

Проект Лаканалья был принят не без прений. Так, Баральон выступил с большой речью против проекта Лаканалья Он указал, что число школ слишком велико, и предложил учредить одну школу на две тысячи жителей. В качестве мотивировки он привел ограниченность числа учителей. Он предложил также уменьшить программу первоначальных школ, но расширить программу школ второй ступени. Эта поправка Баральона не была принята. Но другая его поправка была принята и является очень значительной: по проекту Лаканалья, учителя назначались администрацией. Баральон внес поправку, по которой учителя назначаются народом, и только во время революции назначение производится жюри (выше мы привели закон Лаканалья с поправкой Баральона).

Прения вызвал также вопрос о частных школах, открытие которых было совершенно свободным по проекту Лаканалья. Один из ораторов высказал опасение, что частные школы обречут на пустоту государственные школы, и предложил ввести более строгие экзамены для учеников частных школ, а также и более строгие формальности для учителей, открывающих их. «Перед законом встала большая задача, — ответил этому оратору Лаканаль. — Надо было примирить долг обществу с долгом природе. Вы не можете отнять у просвещенного отца право учить своих детей» (аплодисменты). Монтаньяры были, конечно, против проекта Лаканалья. Их было мало в Конвенте, но все же они сделали последнюю попытку защитить те принципы, которые они всегда проводили в образовании: Дюгем, Левассер и Ромм, «последние монтаньяры», вступили с критикой проекта Лаканалья. Они подошли к вопросу, как представители трудящихся классов, указав на то, что этот проект соблюдает лишь интересы богатых.

«Я полагаю, — заявил Дюгем, — что статья 15-я приведет тому, что общественные школы по отношению к частным шлам сделаются тем, чем были когда-то школы для бедных по отношению к платным школам. Я опасаюсь, что общественные школы будут посещаться лишь детьми санкюлотов и что господа богачи будут посылать своих детей в другие школы. Я не верю, что экзамен, которому будут подвергаться все дети на празднестве юности, может нас убедить том, что частные школы не приносят вреда; ведь ничто не мешает учителям обучить этих маленьких

господ к этому времени». И далее. «Я рассматриваю эти частные школы, как новое учреждение, воздвигнутое на ряду с существующими учреждениями. Учителя не принуждаются даже употреблять те же книги, что и общественные школы. Ничто не предусмотрено для противодействия богатству аристократии. Я требую, чтобы Комитет народного образования пересмотрел этот вопрос, более важный, чем любой другой, при установлении демократии».

Дюгема энергично поддержал Ромм. «Я думаю, — сказал он, — что, желая организовать республиканские школы для детей, вы не должны стоять за статью 15-ю. Необходимо, чтобы национальный контроль был введен в частные школы; надо создать уверенность в том, что дети воспитываются в них на основах нравственности и что им внушаются республиканские принципы. Я полагаю, что Комитету народного образования следует поручить рассмотреть: 1) не должны ли выборы частных учителей подчиняться некоторым формальностям, обеспечивающим возложение этих обязанностей лишь на людей, чистых в нравственном отношении; 2) не будет ли более правильным, если эти учителя будут обязаны употреблять те же учебники, которые будут приняты в общественных школах; 3) не будет ли более правильным ввести в эти школы те же гимнастические упражнения, что и в общественные школы; 4) не будет ли необходимым сделать более чистыми экзамены в этих школах».

Затем выступил Левассер, предложивший вспомнить о принципах, выставявшихся Конвентом ранее. «Я хочу предложить принцип, который никто не будет оспаривать: дети принадлежат родине более, чем отцу и матери».

Но этот принцип так же, как и речи других ораторов и, среды монтаньяров, выставявших в сущности принципы, имевшие столь огромный успех в 1793 году, теперь вызывали лишь насмешки и возмущение. И хотя сам Лаканаль признал, что возражения Ромма были чрезвычайно существенными - статья 15-я была принята в первоначальной редакции.

Проект Лаканалья о центральных школах

После проекта о первоначальных школах Лаканаль занялся вопросом о следующей ступени образования — **центральных школах**. Этот доклад был представлен Лаканалем Конвенту 16-го декабря 1794 года. Название «центральные школы», повидимому, заимствовано Лаканалем из проекта, представленного Банкалем Национальному Конвенту 24-го декабря 1792 года.

«Первоначальные школы, — сказал Лаканаль, — как показывает самое название, данное ему вами, являются преддверием великого здания, уже давно обещанного Франции.

Построение его надо начать с уничтожения обломка коллежей, на развалинах которых ненужные профессора, сами удивляющиеся своему существованию, собирают еще некоторое число учеников. Когда коллежи, против которых философия восставала в течение стольких веков, исчезнут, наконец, с территории Франции, вы увидите, что расходы, вызывавшиеся этими обломками, требовали больше средств, в чем потребуют новые учреждения, предлагаемые нами. Это не школы второй ступени. Школы второй ступени не нужны вследствие той обширности, которую вы придали школам, открытым для детства. Ведь первоначальные школы дают основу всех знаний, и промежуточные учреждения, школы дистрикта или кантона, были бы излишними. Школы второй ступени были бы теперь просто аристократическим учреждением. Ведь если бы республике пришлось поддерживать своими благодеяниями молодых, необеспеченных граждан, которые к тому же вынуждены уезжать в другие города, чтобы посещать эти учреждения, то вы повергли бы нацию в такие расходы, которые она могла бы выдержать лишь при значительных налогах; если же вы не покроете щедростью нации этих расходов, то в таком случае школы, недоступные для граждан, необеспеченных, хотя и предназначенных природой к изучению наук и искусств, будут лишь непопулярным и вопиющим, возмутительным оскорблением принципов равенства.

Разумно и необходимо, чтобы большая часть молодых граждан и не стремилась к более широкому образованию, а, выйдя из первоначальных школ, направлялась в мастерские, магазины, на пароходы, в армию. В первоначальных школах молодое поколение найдет все, что нужно, для того, чтобы с честью выполнять в различных положениях долг гражданина; но для славы отечества, для прогресса человеческого разума необходимо, чтобы молодые граждане, выделенные природой из обычного уровня, нашли сферу деятельности, Открывающую полет их таланту, независимо от того положения, на которое обрекло их рождение. Нация овладевает их гением и дает им образование более для себя, чем для них; она создает из них на свои средства Эвклида или д'Аламбера, Квинтиллиана или Роллена, Локка или Кондильяка. Она употребляет на эту великую работу все возможные средства, так как употребить эти средства таким именно образом — значит более увеличить их, чем расходовать. Эти школы рут носить название центральных школ, так как они учреждаются в центре первоначальных школ каждого департамента, и доступны для всех».

Доклад о центральных школах был принят без прений. Приведем декрет об учреждении центральных школ:

Декрет о центральных школах

Глава I. Учреждение центральных школ

Ст.1. Для преподавания наук, литературы и искусств на территории республики будут учреждены центральные школы, распределенные соответственно населению: одна школа на 300.000 жителей.

Ст.2. Каждая центральная школа будет иметь в своем составе:

- 1) Одного профессора математики.
- 2) Одного профессора экспериментальной физики и химии.
- 3) Одного профессора методологии наук или логики.
- 4) Одного профессора естественной истории.
- 5) Одного профессора политической экономии и законоведения.
- 6) Одного профессора истории и философии.
- 7) Одного профессора гигиены.
- 8) Одного профессора искусств и ремесл.
- 9) Одного профессора общей грамматики.
- 10) Одного профессора изящной словесности.
- 11) Одного профессора древних языков.
- 12) Одного профессора новых языков, наиболее употребительных в данной местности.
- 13) Одного профессора рисования.

Ст.3. Профессора всех центральных школ будут вести свои курсы на французском языке.

Ст.4. Они будут устраивать каждый месяц открытую конференцию о предметах, касающихся прогресса наук, литературы и искусств, наиболее полезных обществу.

Ст. 5. Каждая центральная школа будет иметь:

- 1) Библиотеку.
- 2) Кабинет естественной истории.
- 3) Кабинет экспериментальной физики.
- 4) Коллекцию машин и моделей для изучения искусств и ремесл.

Ст. 6. На Комитет народного образования возлагается задача составить учебники для центральных школ.

Ст. 7. Распределение этих школ будет установлено особым декретом.

Глава II. Центральные жюри образования. Профессора

Ст.1. Профессора центральных школ будут избираться и контролироваться Центральным жюри образования, состоящим из трех членов, назначаемых Комитетом народного образования.

В дальнейших статьях этой главы идет речь о жалованьи профессоров и о способах разрешения конфликтов между Центральным жюри образования и администрацией департамента. Подобного рода конфликты разрешаются Комитетом народного образования,

Глава III. Воспитанники отечества. Награды

Ст.1. Учащиеся, особенно выдлившиеся на празднестве юности, получают, если они не обеспечены, ежегодную стипендию для посещения центральной школы.

Ст. 2. Награды будут раздаваться ежегодно на празднестве юности в присутствии народа.

Ст.3. Из этого закона следует, что все прежние учреждения, посвященные народному образованию, так называемые коллежи, оплачиваемые нацией, являются и остаются уничтоженными на всем протяжении республики.

Комитет народного образования представит доклад о партийках и учреждениях, уже посвященных народному образованию, как, например, о ботанических садах, естественно-исторических кабинетах, обсерваториях, музеях, военных и морских школах, ученых и художественных обществах, которые было бы желательно сохранить в новом плане образования.

Доклад Лаканала о центральных школах имел свои реальные последствия. Конвент постановил приступить к немедленной организации центральных школ, и направил специального комиссара в провинции для наблюдения за их организацией. К концу 1796 года каждый департамент имел не одну центральную школу, а в самом Париже были учреждены две центральные школы (30).

Доклад Фуркруа о специальных школах

Теперь рассмотрим доклад Фуркруа, представленный им от имени комитетов общественного спасения и народного образования об организации специальных школ (школ общественных работ). Собственно говоря, школа общественных работ уже существовала в Париже, и доклад Фуркруа имеет своей целью ввести организацию этих школ в общий план народного образования. Общее образование, в виде первоначальных и центральных школ, уже было организовано. Что же касается профессионального образования, Конвентом была организована лишь одна школа общественных работ в Париже. Между тем (мы уже неоднократно указывали на это) нужда в профессиональном образовании чрезвычайно велика, и мы видим, что не только Комитет народного образования, но и Комитет общественного спасения озабочен организацией технических школ. Эти школы должны составить существеннейшую часть системы народного образования.

Фуркруа в своем проекте предлагает организовать технические школы для подготовки архитекторов, кораблестроителей, инженеров путей сообщения, механиков, горных, морских и военных инженеров. Заслушав проект Фуркруа, Конвент принял декрет, по которому учреждались технические школы на всей территории Франции. В этом декрете особенно интересны три пункта. Один из них гласит: «Ученики технических школ получают жалованье от государства»; другой пункт воспрещает принимать в эти школы антиреспубликанцев, а по третьему пункту учреждаются конкурсные экзамены для поступления в эти школы.

Таким образом мы видим, что после 9-го термидора основы народного образования, действительно, были даны: первоначальные и центральные школы дают общее образование, технические школы обеспечивают подготовку специалистов.

И когда Комиссия одиннадцати приступила к разработке новой конституции, конституции 1795 года, ей оставалось лишь принять все то, что уже было сделано. Так и поступила комиссия. Но все же она внесла некоторые существенные изменения. Прежде всего она отказалась от идеи бесплатной народной школы.

Буасси д'Англа, делая в Конвенте доклад о новой конституции, указал, что предыдущая (т.е. до 9-го термидора) деятельность законодательных учреждений революции^{xx} в области народного образования была мало удовлетворительна и что Комиссия одиннадцати разработала план народного образования в целом, который и внесен в новую конституцию. Составление главы конституции, трактующей о народном образовании, было поручено Дону. Педагогические взгляды Дону были близки педагогическим взглядам Лаканалея (мы уже указывали выше, что именно Дону был ближайшим сотрудником Лаканалея и Сийеса в составлении проекта 26-го июня 1793 года) и, конечно, Дону в своем докладе много заимствовал от Лаканалея.

Закон 3-го брюмера IV года (25-го октября 1795 года)

Дону подразделяет всю систему народного образования на первоначальные, центральные и специальные школы; кроме них, имеется Национальный институт наук и искусств, ученое учреждение, предназначенное для совершенствования наук и искусств.

«Мы заимствовали у Таллейрана и Кондорсе план Национального института, - сказал Дону в своем докладе. – Существование этого величественного грандиозного установления должно заставить забыть величие всех королевских академий, подобно тому, как идеалы республиканской Франции уже сгладили память о Франции монархической.»

Интересно привести слова Дону, характеризующие положение народного образования в дореволюционной Франции, а также отношение термидорианцев к педагогическим идеалам жирондистов и монтаньяров.

«В 1789 году, - говорит Дону, - воспитание было, без сомнения, неудовлетворительно, но существовала какая-то организация. Высшие учреждения, академии, общества, лицеи и театры доставляли уважение Франции в глазах всех культурных народов. Но так как деспотизм желал препятствовать смелости мысли и мятежному просвещению, то он постоянно препятствовал его развитию. Власть учредила столько варварских учреждений, что наука и ученые уединились в высоты и не спускались к простым смертным.

Все было сделано для того, чтобы учреждения второй ступени совершенно не соответствовали учреждениям первой ступени. Правда, многие университеты, многие коллежи пользовались заслуженной славой, но самый их план вводил заблуждение таланты и нарушал их развитие. Я не буду говорить здесь о тех учреждениях, функции которых заключись в утомлении и

^{xx} Франсуа Антуан буасси д'Англа (1756-1825): http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bs_an. О законодательной деятельности национальных собраний в период с 1789 по 1804 г. см. монографию Филиппа Саньяка «Гражданское законодательство Французской революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm).

и искажении детства, и о тех, которые предлагали юности лишь трудности словесного обучения. То была лишь тень воспитания: ведь там упражнялась лишь только одна память, ведь там заставляли в течение года изучать лишь одну книгу, ведь это воспитание совершенно не было предназначено для развития ребенка».

Затем Дону характеризует положение народного образования в первые годы революции. Он указывает на дезорганизацию и анархию в этой сфере, возникшую весьма остро вследствие войн, борьбы партий и всех следствий великой революции. А затем он переходит к характеристике проектов народного образования, представленных Талейрана Учредительному Собранию и Кондорсе Законодательному Собранию.

«Между проектами народного образования, столь многочисленными за последние годы, имеются два, на которые ваши Комитеты считали долгом обратить внимание.

Первый проект был представлен Учредительному Собранию в конце его работ и является литературным памятником, вторым может гордиться век. Это — передний фасад, построенный согласно смелому и обширному проекту, но архитектура его слишком разукрашена и слишком блестяща, хотя эта работа и является прекрасным путеводителем для национального просвещения, но проект декрета, следующий за ней, не предлагает удачной системы законодательства и организации образования. Слишком много уважения к старым формам, слишком много ненужных мест, слишком много препятствий и цепей для учителя, ученые общества, напоминающие министерства, — все это обмануло ожидания разума, усвоившего величественные положения самого проекта.

Быть может, совершенно противоположный недостаток следует отметить в плане знаменитого и несчастного Кондорсе. Кондорсе, враг корпораций, стоял за корпорации в своем плане национального воспитания. Он превратил науку в своего рода церковную организацию; это произошло потому, что Кондорсе, враг королей, хотел дать обществу еще одно средство борьбы с королевской властью.

Мы полагаем, что только теперь мы имеем возможность учредить народное образование: система народного образования является лишь следствием республиканской конституции.

И ваши комитеты имели удовольствие и честь овладеть богатствами, уже установленными в этой области знаменитыми людьми, работавшими в этом направлении. Мы только собрали их раз'единенные идеи и применили их к принципам республиканской конституции. Мы гордимся честью присоединить к этому проекту имена Талейрана и Кондорсе и многих других философов. Но мы не воспользовались идеями Робеспьера, который ведь также занимал ваше внимание вопросами народного образования, но даже эта его работа носит печать стремления к тирании; ведь он внес варварское предложение вырвать ребенка из рук его отца, делавшее тяжелую обязанность из благодеяния национального воспитания.

Мы же считали своим долгом определить прежде всему истинные границы законов по народному образованию, и мы видели эти границы в **индивидуальных правах человека** (слова, характерные для индивидуалистических устремлений XVIII века. - О.С), которые конституция предлагает вам уважать. Мы сказали себе: свобода домашнего воспитания, свобода открытия частных школ и, наконец, свобода методов образования»...

По докладу Дону 3-го брюмера IV года (25-го октября 1795 года), накануне закрытия Конвента, был принят закон об организации народного образования. Этот закон ясно характеризует педагогические идеалы после 9-го термидора это «педагогическое завещание» Национального Конвента как его часто называют, еще раз показывает, как велика была реакция после 9-го термидора.

Приведем этот закон:

Закон об организации народного образования

Глава I. Первоначальные школы

1. В каждом кантоне республики будет учреждена одна или несколько первоначальных школ, круг действия которые будет определен администрацией департамента.
2. В каждом департаменте будет учреждено несколько жюри образования. Число их будет не более десяти. В состав их будут входить четыре члена, назначаемые администрации департамента.
3. Учителя первоначальных школ будут подвергаться экзамену в одном из жюри; по представлению администрации муниципалитета они будут назначаться администрацией департамента.
4. Они могут увольняться лишь согласно постановлению же властей, с согласия жюри, по представлении об'яснений.
5. В каждой первоначальной школе изучаются: чтение, письмо, счет и основы республиканской морали. Каждому жителю школы предоставляется помещение, в котором он будет жить, а также заниматься с учениками в учебные часы.

6. В случае, если местные власти найдут это более удобным, им предоставляется право выдавать ежегодно учителю соответствующую денежную сумму на оплату помещения.
7. Так же, как и профессорам центральных и специальных школ, этим учителям будет предоставлено право совмещения
8. Каждый из учеников будет ежегодно вносить плату, устанавливаемую администрацией департамента.
9. Муниципальные власти могут освобождать от платы четверть общего числа учеников первоначальной школы, как не состоятельных.
10. Правила, относящиеся к первоначальным школам, устанавливаются администрацией департамента и утверждаются исполнительной Директорией.
11. Администрация муниципалитета наблюдает за первоначальными школами и за выполнением ими законов и постановлений высшей власти.

Глава II. Центральные школы

1. В каждом департаменте республики будет учреждена одна центральная школа.
2. Обучение в них будет разделено на три секции; в первую секцию войдут:
 - 1) Профессор рисования.
 - 2) Профессор естествознания.
 - 3) Профессор древних языков.
 - 4) Профессор новых языков, если администрация департамента найдет это нужным и получит соответствующее разрешение законодательной власти.Во вторую секцию войдут:
 - 1) Профессор математики.
 - 2) Профессор экспериментальной химии и физики.В третью секцию войдут:
 - 1) Профессор грамматики.
 - 2) Профессор изящной словесности
 - 3) Профессор истории.
 - 4) Профессор законоведения
3. Учащиеся будут допущены к прохождению предметов первой секции лишь по достижении двенадцатилетнего возраста.
К прохождению предметов второй секции — лишь по достижении полных 14-ти лет.
К прохождению предметов третьей секции - лишь по достижении, по крайней мере, 16-ти лет.
4. Каждая центральная школа будет иметь библиотеку, кабинет естественной истории, кабинет экспериментальной химии и физики.
5. Жюри образования будут выбирать профессоров центральных школ. Кандидатуры, предложенные жюри, будут представляться на утверждение администрации департамента.
6. Профессора центральных школ могут быть уволены лишь постановлением тех же властей, с согласия образовательного жюри, и по представлении объяснений. Постановление об увольнении может быть приведено в действие лишь с утверждения исполнительной Директории.
7. Ежегодно установленное вознаграждение каждого профессора равно жалованью чиновника департамента. Ежегодное обложение учащегося не должно превышать 25 ливров с каждого учащегося.
8. Администрация департамента может освобождать от установленной платы четверть общего числа учащихся, как несостоятельных.
9. Остальные правила, относящиеся к центральным школам, будут устанавливаться властями департамента и утверждаться исполнительной Директорией.
10. Коммунам, которые имели учебные заведения, так называемые коллежи, и в которых не будут учреждены центральные школы, будет предоставлено право использовать помещение этих коллежей и организовать в них на свои средства дополнительные центральные школы.

Глава III. Специальные школы

1. В республике будут учреждены специальные школы для изучения:
 - 1) Астрономии.
 - 2) Геометрии и математики.
 - 3) Естественной истории.
 - 4) Медицины.
 - 5) Ветеринарного искусства.

- 6) Сельского хозяйства.
- 7) Древностей.
- 8) общественных наук.
- 9) Рисования, скульптуры, архитектуры.
- 10) Музыки.

2. Кроме того, будут учреждены школы для глухонемых и слепых.

3. Число этих школ и организация каждой из них будут установлены особыми законоположениями по докладу Комитета народного образования.

4. В числе школ, перечисленных в пункте первом этой главы, не указаны школы, посвященные изучению военно-инженерных, морских и артиллерийских наук. Эти школы будут сохранены в том виде, в каком они существуют, или е будут учреждены путем специальных декретов.

Глава IV. Национальный институт наук и искусств

1. Национальный институт наук и искусств принадлежит всей республике и находится в Париже. Он имеет своим назначением:

1) Совершенствовать науки и искусства непрерывными исследованиями, опубликованием открытий, сношениями с учеными обществами, находящимися за границей.

2) Производить научные литературные работы, имеющие своей целью пользу и славу республики, соблюдая в этой своей деятельности законы и постановления исполнительной Директории.

2. Он состоит из членов, живущих в Париже, и из членов, живущих в различных частях республики. Он привлекает в качестве сотрудников иностранных ученых.

Далее следует ряд пунктов, касающихся организации Национального института наук и искусств. Мы не будем входить в детали и приводить эти пункты.

Глава V. Поощрения, вознаграждения и почести

1. Национальный институт избирает каждый год по конкурсу 20 граждан, которые будут командироваться в департаменты республики в чужие страны для наблюдения за сельским хозяйством.

2. К конкурсу, указанному в предыдущем пункте, могут быть допущены лишь те, кто отвечает следующим требованиям:

1) Возраст не моложе 25-ти лет.

2) Владелец или сын владельца сельского имения, фермер или сын фермера, арендующего не менее чем на 30 лет более или менее значительный участок земли.

3) Знание теории и практики земледелия.

4) Знание арифметики, элементарной геометрии, политической экономии, естественной истории, главным образом ботаники и минералогии.

3. Граждане, избранные Институтом, получают командировку на три года; содержание их будет определено законодательной властью. Они будут вести наблюдения, состоять в переписке с Институтом и посылать ему каждые три месяц отчеты о своей работе. Вышеназванные лица будут избираться во всех департаментах республики.

4. Национальный институт будет избирать ежегодно шесть своих членов научной работы в других отраслях человеческих знаний.

5. Национальный дворец в Риме, предназначенный для французских художников, скульпторов и архитекторов, сохранит свое назначение.

6. Это учреждение будет поставлено под руководством французского художника, назначаемого «а шесть лет исполнительной Директорией.

7. Французские художники, избранные Институтом и назначенные исполнительной Директорией, будут посылаться в Рим. Они проведут пять лет в национальном дворце, получая, как и ранее, помещение и содержание от республики. Они получают средства на путешествие.

8. Двадцать учеников в каждой из школ, указанных в главах II и III этого закона, будут получать стипендию, наибольший размер которой определяется законодательной властью. Стипендиаты указываются исполнительной Директорией, согласно отзывам администрации департамента.

9. Учителя и профессора, выполнявшие свои обязанности в течение 25-ти лет, получают при отставке пенсию, равную установленному для них содержанию

10. Национальный институт будет ежегодно распределять награды в публичных заседаниях.

11. На общественных празднествах будут раздаваться награды ученикам, оказавшим наивысшие успехи в национальных школах.

12. На этих же празднествах будут раздаваться награды за изобретения, полезные открытия, успехи, оказанные в искусствах, за выдающиеся поступки и добродетели.

13. Законодательная власть предоставляет почести погребения в Пантеоне великим людям через десять лет после смерти.

Глава VI. Национальные празднества

1. В каждом кантоне республики будет ежегодно праздноваться семь национальных праздников:

Праздник основания республики — 1-е вандемьера

Юности — 10 жерминаля.

Супружества — 10 флореаля.

Благодарности — 10 прериала.

Земледелия — 10 мессидора.

Свободы — 9 и 10 термидора

Старости — 10 фруктидора.

2. В программу национальных празднеств входят: чтение патриотических гимнов, речи о морали гражданина и раздача наград.

Таковы основные положения закона 3-го брюмера года.

Кроме этого декрета, Конвент принял декрет, касавшийся женского образования:

1. Каждая первоначальная школа разделена на две секции: одна — для девочек, другая — для мальчиков; следовательно, в ней имеются учитель и учительница.

2. Девочки учатся чтению, письму, счету и элементам республиканской морали. Им предлагаются упражнения различных общепользованных ручных работах.

Этим законом закончилась педагогическая деятельность Национального Конвента. Мы не будем характеризовать этот он по существу. Ведь в сущности перед нами — те же проекты Лаканала, только в несколько ином виде, новых педагогических идей в этом проекте мы не находим, и все те грандиозные замыслы, которые высказывались в период расцвета революционно-демократических устремлений, во время господства монтаньяров, осенью 1793 года, забыты. Перед нами самый заурядный проект организации народного образования, отнюдь не имеющий в виду «счастье и благополучие общества». Здесь перед нами — попытка организовать школу, нужную буржуазному обществу, дающую общее и высшее специальное образование, а притом эта школа платная, что уже совсем не демократично. Все мечты об уравнении состояний путем образования, столь характерные как для Таллейрана, так и для Кондорсе, так и для Лепелетье, совершенно оставлены. Эти школы предназначены только для состоятельных классов.

Теперь нам надлежит охарактеризовать деятельность законодательных учреждений революции в их совокупности. Заранее остановимся еще на некоторых вопросах, разработанных Комитетом народного образования Национально, Конвента, представляющих большую важность отчасти в смысле научном, отчасти же в смысле политическом. Мы имеем в виду вопрос о новой системе мер и весов, республиканском календаре и организации национальных празднеств. Все эти вопросы были также поручены Комитету народного образования.

Система мер и весов, календарь, празднества

Метрическая система мер и весов, выработанная французскими учеными, является прекрасным памятником этой эпохи. Не приходится говорить о том, что это десятичное подразделение всех мер, соответствующее десятичной системе наших чисел, значительно упростило преподавание математических наук. Кроме того, величайшее значение имеет, конечно, то, что основная мера этой системы — метр — всегда может быть точно восстановлена.

Новый республиканский календарь был выработан Роммом в сотрудничестве с Лагранжем и Лапласом. Весь год делился на 12 месяцев по 30 дней каждый; месяц делился на декады, т.е. десятидневные периоды; вместо воскресенья было установлено празднование десятого дня (декади). Ромм хотел дать месяцам отвлеченные названия справедливость, равенство и т.д. Литератор Фабр д'Эглантин предложил более удачные наименования: для зимних месяцев, от 21-го декабря до 20 марта — нивоз, плювиоз и вантоз (снег, дождь и ветер), для весны, от 21 марта до 18 июня мессидор, термидор, фрюктидор (жатва, жара, фрукты) и т.д. Пять дополнительных дней получили название «санкюлотид». Этот календарь был принят Конвентом после двух докладов Ромма (20 сентября и 5 октября 1793 года) и доклада Фабра д'Эглантина (24 ноября того же года). За начало новой эры было принято 22 сентября 1792 года, день провозглашения республики. Весь этот календарь составлен, очевидно, применительно к интересам земледелия, и

и в этом вопросе явно сказывается увлечение идеями физиократов.^{xxi} Этот календарь имел безусловное значение в деле борьбы с католической церковью, и движение против католичества конечно, связано с проведением в жизнь этого календаря.

Учение физиократов оказало большое влияние на организацию **национальных празднеств**, которая также была поручена Комитету народного образования (31).

Уже начиная с первых лет революции, все проекты по народному образованию неизменно учитывали значение национальных празднеств, как наилучшего средства создания революционной идеологии. «Умы с увлечением уносятся к этим празднествам, — говорит Таллейран, — там, среди игр, борьбы и общего оживления возвышается до энтузиазма любовь к родине». Знаменитый Мирабо посвящает национальным празднествам одну из своих четырех речей о народном образовании. Кондорсе также придает большое значение начальным празднествам. «Национальные празднества, — говорит он, — напоминают сельским и городским жителям великие события свободы, сохраняют память о славных людях, восхваляют преданность и научают выполнять долг». На блестящих речах Рабо и Шенье, специально посвященных организации национальных празднеств, мы уже останавливались. Напомним еще, что Лаканаль в своем проекте 26 июня 3 г. предлагал организовать большое количество празднеств (числом 40), подразделяющихся на праздники, посвященные человеческому обществу, природе и революции. Робеспьер предлагал установить четыре политических празднества (14 июля — взятие Бастилии, 10 августа — низложение короля, 21 января — день казни Людовика XVI, 31 мая — день казни жирондистов^{xxii}) и, кроме этих празднеств, 36 празднеств морального характера, соответственно 36 декади (они посвящались свободе, истине и т.д.). Согласно закону 3 брюмера IV года, учреждалось семь национальных празднеств (выше мы их перечислили).

Для всех этих празднеств в различные периоды революции предлагались различные церемониалы. Появился даже специальный труд: «Трактат о празднествах» Буасси д'Англа. Наиболее торжественно праздновалась годовщина провозглашения республики, т.-е. 1 вандемьера. «Торжество 1 вандемьера должно быть праздником всех добродетелей, — говорится в церемониале этого празднества. — Разве этот праздник не должен напоминать о вечных принципах братства? Каким образом можно праздновать основание республики, не настаивая на прелести добрых нравов, не указывая на то, что национальная слава может покоиться лишь на наших чертах истинно республиканского характера — законности, бескорыстии, гостеприимстве, умеренности в желаниях и других добродетелях? Каким подходящим поводом является этот праздник для восхваления отцовской любви и для начертания перед молодежью величественной картины сыновнего уважения!» Первый церемониал этого празднества принадлежит художнику Давиду и заключается в следующем: празднество происходит на площади Бастилии, среди которой воздвигается статуя природы в образе женщины с фонтаном, источником возрождения. Здесь, в присутствии членов Конвента, по данному сигналу, тысячи птиц выпускаются на свободу, причем каждая из них уносит с собой привязанный к шее сверток, на котором начертаны права человека и гражданина.^{xxiii}

Праздников, посвященных земледелию, было очень много. Из них особенно торжественно праздновалось 10 июня каждого года — праздник земледелия. Празднество происходило на площади, на которой возвышался алтарь отечества с атрибутами земледелия около него. Процессия, состоящая из 24 пахарей, украшенных цветами и колосьями, окружает колесницу с воздвигнутой на ней статуей свободы, в руках которой рог изобилия, и направляется в поля, где президент празднества собственноручно проводит борозду в земле. Затем процессия возвращается на площадь и слагает орудия своего труда на алтарь отечества, покрывая их продуктами земли — колосьями и цветами.

Кроме того, были введены празднества, посвящавшиеся событиям жизни человека. Особенно торжественно праздновалось 10 жерминаля — праздник юности. Это торжество происходило весной, когда все расцветает, и здесь при самой торжественной обстановке произносилась речь об обязанностях юношества перед родиной. Большое значение придавалось празднику детства. Центром этого празднества были матери и дети, а «холодные холостяки, в крови которых ни разу не загорелось желание быть отцом, сердца которых ни когда не испытывали радости отцовского чувства и которые никогда не проливали слез при первом лепете своего ребенка», беспощадно исключались из этого праздника. Наиболее красивым праздником был праздник супружества, также происходивший весной, когда «щебетание птиц, благоухание цветов, теплый воздух

^{xxi} Упомянутые доклады, названия месяцев и инструкции о календаре см.: http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/index_ccxiii.htm. См. также о Фабре д'Эглантине: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#FE>.

^{xxii} Очевидная ошибка: казнь 22 жирондистов имела место 31 октября и этот день никогда не был предложен в качестве праздника; отмечали *изгнание* жирондистов из Конвента 31 мая — 2 июня.

^{xxiii} Подробное описание церемонии см. в **сборнике писем и выступлений Ж.-Л.Давида**: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/art_benois.htm#david.

гармонирует с эмоциями души и сердца». Все молодые супруги, сочетавшиеся браком в течение последнего года, проходят длинным шествием мимо алтаря, у подножия которого их ожидают старейшие супруги данной местности. На этом торжестве произносится речь о супружеских обязанностях и добродетелях. Эта честь предоставляется добродетельному человеку, которому 50 лет супружеской жизни дают право поучать молодежь.

Наконец, надо отметить еще торжественные собрания в дни декады, которым придавалось большое значение. В этот день устраивались торжественные собрания, посвященные распространению морали и ознакомлению с новым строем

Но все эти празднества, столь грандиозные по своему замыслу, совершенно не привились. Они были непонятны народу и вызывали во многих провинциях только насмешки и возмущение. Все же они существовали при Директории и были уничтожены лишь Консульством.

* * *

Какое же значение имела деятельность законодательных учреждений Великой французской революции в области народного образования?^{xxiia}

Конечно, большого практического значения эта деятельность не имела. Закон 3 брюмера IV года показывает, что все широкие педагогические замыслы первых лет революции были разрушены реакцией, и революция завещала потомству платную школу, посещение которой не было обязательным, с узкой образовательной программой. После 9-го термидора перед нами — торжество крупной буржуазии, педагогические идеалы Таллейрана, Кондорсе, Лепелетье забыты, и из той формулы, которая была выдвинута восходящим фазисом революции, т.-е. во время господства монтаньяров — школа обязательная, бесплатная и светская, — остается лишь принцип светской школы. Поэтому народное образование в эпоху Великой французской революции надо оценивать не с практической, а с теоретической точки зрения. Если французская революция не разрешила поставленных ею вопросов народного образования и не осуществила в жизни ого ряда уже принятых проектов, то она сделала все же вопросы предметом широкого обсуждения и привлекла к ним внимание общества. Она подготовила развитие педагогических идей в последующие века и является поэтому значительным этапом в общей истории педагогики.

Выше мы указывали, что это увлечение просвещением политических деятелей Великой французской революции объясняется всей экономикой XVIII века; мы не будем снова останавливаться на этом вопросе более подробно. Но отметим еще раз, что все законодательные учреждения революции выказали большое внимание к просвещению. Особенно характерно это для Национального Конвента, который увлекался педагогическими вопросами даже в эпоху террора, когда Франция изнемогала под тяжестью внутренних и внешних войн. Не менее характерно в этом отношении поведение Комитета общественного спасения, учреждения чистореволюционного; ведь даже Комитет общественного спасения уделял большое внимание народному образованию. Так, первое законодательство о первоначальных школах в мае 1793 года было принято по предложению Комитета общественного спасения; да и после этого Фуркруа и Барер неоднократно выступают в Конвенте от имени Комитета общественного спасения с докладами по вопросам народного образования. Построить школу было необходимо, и на этом фоне развернулись все прения в Конвенте и были освещены принципы государственного строительства школы.

Из тех идей, которые были высказаны в различных проектах, особенное значение имеют: идея **бесплатной, обязательной, светской школы** (проекты Кондорсе и главным образом Лепелетье), **трудовой школы** (Лепелетье), **профессионального образования** (Лавуазье, Фуркруа), **внешкольного образования** (Таллейран, Кондорсе), **естественно-научного образования** (Мирабо, Кондорсе, Лавуазье), **специальной подготовки педагогов** (Лаканаль), **широкого образования женщины** (Кондорсе), **самоуправления учащихся** (Таллейран, Лаканаль), **гражданского воспитания юношества** (главным образом Таллейран и Лепелетье, но

^{xxiia} По причинам понятным и объективным, о которых говорит и А.Пинкевич в аннотации к книге, и автор, О.Сыркина, за пределами данного обзора — не только большого по объему, важного по содержанию и **единственного** до сих пор в русскоязычной историографии Великой французской революции — остались несколько любопытных, на наш взгляд, планов организации народного образования. Во-первых, это наброски **Л.-А.Сен-Жюста** (<http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj-ind.htm>), получившие название «Республиканские установления», во многом родственные плану Ле Пеллетье. Во-вторых, это идеи **Шодерло де Лакло** о женском образовании и воспитании. В период Революции он не выступал публично с какими-либо проектами, но в дореволюционное время, в 1783 г., на тему, заданную одной из академий, представил сочинение «Des Femmes et de leur ?ducation» (См. в его хронобиографии: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#ChL>). Среди многочисленных проектов организации образования особым поощрением Конвента выделен проект **Ж.Вилата** (декабрь 1792 г.; к сожалению, текстом мы пока не располагаем); этот проект представлял интерес с той точки зрения, что автор — «практикующий педагог», в течение нескольких лет преподавал в коллежах Лимузена риторiku, латынь, словесность и философию. Наконец, свой собственный проект передавала на рассмотрение Конвенту **Тереза Фонтене**, урожд.Кабаррюс, впоследствии Тальен; этому проекту посвящена статья в AHRF.

и авторы почти всех других проектов).

Конечно, революция разрешала вопросы народного образования не с точки зрения социалистической, а с точки зрения буржуазно-демократической (и мы старались показать это выше). Не приходилось говорить о том, что это гражданское воспитание, выдвинутое революцией, не есть воспитание социалистическое. Но это резко выраженное стремление революционеров 1789—93 годов к воспитанию граждан определенного, в данном случае буржуазного, строя, к созданию определенной идеологии юношества, отвечающей идеологии революционных классов, интересно с теоретической стороны. Оно является лишним доказательством в пользу того, что школа есть выражение социального строя, что она не может быть поставлена вне политической жизни, что **педагогика есть прежде всего наука общественная**. Прекрасно выразил эту мысль Лаканаль «Конституция должна быть в соответствии с воспитанием и воспитание — с конституцией; воспитание обречено на гибель, если оно не соответствует строю страны».

О. Сыркина

Литература

по вопросу о педагогических идеях Великой французской революции

На французском языке:

1. Buisson. «Dictionnaire de la pedagogic et de l'instruction primaire». Смотреть статью Guillaume a «Convention».
 2. Compayre, «Histoire critique des doctrines de l'education en France». Paris. 1879.
 3. Condorcet. «Oeuvres».
 4. Guillaume, «Proces-verbaux du Comite d'instruction publique de l'Assemblee Legislative» и «Proces-verbaux du Comite d'instruction publique de la Convention Nationale», 7 томов, 1839—1907, Париж. Основная работа по этому вопросу.
 5. Lavoisier. «Oeuvres».
 6. Mirabeau. «Travail sur instruction publique», trouve dans les papiers de Mirabeau l'aine, publie par Cabanis, docteur en medicine. Paris, 1791.
 8. Talleyrand. «Rapport sur l'instruction publique fait au nom du Comite de Constitution» par M.Talleyrand-Perigord, ancien eveque d'Autun, administrateur du departament de Paris, Paris, 1791.
 7. Sicard. «L'education nublqua morale et civique en Francs avant et pendant la revolution», 1884, Paris.
- См. кроме указанных, труды Duru («L'instruction publique et la revolution»), Hippeau («L'instruction publique en France pendant le Revolution») и др.

На русском языке:

Подробной характеристики педагогических идей Великой французской революции на русском языке нет; кое-что, но весьма мало, можно найти.

1. Вилльман. «Дидактика, как теория образования». Том I. «История народного образования». Кропоткин. «Великая французская революция». Глава о народном образовании. Н.Крупская. «Народное образование и демократия». Госизд. 1921 г. Лозинский. «Пионеры общественного воспитания». «Вестник Воспитания», 1901 год, №№ 6 и 7. «Трудовая школа в свете истории и современности», сборник статей под ред.М.М.Рубинштейна, изд. «Сеятель», Ленинград. См., кроме того, труды Лависа и Рамбо, Жореса и др., а также вышедшую во время печатания данной работы книгу А.Фортунатова «История трудовой школы в ее историческом развитии».

Список цитированных книг

1. К.Маркс и Ф.Энгельс. «Коммунистический манифест». Гос. изд. 1923, стр.63.
2. К.Маркс. «Neue Rheinische Zeitung» № vom 15 Dez. 1848 (цит. по Бухарину. «Исторический материализм». Гос. изд. 1922, стр.293.
3. Жорес. «История Великой французской революции». Т.I. Учредительное Собрание, стр.26.
4. Н.Бухарин. «Теория исторического материализма». Гос. изд. 1922, стр.294.
5. К.Каутский. «Противоречия классовых интересов в 1789 году», Москва, 1919 г., стр. 30.
6. Ф.Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и го Едарства».
7. Г.Кунов. «Борьба классов и партий в Великой французской революции». Гос. изд. 1919, стр.498. [Фрагменты работы см. в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#kunow.](http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#kunow)
8. Там же, стр. 262.
9. Там же, стр. 316.
10. Там же, стр. 512.
11. Д.Локк. «Мысли о воспитании». § 216.
12. Ж.Руссо. «Эмиль или о воспитании», стр.93, изд. «Педагогическая библиотека», 1896 г.
13. Он же. «Новая Элоиза», стр.483-4.
14. Он же. «Эмиль», стр.155.
15. «Essai deducation Nationale ou plan detude pour la jeunesse» par Louis Rene de la Chalotais,

Procureur-general du Roi au parlement de Bretagne. Geneve, 1763 («Опыт национального воспитания, или план образования юношества» Шалотэ, генерального прокурора парламента Бретани, стр.1—12).

16. Compte rendu par Rolland, 1768 (Отчет Роллана).

17. Turgot. «Oeuvres», t.II (Тюрго. Собрание сочинений).

18. «Rapport sur l'instruction publique, fait au nom du Comite de Constitution par M.Talleyrand-Perigord, ancien eveque d'Autun» («Доклад о народном образовании Таллейрана-Перигора, епископа отенского»); Здесь и ниже везде цитируется этот доклад.

19. Ж.Жорес. «Великая французская революция». Т. I, стр. 390

20. «Travail sur l'education publique», trouve dans les papiers de Mirabeau l'aine, publie par Cabanis, docteur en medecine («Труд о народном образовании», найденный в бумагах Мирабо старшего и опубликованный доктором Кабанисом). Здесь и ниже везде цитируется эта работа.

21. Sicard. «L'education publique morale et civique en France avant et pendant la revolution». 1884, Paris (Сикар. «Народное образование моральное и гражданское, во Франции до и во время революции»).

22. А.Молок. «Народное просвещение во времена Парижской коммуны». Стр.23. Гос. изд. 1922 г. См. также «Очерки быта и культуры Парижской Коммуны», раздел о народном образовании (http://narod.ru/disk/8728789000/commune_mol24.pdf.html).

23. Г.Кунов. «Борьба классов и партий в Великой французской революции», стр.404.

24. Guillaume. «Proces-verbaux du Comite instruction publique de la Legislative» (Гильом. «Протоколы Комитета народного образования Законодательного Собрания»). Весь фактический материал главы о Законодательном Собрании взят из этой работы.

25. «Rapport et projet de decret sur l'organisation generate de l'instruction publique», presentes a l'Assemblee Nationale par Condorcet («Доклад и проект декрета об общей организации народного образования, представленные Национальному Собранию Кондорсэ»). Здесь и ниже везде цитируется этот доклад, а также трактаты по народному образованию помещенные в полном собрании сочинений Кондорсэ (Condorcet. «Oeuvres t.VII, 1847).

26. Э.Кант. «О педагогике». § 15. Изд. Тихомирова, 1907 г., стр.26

27. Guillaume. «Proces-verbaux du Comite d'instruction publique de la Convention Nationale» (Гильом. «Протоколы Комитета народного образования Национального Конвента»). Здесь и ниже весь фактический материал взят из этого обширного труда.

28. «Reflexions sur l'instruction publique, presentes de la Convention Nationale», Oeuvres de Lavoisier, publics par Grimaux, t.VI («Мысли о народном образовании, представленные Лавуазье Национальному Конвенту»). Здесь и ниже цитируется эта работа Лавуазье.

29. Buisson. «Dictionnaire de la pedagogie et de l'instruction primaire» 1 partie, t.II, p.554, Convention (Бюиссон. «Словарь педагогики и начального обучения», 1 часть, т.II, стр.654, статья «Конвент»).

30. Там же, часть I, т.I, стр.773.

31. Подробнее см. Sicard. «L'education publique morale et civique avant et pendant la revolution» (Сикар. «Народное образование, моральное и гражданское, до и во время революции»).

МОСКВА, 1926

ПЕРЕВОДЫ

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Шарль Морис ТАЛЕЙРАН де ПЕРИГОР

ДОКЛАД о НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Общественная власть организована; свобода и равенство существуют под всемогущим покровом закона, собственность нашла свои истинные основы, и все же конституция могла бы казаться несовершенной, если бы в нее не было внесено, наконец, народное образование в качестве ее оживляющей и охраняющей части, имеющей, без сомнения, полное право называться властью, ибо оно охватывает целую систему различных функций, неизменно направленных к усовершенствованию политического строя и к общему благу.

Мы не стремимся подчеркнуть здесь ничтожество или бесчисленные пороки того, что до сих пор называлось образованием. Даже при старом строе, думая о наших учебных заведениях, невозможно было не испугаться полного отсутствия просвещения, отсутствия, простиравшегося на большинство людей, не возмутиться затем и жалкими мыслями, внедрявшимися в ум того, кто не совсем еще был обречен невежеством, и различными предрассудками, которыми питали человечество, и тем несоответствием или, вернее, абсолютным противоречием, господствовавшим между тем, что ребенок должен был учить, и тем, что человек должен был знать, и, наконец, тем слепым и настойчивым уважением к обычаям давно прошедшего времени, которое, перенося в ту эпоху, когда все знание было сосредоточено в монастырях, казалось, стремилось еще тысячу лет спустя обречь всех граждан на монастырскую жизнь.

Эти возмутительные противоречия и другие, еще более важные, никогда не должны были бы одерживать победы. Они должны были, конечно, существовать там, где, по конституции страны, все было несовершенно, где столько интересов было сосредоточено на стремлении обманывать и унижать человечество, где самая сущность управления исключила моральные принципы в тех случаях, когда не поощрялись все заблуждения власти; они должны были существовать там, где, повидимому, все стремились с детства внушить людям мысль о необходимости ужиться с предрассудками, в которых они призваны жить и умереть, там, где нужно было приучать людей стеснять свои мысли, где и сам закон с угрозой говорил людям, что и в своих мыслях они не хозяева, где, наконец, трусливое благоразумие, осмелившееся именоваться добродетелью, поставило своей задачей отвлекать, ум от всего того, что могло когда-нибудь напомнить людям о тех правах, на которые им не позволяют ссылаться, и таково было, при этих условиях, даже влияние общественного мнения, что была создана возможность преподавать юношеству историю древних свободных народов, разжигать воображение юношества рассказами о героических добродетелях, заставляя молодежь жить в атмосфере Рима и Спарты, и при этом самая абсолютная власть нисколько не опасалась того влияния, которое должны были производить эти великие незабвенные примеры; вспомним все же, что даже тогда находились люди, смелая проповедь которых, казалось, принадлежала лучшим дням свободы, и будем с благодарностью наслаждаться благодетельными свойствами человеческого ума, который, скрываясь от деспотизма, умел во все эпохи готовить только что совершившуюся революцию.

Но если в эти различные эпохи, от которых мы так быстро удаляемся с каждым днем, простой рассудок и здравая философия могли заявлять не только из отвлеченного чувства справедливости, но и не без реальной надежды на успех о необходимости изменений в области народного образования, если во все времена разрешалось осуждать абсолютную нежизненность образования, насколько же больше должна ощущаться потребность кардинальной реформы образования в тот момент, когда ее требуют одновременно и разум всех стран, и особая конституция нашей страны?

Действительно, невозможно проникнуться духом этой конституции, не признав, что все ее принципы призывают к созданию нового образования.

Облеченные всемогуществом нации, вы пришли к заключению отделить в политическом управлении общую волю или установление законов от действий общества или различных способов приведения законов в исполнение; и именно в этом лежит вечная основа политической свободы, но в дополнение к этой системе необходимо, конечно, чтобы эта воля шла всегда прямым, просвещенным путем и чтобы средства исполнения неизменно направлялись к их цели, и, очевидно, оба случая находятся в прямой и непосредственно зависимости от образования.

Теперь, наконец, закон, вспомнив о своем происхождении, сделался снова тем, чем он не должен был перестать быть, а именно — выражением общей воли. Но для того, чтобы эта воля, всецело выраженная представителями нации, на которых лежит обязанность быть ее исполнителями, не очутилась во власти рассеянной или беспорядочной воли толпы, часто заблуждающейся, для того, чтобы у тех, от кого зависит вся власть, не было искушения ни при издании, ни при исполнении закона необдуманно отменить его, необходимо, чтобы разум общества, вооруженный всем могуществом образования и просвещения, постоянно предупреждал и подавлял эти индивидуальные узурпации, губительные для принципов, так, чтобы партия сильнейшая была бы также всегда и партией справедливейшей.

Люди объявлены теперь свободными, но кто же не знает, что лишь просвещение способно содействовать неуклонному расширению границ гражданской свободы и что лишь оно одно в состоянии охранить политическую свободу от всех враждебных ей покушений деспотизма? Кто не знает, что даже при самом свободном государственном строе человек необразованный находится в полной зависимости от каждого шарлатана и под слишком сильным влиянием человека образованного и что только всеобщее образование, правильно распределенное, в состоянии препятствовать, правда, не превосходству одних умов над другими, превосходству необходимому и даже способствующему благу общества, но предоставлению этому превосходству слишком большого поля деятельности, если какой-нибудь класс общества обречен на невежество? Тот, кто не умеет ни читать, ни писать, зависят от всего окружающего; тот, кто знает первые элементы математики, не будет зависеть от гения Ньютона и даже может воспользоваться его открытиями.

Люди признаны теперь равными, но, однако же, как незаметно и нереально было бы это равенство перед законом посреди столь больших фактических неравенств, если бы образование не стремилось постепенно уменьшить те роковые различия, сразу уничтожить которые оно не в состоянии.

Наконец, чтобы высказать все, можно ли считать реальным существование конституции, если основы ее покоятся лишь на одном кодексе законов, если она не укрепилась в сердцах всех граждан, не создала новых привычек, новых чувств и новых нравов? И разве цель ежедневного и все увеличивающегося влияния образования не заключается в осуществлении этих великих преобразований?

Таким образом, все говорит о настоятельной необходимости организовать образование; все показывает нам, что новый строй, воздвигнутый на развалинах стольких злоупотреблений, делает необходимой эту реформу, и быстрый, и почти самопроизвольный развал прежних учреждений, погибающих во всех частях государства, как растение, пересаженное на новую, непригодную почву, ясно возвещает, что наступил момент предпринять эту великую реформу.

Приступая к работе, требуемой этой реформой, мы не хотели ни на минуту скрыть тех трудностей, с которыми она связана. Среди этих трудностей есть и фактические, есть и зависящие от самой сущности вопроса. Образование — это действительно особая держава, область влияния которой не может быть учтена ни одним человеком, и даже национальная власть не может установить ее границ. Сфера ее влияния громадна, бесконечна. Что только сюда ни входит! Начиная от самых простых элементов различных знаний, вплоть до самых возвышенных начал государственного права и морали, от простых игр ребенка до театральных представлений грандиознейших национальных празднеств; одним словом, все то, что, влияя на душу, в состоянии заронить в нее те или иные впечатления, полезные или пагубные, оставить тот или иной след, — все это относится к этой области.

Эти постоянно совершенствующиеся средства образования должны различным образом применяться в зависимости от времени, места, потребностей, людей. Многие науки еще зачаточном состоянии, другие уже более не существуют, методы наук, вообще говоря, не установлены, нет определенных принципов и мнений науки, и, принимая во внимание эти положения, мы и не считаем своей задачей дать потомству определенные законы образования. Это, следовательно, и область, которую нужно организовать.

На ряду с этими фактическими трудностями существуют и иные, может быть, еще более затрудняющие, потому что и нельзя победить принципами, а надо принципы как-то согласовать с ними. Эти трудности порождаются тем особенным страхом, который часто испытывают наиболее благонамеренные элементы, видя большие нововведения; всякое совершенствование кажется им слишком идеальным, они опасаются его так же, как и явно ошибочной системы, и часто они делают это совершенствование непригодным к жизни, повторяя, что оно непрактично.

Преодолевая эти трудности, нам и пришлось работать. Но мы полагаем, что мы отстраним наиболее существенные трудности, крайне уменьшив наши требования и ограничившись лишь широким распространением просвещения, не претендуя на определение пределов развития человеческого ума, совершенствованию которого вообще нельзя указать границ.

Что же касается других трудностей, то те, кого пугают большие реформы, вскоре увидят, что мы имеем определенный план каждой части образования, что в целях практической мы намерены соблюдать осторожность по отношению к чисто-отвлеченным принципам, что мы не ограничимся обозначением цели, а покажем и дорогу к ней, но в то же время мы полагаем, что необходимо дать возможность тех или иных изменений в деталях отдельным департаментам, сознающим свои нужды и знающим местные средства, и предоставить им определение времени, нужного для проведения той или иной реформы в области просвещения; ведь мы желаем, чтобы переход от старого образования к новому совершался бы без всяких волнений и без личных несправедливостей. Чтобы внести некоторый порядок в столь широкий предмет обсуждения, мы рассмотрели его с различных точек зрения, указываемых нам разумом.

Цель образования, вообще говоря, заключается в совершенствовании человека во всех его возрастах и в бесконечном служении просвещения и опыта человечества благу каждого и благу всего общества.

Одной из наиболее выделяющихся черт человека является **совершенство**, и эта черта, характерная для каждого индивидуума, еще более характерна для всего человеко-рода. Но если, быть может, возможно утверждать в отношении отдельного человека, что он достиг конечного пункта своего развития, то невозможно высказывать это утверждение по отношению ко всему человеческому роду, интеллектуальные и моральные богатства которого непрерывно обогащаются открытиями предыдущих веков.

Люди рождаются с различными способностями, обеспечивающими их благополучие и дающими им возможность выполнить их назначение в обществе, но эти способности, вначале бездеятельные, требуют и времени, и материала, и людей для полного развития и приобретения необходимой энергии; каждый человек приходит в жизнь с полным неведением того, чем он должен и может когда-либо сделаться; именно образование должно ему это показать; именно оно должно укрепить и увеличить его природные дарования всеми методами, выработанными обществом и накопленными временем. Образование является более или менее разработанным искусством выявлять в человеке всю его ценность как для него самого, так и для человечества. Образование учит человека наслаждаться своими правами, уважать и легко исполнять свои обязанности, — одним словом, быть счастливым и полезным и подготавливать таким образом решение вопроса, пожалуй, наиболее трудного из всех вопросов организации общества, вопроса, заключающегося в наилучшем распределении индивидуумов.

Действительно, мир следует рассматривать, как обширную мастерскую. Недостаточно, чтобы все в ней работали, надо, чтобы все были на своем месте; без этого будет всеобщее противодействие вместо содействия, увеличивающего силы. Кто не знает, что небольшое число людей, разумно распределивших свои обязанности, должно достигнуть больших и лучших результатов, чем большее, обладающее теми же достоинствами число людей, но без подобного распределения? Наибольший из всех видов экономии, ибо это — экономия человеческого труда, заключается в том, чтоб поставить всех людей на надлежащее место; и, без сомнения, образцово поставленная система образования — лучшее средство достигнуть этого.

Как же создать такую систему? Это будет безусловно во многих отношениях работой времени, очищенной опытом, но необходимо поспешить с этой реформой. Необходимо, следовательно, указать основы этой системы, установить принципы, постепенным развитием которых она явится. Образование можно рассматривать, как источник благ и для всего общества, и для отдельных индивидуумов, как работу всего общества.

И прежде всего невозможно наблюдать человеческое общество — собрание разумных существ, — не подметив немедленно средств образования в нем самом. Эти средства рождаются как из свободного общения идей, так и из взаимного соприкосновения интересов. Здесь уместно сказать, что люди ученики всего окружающего мира, но всем этим элементам образования, повсюду распространенным, свойственна настоящая потребность быть собранными, скомбинированными и направленными так, чтобы естественным следствием этой работы явился метод, т.-е. легкое и быстрое средство для каждого познать верным путем с необходимой ему частью образования. В удачной комбинации всех средств образования и заключается истинная система образования

Исходя из этого первого соображения, образование выставляет следующие принципы:

1. Оно должно существовать для всех, так как именно из того, что оно является следствием или даже преимуществом жизни в обществе, следует заключить, что оно — общее благо соединившихся; никто не может быть законно лишить его; и именно тот, кто имеет меньше всего частной собственности, как будто имеет даже больше прав участвуя в этой общей собственности.

2. Этот принцип присоединяется к другому. Если каждый имеет право воспользоваться благами образования, то каждый имеет и обратное право — участвовать в их распространении, так как именно из соревнования и соперничества индивидуальных усилий и рождается всегда наибольшее благо. Лишь одно доверие должно определять выборы на должности преподавателей, и все таланты призываются законом оспаривать этот знак общественного уважения. Каждая привилегия, по самой основе своей, отвратительна. Привилегия же в области образования еще более отвратительна и абсурдна.

3. Что же касается содержания образования, то оно должно быть универсальным, так как только тогда оно действительно является общим благом, где каждый может избрать интересующую его часть. Различные знания, охватываемые образованием, могут казаться не в равной мере полными, но между ними нет ни одной науки, которая не была бы действительно полезной, которая не могла бы еще более увеличить уже приносимую ею пользу и которую, следовательно, можно было бы исключить или оставить в пренебрежении. К тому же между всеми науками существует вечная связь, взаимная зависимость, так как все они имеют в уме человека такую общую точку соединения, что в силу необходимости одна обогащается и укрепляется за счет другой; из этого вытекает, что хотя в правильно организованном обществе никто не может охватить всего знания, но все же необходимо дать каждому возможность учиться всему.

4. Образование должно существовать для обоих полов, слишком очевидно, так как если оно — общее благо, то какому принципу один из двоих может быть лишен защищающим его права обществом права, общего всем?

5. Кроме того, образование должно существовать для каждого возраста. Это — предрассудок, питаемый привычкой, назначать всегда образование для молодежи. Образование должно сохранять и совершенствовать людей, получивших образование, оно является общественным и всеобщим благом, оно должно применяться к людям всех возрастов, если эти возрасты способны к его восприятию; однако кто же не видит, что не существует для такого возраста, когда человек не способен к полезным упражнениям, когда человеку не могут быть привиты счастливые привычки, когда он не нуждается в ободрении в своих благих начинаниях и в просвещенных способах приведения их в исполнение, а от кого же должна исходить эта помощь, если не от образования?

Из всех этих принципов, которые, точно выражаясь, являются лишь следствием первого пункта, вытекают дальнейшие следствия, также уже ясно намеченные. Так как образование должно существовать для всех, то необходимо, следовательно, чтобы были основаны учреждения, распространяющие его в каждой части государства, сообразуясь с ее потребностями, числом жителей и положением.

Так как каждый имеет право принять участие в распространении образования, то необходимо, чтобы все исключительные привилегии в области образования были безвозвратно отменены.

Так как образование должно быть универсальным, то необходимо, чтобы общество поощряло и облегчало все отрасли образования и в то же время особенно покровительствовало тем наукам, которые будут признаны обществом наиболее полезными и наиболее отвечающими конституции и национальным нравам.

Так как образование должно даваться лицам обоего пола, то необходимо немедленно создать школы и для одного, и для другого пола, но необходимо создать для них и принципы образования; ведь образование будет направляться не школами, а принципами, которые и надо считать действительно руководящим элементом образования.

Наконец, так как образование должно существовать для всех возрастов, то не следует направлять внимание исключительно на учреждения, предназначенные для молодежи; необходимо создать, необходимо организовать учреждения совершенно иного порядка, которые явились бы обильным источником счастья и просвещения для людей всех возрастов, всех состояний, занимающих различные положения в жизни.

Образование, рассмотренное с этих точек зрения и преследующее благо общества, выставляет своим основным принципом требование, чтобы все люди учились:

1) знать конституцию этого общества, 2) защищать ее 3) совершенствовать ее и 4) прежде всего проникаться принципами морали, предшествующей всякой конституции и являющейся еще более, чем конституция, защитой и гарантией общественного блага.

Отсюда — различные следствия, касающиеся французской конституции.

Необходимо учить знанию конституции. Необходимо следовательно, чтобы декларация прав и принципы конституции сделались в будущем новым катехизисом детства, изучающимся, начиная с самых низших школ королевства. Напрасно хотели оклеветать эту декларацию: именно в правах всех неизменно покоится долг каждого.

Необходимо научить защищать конституцию. Необходимо поэтому, чтобы повсюду молодежь вырастала, проникаясь этим духом, участвуя в военных упражнениях, и чтобы, следовательно, существовало большое число общих школ, где полностью изучались бы все части военного искусства, так как наилучшим средством редко прибегать к силе является хорошее умение применять ее.

Необходимо учить совершенствовать конституцию. Принося клятву защищать ее, мы не могли отказаться ни за себя, ни за наше потомство от права и надежды улучшить ее. Важно, чтобы все отрасли общественных наук изучались в новых школах, но эту идею, во всей той обширности, в какой она представляется разуму, трудно было бы привести в исполнение в момент, когда эти науки лишь начинают зарождаться. Во всяком случае нельзя разрешить оставить эти науки в пренебрежении; необходимо, по крайней мере, покровительствовать всем опытам, всем учреждениям, работающим в этом направлении, для того, чтобы самые благородные, самые полезные науки не были бы совершенно лишены распространения.

Необходимо научить проникновению моралью, этой первой основой всякой конституции. Необходимо, следовательно, не только запечатлеть ее во всех сердцах посредством голоса чувства и совести, но и преподавать ее в школе, как настоящую науку, принципы которой соответствуют разуму всех людей и всех возрастов. Только таким образом сумеет мораль противостоять всем испытаниям. Много лет сожалели о том, что мораль людей различных наций и различных религий зависит исключительно от громадного количества разделявших их мнений. Из этого проистекало много зла, так как, предоставляя мораль неопределенности, часто даже абсурдности, мы ее неизменно компрометировали и сделали ее непостоянной и шаткой. Пришло время дать ей истинные основы, пришло время показать людям, что если между ними стоят пагубные разделения, то по крайней мере мораль представляет общую область, в которой они должны сойтись и соединиться. Нужно отстранить мораль от всего того, что же является моралью, чтобы связать ее со всем тем, что заслуживает нашего одобрения и благоговения, со всем тем, что является опорой для морали. Эта перемена проста: она никого не затрагивает, она вполне возможна. Отвлекаясь от всякой системы, от всякого мнения и рассматривая людей лишь с точки зрения их отношений к другим людям, как же возможно не видеть, что существуют способы действительно привить людям все хорошее, все справедливое, заставить их находить счастье в благородных и мученье в бесчестных поступках, образовать их ум и совесть и сделать каждого человека чувствительным к малейшему проявлению зла? Природа сделала в этом направлении очень много; она наделила человека разумом и состраданием; разум показывает человеку, в чем справедливость, а сострадание привлекает его ко всему доброму; в этом и заключается двойной принцип всякой морали. Но для того, чтоб эта новая область образования могла быть хорошо поставлена, требуется работа элементарная, простая и в то же время ясная и глубокая.

И достойно Национального Собрания призвать к этой работе труды и размышления всех истинных философов!

Образование, как источник благ для людей, требует одновременно развития всех способностей человека; ведь благополучие человека связано с правильно направленным развитием, и именно, развивая все, можно с уверенностью определить отличительную способность

человека.

Таким образом образование должно распространяться на все человеческие способности: **физические, интеллектуальные, моральные.**

Физические. Странной особенностью большей части систем нашего современного воспитания является предоставление телу только отдыха. Нужно работать для сохранения здоровья, увеличивать силы, придать телу гибкость и подвижность, так как физическое здоровье — большое преимущество для человека. Но это еще не все: указанные качества — основные предпосылки для изучения различных ремесел, а достижение искусства в каком-нибудь из них одним человеком создает бесконечные радости для других людей. Кроме того, наш разум находит в различных упражнениях в гимнастике, так развитой у древних народов и находящемся в полном пренебрежении у нас, еще целый ряд преимуществ, особенно важных для общественности и морали. Следовательно, со всех точек зрения необходимо сделать физическое воспитание важной частью образования.

Интеллектуальные. Они делились до сих пор на три части: воображение, память, разум. К первой относились, повидимому, изящные искусства и литература, ко второй — история и языки, к третьей — точные науки

Но это деление устарело, и зависящая от него классификация далека от того, чтобы считаться установленной навсегда: она считается уже теперь неполной и совершенно произвольной теми, кто подверг это деление разумному анализу, но все же никаких неудобств от ее применения пока нет. Важно то, что во всех заслуживающих внимания учебных заведениях образование распространяется на объекты этой классификации, не исключая, впрочем, и других предметов, которые не могут быть теперь указаны; время сделает стальное.

Моральные. До сих пор их не анализировали, не определяли, не классифицировали, и, быть может, такое намерение было бы вне достижения человеческого разума, но известно, что существует внутреннее чувство, не зависящее от всяких рассуждений, свойственное человеку и только ему одному. Без него, как уже было сказано, можно знать добро; только при его посредстве можно научиться любить добро и выработать привычку делать его без усилий. Следовательно, важно поддерживать, оберегать и направлять с раннего возраста моральные способности человека, так как они являются некоторым образом дополнением способов распространения добродетели и счастья.

Об'единяя эти различные точки зрения, мы вывели у них следующие принципы организации образования:

Должно существовать для всех людей первоначальное всеобщее образование. Должно существовать для большего числа людей образование, которое ставит своей целью большее развитие всех способностей и выявление отличительной склонности каждого учащегося. Должно существовать также для некоторого числа людей специальное, углубленное образование, необходимое в различных отраслях, выгодных и полезных для общества.

Образование первого рода будет введено в каждом кантоне, образование второго рода — в каждом дистрикте.

Образование третьего рода — в каждом департаменте, чтобы таким образом каждый мог найти или у себя, или вокруг себя все то, что ему важно знать.

Отсюда вытекает постепенное распределение, образовательная иерархия, соответствующая административной иерархии.

Впрочем, это разделение не должно быть чисто-топографическим. Необходимо, чтобы образование слилось теснейшим образом с новым строем, чтобы все эти ступени были связаны с новой конституцией. Такова наша мысль.

По аналогии с первичными собраниями, этими составными **единицами** политической системы, этими первыми рациональными элементами, учреждаются, естественным образом, элементарные школы, школы первой ступени. Эта школа предназначена для ребенка и охватывает лишь общие знания, необходимые при всяких обстоятельствах. Именно в это время интеллектуальные способности дают знать существу, одаренному разумом, что общество должно каким-то образом ввести его в социальную жизнь и научить его одновременно и всему необходимому для того, чтобы быть впоследствии хорошим гражданином, и всему необходимому для счастливой жизни. Еще неизвестно, какое место он займет в этом обществе, но известно, что он имеет право жить в нем Счастливо и надеяться когда-нибудь сделаться его полезным членом; нужно, следовательно, научить его всему необходимому для достижения этих целей.

Следующей ступенью над первичными собраниями в административной иерархии стоят окружные собрания, членами которых является небольшое число людей, избранных в первичных собраниях; совершенно таким же образом следующую ступень над школами первой ступени составят в каждом округе школы, менее доступные для всякого и предназначенные, по самой природе вещей, только для небольшого числа учащихся первой ступени. Действительно, можно предполагать, что, закончив первоначальное образование, принадлежащее всем гражданам, даваемое всем гражданам обществом, большинство учеников, увлеченное законом необхо-

необходимости, должно направиться к чисто-практической деятельности; все те, у кого от природы есть склонность к механике, поспешат (за немногими исключениями) возвратиться в родной дом или же поступить в мастерскую. Было бы истинным безумием, какой-то жестокой благотворительностью хотеть, чтобы каждый человек проходил все ступени образования, так как это будет бесполезно и, следовательно, вредно.

Эта вторая ступень образования будет существовать для тех, кого не призывают ни склонности, ни нужда к ремеслам или занятиям земледельца и кто поэтом стремится к другой профессии или желает лишь возможно более развить свой разум и свои способности. Но это еще не последняя ступень образования, так как выбор профессии еще не произведен. Пока речь шла лишь о расположении к профессии, о распознавании в быстром развитии человека той из его способностей, которая, повидимому, отличает его от других индивидуумов; голос природы еще только указывает, что одна профессия предпочитается всем другим. Следовательно, эта ступень образования должна предлагать большое количество материала, и, однако же, ни один из предметов не должен изучаться слишком глубоко, так как здесь еще дается только подготовительное образование.

Наконец, наверху административной лестницы стоит администрация департамента, и этой ступени управления должна соответствовать последняя ступень образования, представляющая собой образование, необходимое для различных профессий, существующих в обществе. Этих профессий очень много, но здесь нужно уменьшить их число, так как национальные школы необходимы лишь для тех профессий, которые требуют длительного изучения теории и заблуждения при применении которых были бы губительны для общества. Профессия священнослужителя, законодателя, врача (сюда же мы относим и профессию хирурга), профессия военного — вот те профессии, которые мы считаем таковыми. Даже последняя из них, казалось нам, не должна войти сюда, потому что в большей своей части она может быть продуктивно изучена, как только человек, решивший посвятить себя военному делу, приведет свое намерение в исполнение; но так как в этой профессии имеется многое, требующее глубокого изучения, так как важно во имя общего блага, чтобы в таком трудном искусстве, как умение употреблять и направлять силу общества, мы были вполне независимы; так как, наконец, согласно основам конституции, каждый призывается к выполнению военной службы, то нам показалось необходимым включить и эту профессию в число тех, которым будут посвящены специальные общественные учебные заведения.

Таким образом различным ступеням административной иерархии соответствуют различные ступени народного образования, и так же, как над всеми органами находится первый орган — Законодательное Собрание, облеченное всей силой общественной власти, совершенно так же для завершения образования и для быстрого прогресса наук будет учрежден в главном городе государства, как бы на вершине всего образования, школа-институт общего характера. Он будет распространять просвещение во все части Франции, будет неизменно способствовать соединению наиболее дачных методов преподавания всех человеческих знаний с бесконечным процессом науки. Этот институт, расположенный в столице, этой естественной родине искусств, посредине всего того великого, что внушает уважение к нации, казалось нам, соответствует самому Законодательному Собранию, но не потому, что этот институт мог бы когда-нибудь присвоить себе права предписывать какие-либо законы или же следить за их выполнением, но потому, что, являясь, естественным образом, центром всегда возобновляющихся сношений со всеми департаментами, он является, в силу порядка вещей, чем-то в роде власти, всегда внушающей свободное, заслуженное доверие; объединяя же все способы просвещения, слияние которых может быть только здесь, он сделается, в силу законной привилегии превосходства, проповедником принципов и истинным законодателем методов; члены его, подобно членам Законодательного Собрания, будут цветом образованных людей всех частей Франции, и даже ученики, начало ученья которых будет отмечено успехами, которые заслужат право на совершенствование для блага нации и будут выбраны в каждом департаменте для отправления в эту школу (как именно будет выяснено далее), явятся, принимая во внимание значение подобного выбора, чем-то вроде молодых депутатов, если не в смысле доверия, то в смысле надежд, возлагаемых на них нацией.

Расположив таким образом эту иерархию, казалось бы собственным перейти к указанию предметов и способов преподавания для каждой отмеченной нами ступени, но предварительно надо решить еще один вопрос, в отношении которого голоса разделяются, — это вопрос о бесплатности образования.

Должно существовать бесплатное образование: этот принцип бесспорен; но до какой ступени оно должно быть бесплатным? На какие предметы должно простираться бесплатное образование? Каковы, одним словом, границы этого великого благодеяния общества по отношению к его членам?

Некоторые трудности как будто затемняют этот вопрос. С одной стороны, когда мы думаем об общественном Строе и о сущности общественных расходов, то мы не сразу присоединяемся к мысли о том, что нация могла бы предоставить бесплатное образование своим членам, так как, су-

существовавшая лишь на их средства, она не имеет ничего, полученного не от них. С другой стороны, так как национальные сокровища состоят лишь из налогов, взыскание которых всегда чувствительно для отдельных лиц, то естественно. Чувствуется желание уменьшить их, и люди смотрят, как на победу, на все то, от уплаты чего можно воздержаться.

Наши выводы по этому вопросу явятся результатом простых рассуждений.

Не следует забывать, что всякое общество, в силу самого своего существования, подвержено общим расходам, хотя бы самым необходимым для всякого общества, как такового; отсюда вытекает необходимость образовать фонд с помощью особых налогов.

Из употребления этого фонда в хорошо организованном обществе вытекают, вследствие распределения и разделения труда, неисчислимыя преимущества для каждого индивидуума, связанные с небольшими расходами для каждого.

Или, вернее, налог, как будто бы являющийся в начале нападением на собственность, становится, в условиях справедливого государственного строя, реальным способом увеличения всех индивидуальных собственности.

Это происходит потому, что каждый получает взамен вносимого налога бесценное благодеяние общественного покровительства, увеличивающее для него возможности, а, следовательно, и собственность; даже более, освобожденный от части труда, от которого он не мог бы избавиться вне общества, человек получает возможность заниматься другим трудом, поскольку он этого желает; ему предоставлен выбор труда, он в состоянии поэтому работать так продуктивно, как он только может.

И, следовательно, общество, в силу справедливости, должно давать **бесплатно** образование. Ведь при помощи правильно установленных и беспристрастно распределенных налогов оно имеет возможность дать воспользоваться этим благодеянием всем своим членам, не налагая на них новых расходов.

Остается только выяснить, согласно какому принципу проведет общество в жизнь эту систему налогов? Ведь даже не углубляясь в теорию налогов, ясно, что здесь должна существовать граница, после которой налоги были бы такой тяжестью, что никакое употребление их не могло бы их ни оправдать, ни вознаградить их размеров. Ясно также, что общество, рассматриваемое, как целое, не в состоянии все сделать, все привести в порядок, все оплатить; ибо общество, образовавшееся лишь с принципиальной целью обеспечить и расширить индивидуальную свободу, должно прежде всего оплатить то, что необходимо для его защиты и управления, так как оно должно позаботиться прежде всего о своем существовании.

Не менее очевидно, что оно должно оплатить все те разнообразные цели, для которых оно существует, следовательно, все необходимое для обеспечения каждому его свободы и собственности, для устранения из среды общества всего того зла, которому все члены общества были бы подвержены вне его, наконец, все необходимое для предоставления всем возможности пользоваться общественными благами, вытекающими из хорошей организации, — вот три цели, для которых основывается каждое общество. Но так как очевидно, что образование будет всегда в первом ряду между этими благами, то следует заключить, что общество должно также тратить все необходимое для того, чтобы образование было доступно каждому его члену. Но разве из этого следует, что образование целиком должно предоставляться бесплатно каждому человеку? Отнюдь нет.

Единая ступень образования, которую общество обязано сделать бесплатной для всех, — это ступень, на которой даются знания, всем в равной мере необходимые. Доказательство этого предложения заключается в нем самом, как очевидно, что расходы, необходимые для общего блага должны браться именно из национального фонда, а народное образование является общим для всех, так как оно заключает в себе элементы, необходимые человеку, какое бы положение он ни занимал. К тому же главная цель начального образования — научить детей сделаться впоследствии гражданами; оно их подготавливает к общественной жизни, уча главным законам, управляющим обществом, первым средствам существования в нем; и разве не справедливо бесплатно знакомить всех людей со всем тем, что должно рассматриваться, как условие жизни в том обществе, вступить в которое они призываются. Поэтому мы считали начальное образование долгом общества по отношению ко всем его членам. Необходимо, чтобы общество выполнило его без всяких условий.

Что же касается тех частей образования, которые будут предлагаться в школах департаментов и дистриктов или в институте, то, так как они не будут в этом смысле общими всем, хотя они и будут доступными для всех, общество вовсе не обязано сделать их бесплатными для тех, кто добровольно пожелает учиться в них. Правда, так как они приносят большую пользу обществу, оно должно позаботиться о существовании этих школ. Оно должно, следовательно, взять на себя обязательства по отношению к учителям этих школ в смысле оплаты той части их содержания, которая им абсолютно необходима, так, чтобы ни в коем случае существование учителей и судьба учреждения не могли быть поставлены в неприятное положение; общество должно организовывать, покровительствовать и даже оказывать помощь учебным учреждениям; оно должно

сделать, одним словом, все, что будет необходимо для того, чтобы преподавание в них было на должной высоте, чтобы оно шло вперед и совершенствовалось; но так как учащиеся этих школ получают чрезвычайно реальные выгоды от своих занятий, то вполне справедливо возложить на них часть расходов и заставить именно их увеличить своими взносами материальное содержание своих учителей, что даст этим учителям возможность получить некоторые жизненные удобства, которые могут облегчить их работу. Но ни с какой точки зрения невозможно согласиться, чтобы общество издало закон, по которому бесплатно предоставляется возможность достигнуть профессии, чрезвычайно выгодных для человека во многих случаях.

К этим мотивам разума и справедливости присоединяются доводы удобства. Можно было тысячи раз наблюдать, что среди множества учеников, необдуманно отправляемых, вследствие тщеславия родителей, в наши старые школы, открытые каждому бесплатно, большое число учащихся, закончив курс преподававшихся в них наук, не считали себя способными к тем наукам, к которым их готовили эти школы, Они получили в этих школах непреодолимое отвращение к тем почетным и в то же время презренным профессиям, к которым их призывал ранее голос природы; таким образом они становились вредными членами общества. Теперь, когда надо вносить плату, что возбуждает одновременно и учителя и ученика, ясно, что родители не будут более жертвами тщеславия и что таким образом сельское хозяйство и ремесла, от которых людей постоянно удаляла глупая гордость, примут и сохраняют всех тех, кто предназначен заниматься ими

Но если нация не обязана, если даже она не имеет права возлагать на себя подобные обязательства, все же существует почетное исключение, которое необходимо уважать его сделала сама природа, наделяя людей талантами. Человека, предназначенного облагодетельствовать общество, необходимо поощрять из чувства предварительной благодарности; общество должно заботиться о нем, устранять все то, что могло бы остановить «ли замедлить ход его развития; необходимо, чтобы он мог свободно пройти все ступени образования, чтобы ученик первоначальной школы, проявивший свои богатые способности, призывающие его в высшую школу, учился в ней за счет общества, если он беден, чтобы из школы дистрикта, в случае окончания ее с отличием, он мог без затруднения и опять с правом на поддержку перейти в школу департамента и далее от ступени до ступени, подвергаясь все более и более строгому отбору, до **национального института**.

Таким образом ни один истинный талант не может затеряться «ли остаться в пренебрежении, и общество вполне выполнит свой долг. Но ясно, что подобное благодеяние не должно слишком расточаться, отчасти потому, что оно проводится на счет общества, а в таком случае надо быть особенно бережливым, отчасти потому, что легко взять под покровительство не истинный талант.

Таким образом бесплатность образования будет простирается до должных границ; она еще будет иметь пределы, то они диктуются разумом, установление их было необходимостью.

Весь вопрос о бесплатности образования резюмируется нескольких словах.

Существует образование, абсолютно необходимое всем. Общество должно его дать всем, и оно должно дать не только средства образования, но возможность реально воспользоваться этими средствами.

Существует образование, которое, не являясь необходимым для каждого, все же необходимо обществу и полезно получившим его; общество должно обеспечить средства для этой части образования, но и лица, пользующиеся его благами, должны взять на себя долю расходов.

Существует, наконец, образование, которое, будучи необходимым обществу, повидимому, представит для него гораздо более выгод, если им воспользуется лишь некоторое число лиц, проявивших особенные способности. Общество столько же во имя своих интересов, сколько и во имя своей славы должно предоставить этим лицам не только способы получить образование, но и все необходимое для того, чтобы они могли ими воспользоваться.

Если эти принципы выставлены, если их истинность Освоена, если их необходимость признана, следует перейти к осуществлению их в жизни и организовать все разнообразные учреждения, намеченные нами. Эта организация должна охватить одновременно и предметы и методы образования каждом из перечисленных учреждений, что необходимо для их существования, полезности, увековечения и совершенствования.

О н о р е М И Р А Б О **О Н А Р О Д Н О М О Б Р А З О В А Н И И**

Господа!

Когда агония деспотизма, издыхающего под тяжестью собственных преступлений, призвала вас для отыскания средств против стольких зол; когда голос всей нации, мудрейшие люди которой занялись возрождением общественно го мнения, поручил вам в корне уничтожить обычаи старого рабства, вы почувствовали, что эти злоупотребления образуют систему, отдельные части которой переплетаются и сливаются воедино со всей сущностью общества, что для того, чтобы все

перестроить, необходимо разрушить все старое, что политическая машина, как и всякая другая, нуждается в полном согласовании всех своих частей и что, чем совершеннее будет ваша работа, тем более каждая малейшая погрешность, допущенная в ее устройстве, будет нарушать или затруднять ее действие.

Поэтому, господа, раньше, чем приступить к делу, вы окружили себя развалинами и разрушениями; материалами вашей работы были только обломки, но вы дохнули на эти останки, казавшиеся мертвыми, — и внезапно возникла конституция; она представляет силу; возрождается французская монархия; мертвец, охваченный чувством свободы, восстает снова к жизни.

Ободрение и похвалы, постоянно поддерживавшие вас в ваших работах, достаточно доказывают, что принципы, из которых вы исходили, являются и наиболее основательными, и наиболее плодотворными. Свержение тирании, царившей над нами, организация лучшей системы свободного строя, о котором могли лишь грезить мечтатели в чудеснейшие снах, установление истинной системы общественной морали — таковы в общих чертах неопределимые блага, полученные от вас Францией. Восстановление прав человеческой природы, основа вечного счастья и спасения человеческого рода — вот блага, которыми вам обязаны как все страны земного шара, так и все будущие поколения. Ибо, господа, несмотря на все сопротивление гения зла, ваша великая работа будет приведена в исполнение: книгопечатание, изобретение которого уже издавна произнесло приговор над тиранами и клеветниками, распространит повсюду ваши человеколюбивые законы; различные языки передадут их своим народам; и если грозное течение событий может лишить этих реформ тот народ, для которого они предназначены и который достоин их благодаря своей смелости, то, принимая во внимание успехи, достигнутые уже человечеством во всех науках, во всех искусствах, бесконечное совершенство, на которое способен человек, наиболее тонкие проявления его ума и наиболее могущественные чувства его сердца, следует верить, что ваши труды, потерянные для нас, не будут потеряны для стран более просвещенных или более счастливых и что по крайней мере наше потомство воспользуется вскоре этим священным наследством и разделит его со всеми своими братьями.

Но нет, такое количество надежд не может быть напрасным: мы не можем не воспользоваться реформами, стоившими стольких забот, жертв и усилий; завещая человечеству важнейшее из всех благ — общественный строй, основанный на природе и на истинных взаимоотношениях людей, мы хотим сами воспользоваться плодами нашей работы; мы хотим воспользоваться ими, чтобы иметь возможность их совершенствовать; мы хотим воспользоваться ими, чтобы показать великие примеры, и, конечно, вы, господа, выразители общественного мнения в установлении великих принципов свободы, вы ускорите дальнейшее развитие общественного мнения активным влиянием нескольких новых законов, и именно вы, создавшие величественный политический строй и выставившие принципы, развитие которых может лишь улучшить с каждым днем судьбу человечества, вы найдете средство поднять души до уровня вашей конституции и сгладить необъятную пропасть, воздвигнутую внезапно ею между реальным положением вещей и привычками.

Это средство есть не что иное, как хорошая система народного образования; это средство сделает вечным воздвигнутое вами здание; без него анархия и деспотизм, тайно протягивающие друг другу руки, сумеют без особенных усилий разрушить все твердыни.

В эпоху рабства человек не мог быть ни просвещенным, ни добродетельным; но пока суровая необходимость удерживала его в этом состоянии, он не нуждался ни в том, ни в другом: просвещение усложняло лишь его положение, добродетель не соответствовала ему. Но при свободном строе требования человека делаются более широкими, все его стремления становятся особенно настоятельными, его чувства приобретают энергию, нуждающуюся в направлении. Свободные народы живут и «дуг вперед: необходимо научить их пользоваться силами, применение которых они открыли. Умение пользоваться свободой отнюдь не так просто, как это кажется на первый взгляд; теория свободы требует размышлений, ее практическое приложение нуждается в предварительной подготовке, сохранение свободы требует ненарушимых законов, определенных правил, более строгих, чем капризы деспота. Эта наука теснейшим образом связана с величайшими творениями разума и с развитием морали. И, господа, именно от разумного народного образования вы должны ожидать того полного возрождения, которое в состоянии основать счастье народа на его нравственности, а нравственность народа — на просвещении.

Бесполезно доказывать важность воспитания вообще. Значение воспитания сознавали во все времена, и на всех языках говорили, что привычки управляют человеческим родом. Искусство же воспитания и заключается лишь в сообщении людям привычек, необходимых во всех случаях жизни. Древние законодатели пользовались общественным воспитанием, как наиболее пригодным средством сохранения и пропаганды своих установлений. Некоторые из них считали юношество собственностью нации и предоставляли родителям лишь счастье дать граждан отечеству. Именно в самом юном возрасте хотели они насадить семена будущей социальной жатвы. Всякого рода сектанты, желая изменить уже установившиеся убеждения или развить и укрепить основы своей

своей проповеди, обычно обращали свое внимание на души восприимчивые и поддающиеся новым впечатлениям, какими являются дети. Они скоро овладевали детьми и более или менее ловко, в зависимости от эпохи, влияния на них.

Но древние законодатели все стремились дать своим народам определенное направление и претендовали часто даже на их искажение, если можно так выразиться, и на внушение им привычек, противоречащих нашим естественным предрасположениям. С другой стороны, религиозные секты, сознавая, что их власть, основанная на суеверии, может быть удержана лишь способами, послужившими для установления этой власти, стремились подавить всякое проявление разума, чтобы обезопасить свои интересы. Чтобы удержать человека навсегда в своих сетях, религиозные секты окружали очарованием тот нежный возраст, впечатления которого оказывают влияние на всю дальнейшую жизнь человека.

Что же касается вас, господа, вам не надо распространять предвзятых мнений; вашей единственной целью является создание человека, владеющего всеми своими способностями, пользующегося всеми своими правами; ваша задача: заключается в создании общества из совокупности свободна развивающихся индивидуумов, в создании общей воли, составляющейся из отдельных постоянных или переменных, в зависимости от обстоятельств, мнений. Одним словом, согласно вашим принципам, люди должны быть тем, чем они желают быть; они должны хотеть того, что им нравится, и выполнять то, в чем они условились. Совершенно не следует стремиться воздвигнуть вечное здание; следует лишь дать возможность людям понимать друг друга, чтобы уметь свободно объединять свои интересы. Совершенно не следует придавать людям определенных привычек, нужно дать им возможность воспринимать все те, которые диктуются им общественным мнением и их неиспорченными вкусами. И, конечно, эти привычки сделают счастливыми отдельных людей, обеспечивая в то же время национальное благополучие.

Таким образом мы стоим перед сложной проблемой. Нам надо решить, должны ли французские законодатели интересоваться вопросом о народном образовании не только с точки зрения покровительства его прогрессу; кроме того, нам следует решить, не являются ли французская конституция, наиболее благоприятствующая развитию человеческой личности, и новые законы, наиболее способные поставить каждого человека на его место, единственным воспитанием, которого в праве ожидать от них народ. Вне хорошего общественного строя можно начать, но нельзя закончить воспитания людей; в этом случае необходимо, чтобы эти люди воспитывались сами, сопротивляясь постоянно возобновляющимся ложным влияниям. В правильно организованном обществе, напротив, все призывает людей развивать свои природные способности, воспитание будет там на должной высоте без вмешательства; оно будет тем лучше, чем более свободы будет предоставляться искусству учителей и соревнованию учеников, и так как образование будет всегда соответствовать денежным средствам и способностям, то меньшее число людей будет губить свою молодость над непонятными науками или же обрекать себя на бедственное существование во имя своих дорогостоящих научных занятий. К тому же по той системе воспитание не будет никогда бесплатным, и, одной стороны, учителя будут всегда заинтересованы в усовершенствовании своего преподавания и в согласовании выбора предметов с общественным мнением для того, чтобы привлечь к себе учащихся, а с другой стороны, ученики будут прилежнее заниматься, если уроки будут платными, и не будут легко бросать учение, на которое ими уже были затрачены некоторые суммы. Здесь, как и везде, законодатель будет ограничиваться обращением к индивидуальному интересу, будет стремиться развивать его всевозможными способами и неуклонно направлять его к общим интересам простейшими политическими средствами.

Вследствие этого казалось бы, что важные причины требуют, чтобы Национальное Собрание интересовалось народным образованием только постольку, поскольку оно желает освободить его от тех сил и влияний, которые могли бы способствовать его извращению. Казалось бы, что для придания воспитанию большей жизнедеятельности было бы достаточно предоставить его самому себе; или же, если бы это показалось неудобным, то употребить, по крайней мере, фонд, предназначенный на поощрение народного образования, на тех лиц, которые заплатили уже своими познаниями некоторую дань обществу, более чем на тех, которые еще только стремятся к просвещению.

Но невежество народа настолько глубоко, привычка к бесплатным школам, величайшему благодеянию королей, на столько распространена, и мысли, высказываемые мною, на столько не соответствуют господствующим взглядам, что признавая их в теории, будет, без сомнения, опасно, быть может, даже невозможно, осуществить их в жизни без больших ограничений.

Если бы в настоящих условиях воспитание не согласовалось с общественным мнением, то следствием этого могли быть многочисленные существенные затруднения, угрожающие начинаниям свободы. Вся надежда страны возлагается главным образом на подрастающее поколение, а дух этого поколения, конечно, не может быть совершенно независимым от взглядов обучающих его учителей или писателей, владеющих его первыми мыслями. Эти писатели и эти учителя не должны противоречить общественной морали. Вследствие этого необходимо, чтобы

всемогущая воля нации привлекла их к своим планам, показала им свои цели и образовала повсюду центры или в виде академий, или в виде школ, откуда и будет распространяться просвещение. К тому же имеются отрасли науки, равно как и профессии, поощрять которые специальными способами есть долг власти, — уже это обстоятельство требует создания народных школ.

Национальное Собрание направит, следовательно, свое внимание на организацию воспитания и даст ей наилучшие основы. Было бы недостойно Национального Собрания при рассмотрении этого вопроса не достигнуть в нем возможной в настоящее время степени совершенства и не указать, кроме того, тех усовершенствований, которые могли бы быть достигнуты впоследствии. Система образования (которая, однако, не будет напоминать существовавшей ранее) должна удовлетворить всех или, по крайней мере, подготовить всех к восприятию определенных идеалов. Это — машина, нуждающаяся в изменении двигателя и регулятора. Но усовершенствовать ее возможно лишь ее упрощением, и только ограниченный ум мог бы полагать, что большим количеством новых частей ее можно привести в движение. Французские законодатели и не имеют стремления все установить; они предпочитают, чтобы все установилось постепенно.

Но каковы же основные причины, которыми надлежит руководствоваться в этой реформе?

Первым и наиболее важным из всех принципов является подчинение коллежей и академий только одним магистратам, Действительно представляющим мнение народа, т.-е. избранным народом и постоянно пополняющимся в своем составе. Никакая постоянная власть не должна иметь в своем распоряжении столь грозного оружия, как просвещение. Ведь именно перо управляет мечом, дает и отнимает скипетры, ведь именно учителя юношества, различные философы и писатели, заставляют народы идти по пути свободы или же повергают их в рабство. Необходимо, следовательно, чтобы от учителя всегда служили общественным интересам. Вследствие этого академии и коллежи должны состоять в ведении департаментов, и я считаю полезным построить их на новых началах хотя бы лишь для того, чтобы напомнить им о перемене политического строя.

Если бы академии все же остались в **непосредственной** зависимости от исполнительной власти, то ясно, что и назначение членов академий будет в прямой зависимости от расположения власти, и власти же будут подчинены, хотя и не так непосредственно, ученые, для которых эти места будут объектами честолюбия. Если бы на исполнительную власть была возложена организация школ и наблюдение ними, то воспитание и обучение в школах были бы целиком подчинены взглядам власти или, вернее, взглядам министров, не всегда преданных интересам народа (подобных примеров достаточно). Я желаю верить, что в настоящий критический момент академии и школы действительно настроены Патриотически, но не следует слишком рассчитывать на продолжительность подобного настроения, и, быть может, наступит день, когда в самой французской академии, недавно служившей убежищем для философии, раскаивающиеся философы будут выступать или писать против начинаний революции.

Во-вторых, следует рассматривать все расходы на народное образование, как вознаграждение за уже выполненные работы или же как поощрение будущих работ. Но при строгом применении этого принципа самое поощрение должно косить характер вознаграждения. Общество относится ко всем беспристрастно, оно не принимает участия в тех, кто не жит ему или же не выделяется своими способностями; оно ничем не обязано ни тем, ни другим, и покровительство этих случаев было бы настоящей несправедливостью. Но когда общество приходит на помощь тому, кто доказал свои способности или имеет труды, — это справедливо и полезно для самого общества.

Места в академиях должны предоставляться лишь тем лицам, которых желает видеть в них общественное мнение; народу или его представителям принадлежит право указать тех лиц, между которыми должен быть сделан выбор. Я предлагаю совершенно противное тому, что практиковалось при старом режиме; ранее академии представляли кандидатов, король их утверждал; согласно моему плану, они должны намечаться единственно истинной общественной властью и избираться академиями.

Нет надобности доказывать, что военные училища и привилегированные школы не должны более существовать в настоящее время и что все другие школы должны быть построены на новых началах. Национальное Собрание видит во Франции только граждан и людей. Таким образом, пока ребенок не показал себя более развитым и более трудолюбивым, чем его товарищи того же или приблизительно того же возраста, предоставление ему стипендии в школе есть несправедливость по отношению ко всем тем, кто имел бы право претендовать, как и он, на это место. Я полагаю, что стипендии в первоначальных школах не нужны и что стипендия должна быть всегда наградой за оказанные успехи.

По-моему, этот принцип найдет свое приложение и в отношении кафедр, занимаемых профессорами. Каждый человек имеет право преподавать то, что он знает, и даже то, чего он не знает. Общество может предостеречь частных лиц от обманов невежества только принятием

предупредительных мер общего характера и притом не оскорбляющих свободы. Преподавание есть род коммерции: продавец старается взять наивысшую цену за свой товар, покупатель приценивается и старается сбить цену; общественная власть — наблюдатель и охранитель этого рынка — не может принять участия в этой сделке ни с целью помешать, ни с целью способствовать ей; она допускает все то, что не приносит никому вреда; назначение власти есть предоставление каждому свободы действию и поддержание мира между всеми.

Но когда человек с пользой работает в области первостепенной важности, когда он покрывает себя славой в отраслях, оказывающих влияние на нравы и придающих прелесть жизни, народные представители могут и даже обязаны, в целях поощрения и внушения доверия к этому человеку, дать ему звание и предоставить ту помощь, которая дала бы ему возможность усовершенствовать свои знания как для его личной пользы, так и для пользы его сограждан. В таком случае право на кафедру есть действительно средство поощрения.

На первый взгляд может показаться, что бесплатность образования необходима для распространения просвещения, но при размышлении следует прийти к выводам, и я на это уже указывал, что учитель, получающий вознаграждение, несравненно более заинтересован в совершенствовании своего метода преподавания и что ученик, вносящий плату за учение, несравненно больше заинтересован в использовании уроков. Лучшими школами Европы являются именно те, в которых профессора требуют вознаграждения с каждого из них учеников. Я хотел бы, чтобы у нас они не лишались более заслуженного уважения, взимая плату с каждого из их учеников. Заинтересованность — наиболее естественный двигатель таланта, и на влиянии интереса и строит главным образом свои планы дельный законодатель.

В-третьих, все люди, принимающие участие в образовании народа, независимо от их привычек и образа жизни, должны зависеть в вопросах просвещения исключительно от народного представительства. Во всех других отношениях и имеют право состоять в свободных корпорациях, допускаемых Собранием; но во всем, касающемся обучения и направления молодежи, эти люди будут лишь исполнителями вверенного им дела и могут удерживаться на месте и отстраняться от него лишь властью, вручившей им это дело. Быть может, связь коллег между собой является полезной, но в слишком тесной связи, основанной на кодексе правил, на общности руководства, есть известная опасность. Не отбрасывая всецело мысли о конгрегациях, представляющих, вне всякого сомнения, много преимуществ в некоторых отношениях, я хотел бы видеть большую осмотрительность в этом отношении, я хотел бы наиболее осторожного отношения к духу корпоративности, от которого конгрегации никогда не освободятся.

В-четвертых, приняв реформы, вытекающие из всего предыдущего, необходимо остерегаться от рассмотрения их, средства экономии. Народное образование далеко не располагает большими средствами, но расходование из этих фондов должно быть основано на совершенно иных началах. Общество, я снова это повторяю, должно лишь вознаграждать и поощрять: в его задачи отнюдь не входит ослабление соревнования. А именно это общество и делает, ставя учителей и учеников вне тех условий, которые заставили бы чувствовать каждую минуту необходимость успеха. И потому то, что я советую, не есть жалкая экономия, это — наилучшее распределение фонда, предназначенного на народное образование.

Начиная со скромных вознаграждений в первоначальных школах и кончая местами в первых академиях государства, необходимо дать средства возвышения людям, представляющим ценность или могущим представить ее; необходимо, чтобы приходы, кантоны, дистрикты, департаменты взяли на себя расходы или часть расходов по воспитанию неимущих детей, показавших себя способными к образованию. С другой стороны, учитель, давший определенное число выдающихся учеников или же вносящий в свой метод преподавания полезные и новые начинания, заслуживает и уважения, и вознаграждения; тот же, которого болезнь или старость заставят бросить работу, имеет право на помощь. Национальное Собрание обязано ассигновать на это суммы, которые не могут быть израсходованы ни на что иное. Департаменты или муниципалитеты будут распределять эти средства по своему усмотрению.

Настоящая революция есть результат влияния науки и философии. И разве может нация не уважать своих благодетелей? Кто же не сознает в настоящее время необходимости привязать писателей к родине и только к ней? И к тому же связь всех наук и искусств между собой и зависимость общественного благосостояния от них неизвестна в настоящее время лишь самым поверхностным умам. Поэтому нация обязана уважать и поощрять философов, писателей, ученых и артистов. Остерегайтесь смотреть на чистое искусство, как на область, чуждую политического влияния. Целью всякого общества является гарантия счастья отдельного человека. Как же возможно пренебрегать тем, что его увеличивает? Не будем же совершать революцию, подобно готам и вандалам, нас и так упрекают в этом наши внутренние враги. Вспомним, что самые свободные и самые счастливые нации — это те, которые наиболее щедро поощряют таланты. Энтузиазм в искусствах питает энтузиазм патриотизма; и величайшие произведения искусства увековечивают память о благодетелях отечества. Хотим ли мы, чтобы гений мог теперь сожалеть об ушедшей эпохе деспотизма? Деспотизм сковывал и унижал гений, заставлял его служить себе;

но в то же время деспотизм умел поощрять гений, и его милости часто отыскивали гений даже в темноте. Свобода поступит лучше; она предоставит гению лишь благородный труд; она возвратит ему полную самостоятельность, она будет осыпать его всевозможными благодеяниями и не будет развенчивать его, насмехаясь над ним.

В-пятых, следует ли Национальному Собранию предначертать и обсуждать программы обучения? Будут ли методы преподавания различных наук входить в сферу его компетенции? Нет, без сомнения: эти методы будут улучшаться под влиянием постепенного прогресса просвещения, а также косвенным действием законов. Требуя образования для занятия почетных мест, вы вскоре создадите образованных людей; предоставляя премии за удачные начальные книги, вы получите эти книги для всех отраслей. На вас возложена обязанность все реформировать, но разве вы будете лично проводить в жизнь эти реформы? На вас лежит обязанность постепенно создавать каждую часть великого политического механизма, но разве вы сами будете постоянно приводить его в движение? Возвратив великой нации все права свободы: взяли на себя обязанность создать граждан; создав справедливые законы, т.-е., возвращая этому слову его первоначальный смысл, создав законы, основанные на равенстве, вы взяли на себя обязанность создать просвещенных смелых защитников этих законов; подготавливая улучшение человечества путем реформы строя, вы взяли на себя также обязанность подготовить улучшение строя, улучшая человечество. Но разве возможно требовать, чтобы ваш голос проникал в лицеи и гимназии, направляя молодежь и инструктируя учителей? И та и другая цель представляются мне одинаково чуждыми миссии законодателя. Конечно, эти цели еще более чужды Национальному Собранию, исключительной задачей которого является установление общественного строя, которое должно оказывать действие надвигаемую им систему лишь постольку, поскольку это действие необходимо для приведения этой системы в движение.

Я совершенно не касаюсь здесь тех препятствий, которые встретит разумный план воспитания в невежестве большей части нации, в предрассудках, характерных для другой части нации, являющейся еще более опасной для образования, хотя, быть может, и менее невежественной, и в пережитках некоторых старых установлений, пощадить которые вы были принуждены, чтобы не возбуждать общественного мнения. Не говоря о частностях, я укажу лишь основные принципы. Умелый земледелец не претендует породить сам цветы и плоды; он лишь поручает земле семена, производное их; он сажает и культивирует деревья, дающие цветы плоды, ожидая от действия времен года и сил природы того, к чему тщетно стремились бы все усилия искусства.

Вам не следует стремиться, господа, внезапно создать новую расу, ни даже предначертать подробно те способы, которые должны возродить народ соответственно новой конституции. Вы должны ограничиться терпеливым распространением основ добродетели, к которым человечество способно вследствие свойственного ему совершенства; вы должны ограничиться созданием механизма национального воспитания, соответствующего новым законам и духу конституции. Я хочу сказать, что вы должны ограничиться организацией системы народного образования, основанной на простых принципах, которые сообщат ей наибольшую жизнедеятельность, предусмотрят все затруднения, устранят все злоупотребления, будут бороться даже с разрушительным влиянием времени и будут способны ко всем полезным усовершенствованиям. Вот то, что предписывает нам наш долг, позволяют обстоятельства и диктует здравый смысл, и только в этом направлении я прошу вас рассматривать этот вопрос,

Но во всяком случае Национальное Собрание не может отказаться от общей организации народного образования, ему именно принадлежит право учреждать школы, которые содержатся или поддерживаются государственными средствами; устанавливать общую программу образования, получаемого в них учениками; указывать общее направление и т.д. Но не будет ли уместно, если Национальное Собрание одновременно рассмотрит и вопрос о том, в действительности ли полезны духовные школы, предназначенные для воспитания священнослужителей, будущих учителей морали? Не научатся ли священнослужители и вне этих школ всему тому, что проходится в них? Не явятся ли кафедры прав, необходимые при существовании сложных и жестоких законов, излишними при законах простых и менее многочисленных? Не явится ли необходимость ответа на строгих экзаменах, в присутствии народных представителей, на тему о конституции и законах, экзаменах, дающих право на занятие должностей, требующих этих знаний, более надежным способом сделать изучение этих знаний всеобщим, чем всякие существовавшие ранее школы права?

Быть может, было невозможно требовать умения читать и писать при первом избрании в сельские муниципалитеты но это условие необходимо в будущем; необходимо даже в настоящий момент установить срок, по истечении которого неграмотный не может претендовать на занятие какой-либо самой незначительной общественной должности; один этот закон сделает для образования несравненно более, чем все дорогие способы распространения просвещения, сотни раз напрасно применявшиеся.

В университетах многое преподается на латинском языке. Я далек от запрещения изучать мертвые языки; напротив это изучение следует поощрять; я особенно хотел бы возрождения прекрасного греческого языка с его совершенным аналитическим построением и гармонией, включающей все красоты речи. Для хорошего знания своего родного языка необходимо уметь сравнивать его с другими, и за объекты сравнения необходимо брать лучшие языки. Необходимо, чтобы греческий и латинский языки оценивались с точки зрения их влияния на умственные процессы, на выражение мысли, чтобы они уважались, чтобы они рекомендовались, как средство лучшего изучения прекрасных книг, написанных на этих языках: без сомнения, ничего нет более целесообразного. Но я считаю отныне необходимым проводить все народное образование на французском языке. Люди много работающие умственно, знают, как трудно выразить точно свою мысль на чужом языке, как, напротив, легко внести при этом неопределенность в изложение самых простых вещей и дать возможность истолковывать свою мысль в ту или иную сторону любому шарлатану. Они знают также, что совершенствование простонародного языка тесно связано с разрушением заблуждений народа и что это совершенствование — работа длительная и методическая. Работая над выражением своих мыслей, научаются отыскивать формы, воспроизводящие их наилучшим образом. Успехи в искусстве речи влекут за собой успехи в искусстве мыслить шли же, вернее, оба эти искусства объединяются, ибо идея в действительности существует не иначе, как выраженная в нашем сознании какими-либо знаками.

В-шестых, всякий труд в обществе должен быть свободным. Этот принцип неоспорим. Люди рождаются со способностями и с правом на их развитие. Законодатель так же не может покушаться на это право, как и на эти способности. Цехи являются, с одной стороны, оскорбительным покушением на свободу промышленности и, с другой стороны, наиболее тяжелым налогом на потребителей, оплачивающих его. Заставляя ремесленника покупать разрешение на право заниматься своим ремеслом, вы совершаете вопиющую несправедливость, вы душите способности, вы повышаете цены на работу.

При свободном строе не могут существовать шесть союзов с их подразделениями, все разнообразные объединения коммерсантов и рабочих. Не надо большой проницательности, чтобы предсказать близкий крах Парижа, если промышленность будет настаивать на их сохранении.

Но нужно подразделить профессии на два класса. Один класс занимается ремеслом или торговлей, ценными для общества, но не представляющими никакой опасности при той или другой допущенной ошибке; здесь должна быть предоставлена возможно большая свобода. Второй класс выпускает и продает обществу такие предметы производства, доброкачественность которых общество не в состоянии непосредственно оценить; кроме того, этот класс ведет работу, превосходящую сферу познаний широкой публики, и ошибки в этой работе могут поставить в опасность жизнь большого числа граждан; этот второй класс очень невелик, именно он один нуждается в непосредственном контроле со стороны государственной власти. В этот класс входят врачи, хирурги, провизоры, и я считаю возможным присоединить к ним мастеров золотых дел, нотариусов и, быть может, булочников.

Материалы, обрабатываемые золотых дел мастером, должны иметь установленную законом пробу и ценность, так как покупатель редко в состоянии определить ее с точностью. Что же касается самой стоимости работы, то работник в праве назначить цену по своему усмотрению. Покупатель с своей стороны должен оценить работу по своему вкусу; он сам должен сравнить деньги, которые он платит, за работу, которую он получает: общество не может взять на себя защиту покупателя во всевозможных ошибках в это направлении.

Нотариусы, на обязанности которых лежит узаконение договоров, доверенные лица граждан, хранители их состояния, единственной гарантией честности которых является священный характер их профессии, находятся в промежуточном классе между государственными чиновниками и деловыми людьми обычного типа. Они не избираются голосованием народа или его представителей, как государственные чиновники, но и не могут бесконтрольно, вне соблюдения формальностей, гарантирующих их знания и добросовестность, предоставляться самим себе, подобно деловым людям.

Таковы, говорю я, даже при наиболее свободном режиме роды профессий, формы которых должен определить закон, профессии, которые не могут теряться из вида властью, и обучение им, равно как и последующее приложение их к жизни, необходимо подчинить строгим и постоянным правилам.

Говоря о булочниках или продавцах муки и зерна, я не хотел окончательно решать, в чем именно должен законодатель снова отступить от великих принципов безграничной свободы в этом вопросе.

Этот вопрос связан с некоторыми другими; мне кажется, что он не был еще достаточно обсужден, и я только указываю на существование этого вопроса, но не здесь место его решать.

Не должны ли лица, посвящающие себя одной из этих профессий, взять на себя предварительно определенные обязательства? Для того, чтобы не было несправедливости, это необходимо. Контролируйте их честность, трудолюбие, наблюдайте за всеми их действиями, вы можете это делать легко и без особых расходов, — вот и все.

Но, господа, когда вы направите внимание магистрата на какую-либо отрасль промышленности, то вы сделаете не с целью стеснить работу, а для того, чтобы предотвратить возможность обмана и нарушения прав. Так как вы будете действовать только с этой точки зрения, то вы будете держаться в нужных пределах, и вы не допустите существования законов, претендующих на устранение известных препятствий, в действительности же имеющих своим результатом много непоправимых бедствий.

Если вы разрешите занимать гражданские должности только лицам, хорошо изучившим законы, если вы объявите конкурс на занятие мест священнослужителей, вы сумеете в действительности обойтись без духовных школ и школ нрава. И то и другое может быть изучено по хорошим книгам не хуже, чем по лекциям профессора. Но науки и искусства, изучение которых требует наглядных пособий, имеющих в книге, могут преподаваться только при наличии этих наглядных пособий, предлагаемых в определенном порядке для облегчения преподавания.

Законодательство, относящееся к адвокатуре, является том высокого значения; но рассуждения по этому вопросу не являются непосредственным предметом моего доклада, и так уже очень обширного. Что же касается медицины, хирургии, фармации и вообще всего, имеющего отношение к врачебному искусству, то наиболее достойная внимания область науки, всегда выдающаяся в контроле закона, и деятельность в ней власть может предоставить случайностям; я принципиально настаиваю на этом пункте. Во всех других отраслях национально воспитания можно было бы положиться вполне на личную заинтересованность учителей, на соревнование учеников, на наблюдение родителей, на общественное мнение. Там было бы достаточно поощрения учителей, поставивших преподавание образцово и широко, и вознаграждения учеников, выделяющихся своими быстрыми успехами и многочисленными результатами своей работы. Здесь же законодатель должен предвидеть преступные злоупотребления, должен противопоставлять им закономерные формы, твердо держаться существующих законов, предупреждать возможную небрежность, карать обман, и наиболее рьяные партизаны свободного искусства допускают в этой области особый устав, изгнанный ими же из всех других отраслей.

Вы не будете поэтому удивлены, господа, когда узнаете, что медицина занимает важное место в моем плане народного образования. Мотивы, на которых я основываюсь, точки зрения, которые я вам изложу, совершенно не требуют знания этого предмета, лично мне почти абсолютно чуждого. Ограничиваясь общепhilософскими рассуждениями, я полагал, что правильное мышление достаточно верно направило мои шаги. Но я не ограничился только своими мыслями, я подверг себя цензуре судей, более компетентных, и я оглашаю здесь результаты как моих, так и их

Медицина, хирургия, фармация изучаются на последовательных наблюдениях и опытах, прodelьваемых непосредственно самим учеником. И если их практическое приложение в жизни или, по крайней мере, формальности, дающие право на практику, должны находиться под внимательным контролем общественной власти, то их изучение, по отношению к которому было бы преступно выказывать равнодушие, должно поощряться и облегчаться всеми способами, внушаемыми опытом и рассудком. Профессия провизора заключается в приготовлении лекарств; ему необходимо хорошо изучить как самые лекарства, так и способы их приготовления. Для того, чтобы знать лекарства, необходимо их часто видеть, сравнивать, создать себе картину всех их внешних отличительных особенностей. Чтобы хорошо знать способы их приготовления, нужно часто наблюдать их приготовление и лично в этом упражняться.

Медицина и хирургия изучают человеческое тело, здоровое и больное. Их задача заключается в излечении болезни или же в сохранении здоровья. Все знания, необходимые для достижения этой цели, приобретаются точно так же путем наблюдения. Эти знания достигаются преимущественно у постели больного. Существует ряд естественных наук, повидимому, связанных с врачебным искусством, но не слишком важных для него. Разумно ли поэтому придавать этим наукам значение большее, чем самим основным наукам? Ведь нам надо создать полезных врачей, а не таких врачей, которые пригодны лишь для того, чтобы блистать в обществе.

Исходя из этого, Национальное Собрание учредит, конечно, повсюду, где преподается медицина, школы практики, т.-е. школы, занятия которых будут происходить в больницах. Собрание будет следовать принципу широкого поощрения медицинских школ, и это поощрение есть единственное средство их совершенствования.

Несправедливо и абсурдно заставлять молодежь покидать родину, чтобы получать образование вдали от нее.

Человек, болезни и лекарства являются непосредственными предметами изучения для врача, хирурга, фармацевта. Ведь человек и болезни имеются повсюду; лекарства могли быть найдены повсюду и без больших расходов. Почему же не может иметь свою медицинскую школу каждый департамент?

Я считаю полезным дать право одним и тем же школам присуждать ученую степень врача и хирурга, производить экзамены на звание провизора и ветеринарного врача, необходимых для замены в департаментах тех невежественных практикантов, которые еще переполняют деревни. Я желал бы также, чтобы акушерки подвергались экзамену в этих школах или, по крайней мере, в комиссии, специально составленной для этих экзаменов из врачей и хирургов.

Все части врачебного искусства, неразрывные по своему существу, были разделены для облегчения работы; но так как они уясняют одна другую, так как они просто необходимы одна другой, то наступило время соединить их и изгнать из медицины все идеи подчинения и превосходства, неистощимый источник споров для занимающихся ею.

Ученые степени доктора, хирурга и т.д. должны рассматриваться только, как мудрая предосторожность для защиты легковверной публики от невежества и шарлатанства, но не как средство тирании и притеснения. Законодатель никогда не разрешит обратить эти школы в стеснительные цехи.

После того, как учащийся сдал соответствующие экзамены в одном из коллежей государства, он будет иметь право практиковать там, где он захочет, без выполнения каких-либо других формальностей, кроме представления доказательства полученной ученой степени должностным лицам департамента или муниципалитета.

Закон должен установить определенную плату обучение. Совершенно естественно также, что каждый поступающий оплачивает участие преподавателя в своем экзамене и мелкие расходы, вызываемые пересылкой его аттестата, но сумма расходов не должна быть настолько велика, чтобы привести к снисходительности по отношению к неспособным или отстранить от учения талантливого, но ограниченного в средствах человека.

Знахари и шарлатаны являются величайшим народным бедствием; необходимо освободить от них общество. Когда человек утверждает, что он изобрел новое лекарство, предоставьте это лекарство на исследование сведущим людям; пусть они исследуют его действие, и, если оно действительно полезно, дайте вознаграждение изобретателю, но требуйте, чтобы он предоставил свое лекарство обществу. Каждое тайное средство должно рассматриваться, как обман, и каждое лицо, его предлагающее, является шарлатаном. Разум и человеколюбие требуют бдительности администрации этом важном вопросе.

Учреждая практические школы, необходимо заставить профессоров — а это будут врачи больниц — вести точную запись всех наблюдающихся ими болезней и практиковавшихся ими способов лечения: результат этих наблюдений даст таблицу эпидемий и смертности, обогатит науку массой драгоценных примеров и, являясь судьей врача, предохранит его от небрежности при исполнении лежащих на нем тяжелых обязанностей.

Медицинские, хирургические и ветеринарные открытия должны публиковываться в каждом департаменте. Не менее необходимо содействовать в каждом департаменте учреждению журнала, дающего сведения по всем вопросам, которые могут интересовать человечество. Сельское хозяйство, торговля, фабричное производство, политика, мораль, естественные науки, даже литература должны охватываться и приспособляться к местным условиям этим журналом. Везде, где будут основаны ученые общества, этот журнал сумеет следить за их работой; он будет знакомить сельские местности с интересными для них открытиями, с современной наукой; он внесет в них источники знаний, которые будут развиваться под влиянием свободного строя. При отсутствии просвещения свобода сосредоточивается в руках тех классов, которые, благодаря своим богатствам, могут избежать давления угнетателей, и свобода является лишь призраком. Находясь под угрозой деспотизма и анархии, она скоро падет, после непосильной борьбы, под влиянием интриг нескольких честолюбивых людей, или же будет постоянно подвергаться обществу волнениям, еще более страшным, быть может, чем сама тирания. Те, кто желает, чтобы крестьянин не умел ни читать, ни писать, действуют в своих интересах, опираясь на его невежество, и их побудительные мотивы нетрудно угадать. Но они не знают, что, превращая человека в грубое животное, надо быть всегда готовым к превращению его в кровожадного зверя. Без просвещения нет морали. Но кто же, кроме богатого, заинтересован в распространении морали? Разве мораль бедняка не является защитой для богатства? Стремитесь же, общественные деятели и частные лица, распространять повсюду благородные плоды просвещения хорошей администрацией, влиянием законов, усилиями, предпринимаемыми каждым человеком, надеющимся на улучшение участи себе подобных! Верьте, что, разрушив хотя бы одно единственное заблуждение, внушив хотя бы одну здравую мысль, вы уже кое-что сделаете для счастья человечества, и, кто бы вы ни были, не сомневайтесь, что только таким путем вы можете утвердить ваше счастье.

Я почти ничего не предлагаю по вопросу о женском образовании. Мужчины, предназначенные для деловой деятельности, должны быть воспитаны в обществе. Женщины, предназначенные, напротив, для семейной жизни, должны, быть может, покинуть свой родной дом лишь в редких случаях. Обычно коллежи создают большее количество достойных людей, чем самое тщательное домашнее воспитание, но воспитание женщин в монастырях более портит их, чем воспитывает.

Ж.-Ж.Руссо, память и деятельность которого постоянно встают в уме при каждом упоминании о свободе, философии, человеческой культуре, Жан-Жак, еще более великий, быть может, чем то множество мыслей о морали или учений, посвященных созданию постоянного счастья человека, которые заполняют все страницы его произведений, во всех своих системах общего, метафизического или политического характера утверждал истину, столь близкую древним народам и заключающуюся в том, что мужчина и женщина, в совершенстве выполняющие свои различные назначения в природе, не могут играть одной и той же роли в общественном строе и что вечный порядок вещей давал им возможность стремиться к общей цели лишь путем предназначения им различных ролей. Крепкое сложение мужчины и проистекающие отсюда энергичные, смелые, настойчивые действия определяют характер его работы: все, что требует значительной силы, прохождения больших расстояний, храбрости, постоянства, продолжительных прений, может быть выполнено исключительно мужчиной. Именно его обязанность возделывать землю, заниматься торговлей, путешествовать, сражаться, защищать свои права и права своих братьев в народных собраниях и управлять всеми делами за пределами семьи; и именно к этой деятельности его и подготавливает воспитание, если это воспитание соответствует природе. Нежное сложение женщины, превосходно приспособленное для их главного призвания — продолжения человеческого рода, внимательного надзора за опасностями первых лет человеческой жизни, — это их сложение, говорю я, прикрепляет их к скромным трудам хозяйства, а вследствие этого — к домашней жизни и дает им возможность найти истинное счастье, а также распространить счастье вокруг себя только в спокойных трудах уединенной жизни. Возложить на эти слабые создания тяжелую задачу, нагрузить эти слабые руки тяжелой ношей — значит жестоко насиловать природу; отвлечь эти слабые существа, целомудренная скромность которых составляет их величайшую прелесть, от их домашних работ, побуждающих расцвести или, по крайней мере, совершенствоваться все их приятные качества, перенести их в круг мужчин и деловую обстановку, подвергнуть Их опасностям жизни, привыкнуть к которой они могли бы, лишь изменив свою физическую природу, — это значит хотеть уничтожить ту прекрасную чувствительность, которая составляет, если можно так выразиться, сущность женщины является гарантией ее способностей выполнять семейные обязанности, предоставляемые ей разумным общественным Строем; это значит все смешать; это значит, желая наделить их ненужными преимуществами, заставить потерять реальные блага, украшающие существование; это значит унижить женщину и в ее собственных, и в наших глазах; это значит, одним словом, заставить женщину потерять все ее «могущество под предлогом дать ей власть».

Без сомнения, женщина должна управлять внутри своего дома; но она должна царствовать только там; в иной обстановке она — не на своем месте; единственный способ, которым она может привлечь внимание, — это соблюдение достоинства настоящей или будущей матери семейства. Права достойной уважения женщины от этого не пострадают; напротив, ее супруг так же уважает ее, как и любит; он советуется с ней в затруднительных случаях жизни; ее дети вполне подчиняются ей; она поддерживает мир между своими близкими и своими соседями, молодой человек приходит к ней, чтобы посоветоваться о выборе подруги жизни, похожей на нее; она подает окружающим благие советы, утешения и расточает милости. Таким образом, запрещая женщинам участвовать в общественных собраниях, где их присутствие лишь повлекло бы к различным беспорядкам, отстраняя их от политических обязанностей, ни в каком отношении не соответствующих природе женщины, я весьма сожалею, что их не допустили в семейные советы, душой которых, мне кажется, они должны быть, и что не воспользовались этим обстоятельством, чтобы усыновить различие между гражданами и гражданками в строе, соответствующем прекрасному плану творца вселенной.

Я извиняюсь, господа, что отвлекся от своей темы. Я спешу возвратиться к ней, говоря, что воспитание молодых девушек должно быть поставлено так, чтобы создать женщину такой, какой я только что изобразил ее, а не такой, как ее изображают философы, введенные в заблуждение интересами, часто заставляющими терять равновесие наиболее положительные умы. Семейная жизнь — вот настоящее назначение женщин, а поэтому следует привить им те привычки, которые могут дать им счастье и славу; и, быть может, следовало бы пожелать, чтобы девушки никогда не выходили из-под надзора матери.

Я не требую вовсе закрытия всех женских учебных заведений. Но так как эти школы могут быть теперь только в исключительном ведении свободных обществ, я желал бы, чтобы их успешное развитие было вверено контролю общества. Впрочем, было бы достаточно сохранить школы чтения, письма и арифметики, существующие для девочек, а также создать аналогичные школы во всех муниципалитетах, их не имеющих, строя эти школы на тех же принципах, что и

что и школы для мальчиков.

Повсюду изучение физики предшествовало царству просвещения и мудрости. Знание законов природы наносит смертельные удары суеверным мнениям, подготавливает уничтожение заблуждений и прокладывает дорогу истине. Создатель современной философии, бессмертный Бэкон, который, предвидя каким-то особым чутьем все завоевания человеческого ума, бросился из самой гущи ложных знаний его века в будущее, чтобы направить наш путь, постоянно говорит о величии естественных наук, в которых он видит истинную основу просвещения, и рисует естественные науки науками, изгоняющими схоластику вместе со всеми привидениями, которыми она душила царство разума. Действительно, господа, именно этому благодетельному гению обязана философия своим первым развитием. Наиболее просвещенные нации сбросили свои предрассудки лишь при имении естественных наук; невежественные народы сбросят свои оковы только тем же путем. Необходимо поэтому поощрять, ободрять, облегчать изучение природы и предоставлять повсюду средства людям, стремящимся к этому роду образования.

Но независимо от физических и естественно-исторических кабинетов, химических лабораторий, ботанических садов, устройство которых в департаментах есть долг власти, я хотел бы также, чтобы остатки конфискованных религиозных библиотек послужили основой для хороших общественных книгохранилищ; я хотел бы, чтобы они пополнялись всеми возможными способами в целях обслуживания большого числа граждан; я хотел бы, чтобы, по крайней мере, в каждом департаменте была составлена коллекция из всех инструментов, нужных для различных ремесел, начиная от более необходимых для жизни и местных условий. Удобства такой выставки говорят сами за себя. Неужели же соревнование молодых людей не будет возбуждаться присутствием этих учителей, правда, мертвых, но более поучительных, чем большая часть говорящих учителей? Изучая предметы, находящиеся перед глазами, можно пользоваться относительно хорошим методом, но сделать его плохим невозможно; можно приобрести большее или меньшее количество знаний, но эти знания никогда не будут ложными.

Из всех вышеизложенных рассуждений я вывожу ряд следствий, которые и резюмирую в форме декрета.

Жан Никола Антуан КОНДОРСЕ

ДОКЛАД об ОБЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Представлен Законодательному Собранию 20 и 21 апреля 1792 года

Господа!

Открыть всему человечеству способы удовлетворим, свои потребности, обеспечить свое благосостояние, познать и использовать свои права, познать и выполнить свои обязанности, дать возможность каждому легко совершенствоваться впоследствии в своей профессии, быть способным к выполнению общественных обязанностей, к которым он имеет право быть призванным, развернуть во всю ширь полученные человеком от природы таланты и таким образом осуществить фактическое равенство среди граждан и сделать реальным политическое равенство, провозглашенное законом, — такова ближайшая цель образования, и с этой точки зрения оно является для общественной власти долгом справедливости.

Направить образование так, чтобы совершенство в науках способствовало счастью большинства граждан и увеличило жизненные удобства людей, посвящающих им свое существование, чтобы большее количество людей умело хорошо выполнять обязанности, необходимые обществу, чтобы постоянно возрастающий прогресс просвещения открыл для нас неисчерпаемый источник удовлетворения наших потребностей, чтобы этот прогресс был лекарством в наших болезнях, средством к индивидуальному благу и к общему счастью, культивировать, наконец, в каждом поколении способности физические, моральные и интеллектуальные и таким образом участвовать в общем и постепенном совершенствовании человеческого рода — вот конечная цель всякого общественного института.

Таково должно быть образование, и общественная власть должна рассматривать его, как долг, возложенный интересами общества, интересами всего человечества. Но, рассматривая, с этой двойной точки зрения, громадную работу, возложенную на нас, мы с самого начала увидели, что в общей системе образования имеется часть, которую быт» бы возможно выделить без вреда для целого. Эту часть, - включающую в себя распределение и общую организацию образовательных учреждений, необходимо выделить из общей системы образования для ускорения самого проведения в жизнь этой системы.

Действительно, каковы бы ни были мнения о продолжительности каждой ступени образования, о способах преподавания, о большем или меньшем авторитете родителей или учителей, о воспитании учеников в интернатах, воздвигнутых именем общественной власти, о средствах соединить с обучением развитие способностей физических и нравственных, — самая организация учебных заведений может быть одна и та же. С другой стороны, разрешение таких

вопросов, как составление сети школ, составление элементарных учебников задолго еще до того времени, когда эти учебные заведения могут быть осуществлены в жизни, а эти книги розданы учителям и ученикам, обязывало нас настаивать на ускорении принятия закона по отношению к этой части доверенной нам работы.

Мы полагали, что в этом плане общей организации наша первая задача заключалась в создании воспитания, настолько общего, настолько одинакового для всех, настолько одного, насколько позволили бы обстоятельства. Мы полагали, что следует предоставить всем в одинаковой мере ту часть образования, которую возможно распространить на всех, но не отказывать какой-либо части граждан в более высокой степени образования, которую нет возможности сообщить всем. Надо учредить обе части образования: одну потому, что она полезна получающему ее, другую потому, то она полезна даже и тем, кто ее не получает.

Первое условие всякого образования — преподавать лишь одну истину; учреждения, предназначенные для этой цели общественной властью, должны быть возможно более независимыми от всякого политического давления. Но так как все же эта независимость не может быть абсолютной, то из этого принципа вытекает, что школы можно сделать зависимыми только от собрания народных представителей, потому что это — власть самая неподкупная, наиболее удаленная от частных интересов, наиболее подчиняющаяся влиянию коллективного мнения просвещенных людей, и главным образом потому, что именно она вызывает к жизни все реформы и, конечно, ни в коей мере не является ни врагом просвещения, ни оппозицией всем реформам прогресса.

Мы поняли, наконец, что образование не должно оставлять человека в момент окончания школы, что оно должно охватить все возрасты. Нет такого возраста, в котором не было бы полезно и возможно учиться, и это последующее образование особенно необходимо в тех случаях, когда образованию в детском возрасте были поставлены определенные, узкие границы. Именно в том одна из главных причин того невежества, в которое и теперь погружены беднейшие классы общества, что возможности сохранить первоначальное образование еще более недоставало им, чем возможности его получить.

Мы не хотим, чтобы хоть один человек в государстве мог когда-нибудь сказать: «Закон предоставил мне полное равенство прав, но мне отказано в способах их постигнуть. Я должен зависеть только от закона, но мое невежество делает меня зависимым от всего окружающего. Правда, в детстве мне дали знания, но затем, когда я был принужден работать, чтобы жить, эти первоначальные познания вскоре сгладились, и мне остается лишь горестное сознание моего невежества, и не из-за моего природного нежелания, а вследствие несправедливости общества».

Мы полагали, что общественная власть должна сказать неимущим гражданам: «Положение ваших родителей дало вам возможность приобрести лишь самые необходимые сведения, но вам обеспечиваются легкие способы их сохранить и расширить. Если природа дала вам способности, вы сумеете их развить, и они не будут потеряны ни для вас, ни для нашего отечества».

Таким образом образование должно быть всеобщим т.-е. простирается на всех граждан. Оно должно сообщаться по возможности одинаково настолько, насколько это позволяют расходы, распределение населения на территории и время, которое дети могут посвящать учению. Оно должно, на протяжении всех своих различных ступеней, охватить всю систему человеческих знаний в целом и обеспечить людям всех возрастов легкое сохранение своих знаний и приобретение новых.

Наконец, ни одна общественная власть не должна иметь авторитета или права препятствовать распространению новых истин и обучению теориям, противоположным ее политике или ее интересам.

Таковы принципы, направляющие нашу работу.

Прежде всего мы разделили образование на 5 ступеней, носящих название: 1) первоначальные школы, 2) школы второй ступени, 3) институты, 4) лицеи, 5) Национальное общество наук и искусств.

В первоначальных школах преподается все необходимое человеку, чтобы уметь самостоятельно действовать и наслаждаться полнотою своих прав. Этого образования будет достаточно даже для выполнения простейших общественных обязанностей, к которым может быть призван каждый гражданин, например, обязанностей присяжного или муниципального чиновника.

Каждые 400 жителей получают отдельную школу и учителя.

Но так как было бы несправедливо, чтобы в тех департаментах, где отдельные деревни разбросаны и составляют меньшие группы, население не пользовалось дарованными ему благами, то необходимо учредить начальную школу во всех округах, где находятся деревни, удаленные более чем тысячу туазов от местечка с четырьмястами жителей. Программу этих школ составляют чтение, письмо, элементы грамматики, правила арифметики, простые методы точного измерения земли и зданий, простейшее описание того, что производит страна, приемы сельского хозяйства и ремесл, история развития первых идей морали и правил поведения, вытекающих из нее, и, наконец, те принципы общественного строя, которые могут быть понятны ребенку.

Эти разнообразные предметы должны быть распределены на четыре курса, при чем предметы каждого курса должны усваиваться в год ребенком средних способностей. Этот срок в четыре года соответствует довольно точно времени, протекающему для детей самых бедных семей между тем моментом, когда они становятся пригодными к учению, и тем моментом, когда они могут посылаться на полезную работу, препятствующую регулярному учению.

Каждое воскресенье учитель организует публичные собеседования, на которых будут присутствовать граждане всех возрастов; мы убедились, что подобная организация есть действительное средство сообщить молодым людям те необходимые сведения, которые не могли быть включены в программу начального образования. Здесь будут излагаться более широко правила и принципы морали, а также и та часть государственных законов, незнание которых воспрепятствовало бы гражданину уметь применять на деле свои права.

Итак, в первоначальных школах изучение первоначальных основ общественных наук будет предшествовать их применению в жизни. Ни французская конституция, ни даже декларация прав не будут представляться никакому классу граждан изображениями, спустившимися с неба, которые нужно обожать и в которые нужно верить. Энтузиазм граждан не будет основан на предрассудках и на привычках детства. Можно будет сказать им: «Эта декларация прав, которая вас учит одновременно вашим обязанностям и вашим правам по отношению к обществу, эта конституция, которую вы должны защищать, не щадя вашей жизни, — не что иное, как развитие тех простых принципов, которые диктуют разум и природа, в которых, как вы познали в первые годы вашего учения, покоится вечная истина». Пока будут существовать люди, повинующиеся не только одному своему разуму, а заимствующие свои мнения от других людей, будут напрасно разрываться все цепи, — человеческий род все же останется разделенным на две части: людей рассуждающих и людей верующих, класс господ и класс рабов.

Продолжая воспитание в течение всей жизни, мы воспрепятствуем слишком скорому исчезновению из памяти знаний, приобретенных в школе, мы поддержим полезную активность ума, мы ознакомим народ с новыми законами и новыми взглядами в области сельского хозяйства и методами экономии, знание которых столь важно для него. Наконец, можно будет научить народ способам самообразования, например, пользоваться словарем, таблицей в книге, следить за рассказом или описанием по рисунку, карте или плану, делать заметки или извлечения. Эти средства усвоения, становящиеся привычкой при продолжительных занятиях, должны изучаться в самый краткий срок при небольшом числе уроков в этом, ограниченном времени, преподавании.

Мы говорили здесь как по отношению к взрослым, так и по отношению к детям лишь о прямом обучении, так как только в этой области необходимо предварительно рассмотреть постепенность, объем и подразделение образования, лишь затем приступить к организации учебных заведений. Другие средства образования составят вторую часть нашей работы.

Так, например, национальные празднества, напоминая сельским жителям и гражданам городов славные события свободы, сохраняя память о людях, добродетели которых прославили их жизнь, восхваляя храбрость и преданность и научат граждан уважать чувство долга. С другой стороны, во внутренней дисциплине школ надо заботиться о том, чтобы дети были добры и справедливы: их заставят проводить в жизнь, одних по отношению к другим, изученные принципы, и таким образом их одновременно научат сообразовать с этими принципами свое поведение; они научатся прислушиваться к голосу этих принципов и чувствовать их пользу и справедливость. Для взрослых и даже для детей будут составлены книги, читающиеся без усталости, с интересом, возбуждаемым или полезностью этого чтения, или извлекаемым из него удовольствием. Дайте самым простым людям приятное, легкое и главным образом полезное средство образования, и они воспользуются им. Только страх перед трудностями учения удалял ранее людей от образования.

Не будет забыта гимнастика, но следует заботиться о том, чтобы гимнастические упражнения развивали одинаково все силы, чтобы физические упражнения разрушали действие привычек, вырабатываемых различными отраслями труда.

Если этому плану бросят упрек в том, что он слишком обширен, то мы можем ответить, что с помощью элементарных учебников, хорошо составленных и действительно предназначенных для детей, с помощью книг, написанных для учителей, в которых учителя могут познакомиться с методами легкого изложения принципов, умением приспособляться развитию детей и облегчать их работу, — с этой помощью не придется бояться того, что обширность этого обучения делает его недоступным для ребенка средних способностей. К тому же существует ряд средств облегчить преподавание, сообщать истины наименее развитым умам, и сообразно методам, сообразно опыту и был выработан этот план элементарного образования, необходимого и доступного людям.

Нам могли бы также сделать упрек в излишнем сужении границ образования, предназначенного для всех граждан, но необходимость удовольствоваться одним учителем для каждой школы, ограниченность времени, посвящающегося учению детьми несостоятельных классов, принудили нас заключить это первоначальное образование в узкие границы; всегда будет легко их расширить, если улучшение благосостояния народа, более равномерное распределение благ — естественное следствие справедливых законов — и прогресс в методах обучения приведут к тому моменту, когда уменьшение государственных долгов и чрезвычайных расходов позволит, наконец, посвятить значительнейшую часть государственного бюджета действительно полезным расходам.

Школы второй ступени предназначены для тех детей, семьи которых могут обойтись без их работы более продолжительное время, посвятить их воспитанию большее число лет и нести для этого даже некоторые расходы.

Каждый округ и каждый город с четырьмя тысячами жителей будет иметь одну школу второй ступени. Комбинация, аналогичная той, о которой мы говорили, применительно к школе первой ступени, дает гарантию того, что в распределении этих школ не будет неравенства. Обучение будет одинаково во всех школах, но они будут иметь одного, двух, трех учителей, сообразно предполагаемому числу учеников.

Познания в области математики, естественной истории, химии, необходимые в ремеслах, более широкое изложение принципов морали и обществоведения, элементарные уроки коммерческих наук составят здесь программу обучения.

Учителя организуют каждую неделю собеседования, открытые для всех граждан. При каждой школе будет своя маленькая библиотека, свой маленький кабинет, где будут иметься приборы для метеорологических наблюдений, модели машин, модели для преподавания естественной истории. Все это будет новым средством образования для людей.

Без сомнения, это коллекции будут вначале совсем незначительные, но они разрастутся со временем, умножатся благодаря приношениям и обменам; они увеличат любовь к наблюдениям и учению, и эта любовь будет способствовать процветанию этих кабинетов.

Эта ступень образования, в некоторых отношениях, может рассматриваться, как всеобщая или, вернее, необходимая для установления в общем обучении более абсолютного равенства. Правда, земледельцы в действительности исключены из этих школ, так как они не настолько богаты, чтобы отвозить своих детей в те города, где есть школы; но все же те из них, которые желают учиться ремеслам, должны, конечно, учиться в соседних городах и получать там, в школах второй ступени, по крайней мере, наиболее необходимые им знания. С другой стороны, земледельцы имеют в году время отдыха, часть которого они могут уделить учению, а ремесленники совершенно лишены свободного времени. Таким образом преимущество, имеющееся у одних и заключающееся в возможности продолжать учение, уравнивается преимуществом, имеющимся у других и заключающимся в возможности добровольных занятий; и с такой точки зрения равенство более сохраняется, чем разрушается, учреждением школ второй ступени.

Даже более: по мере того, как производство улучшается, различные операции все более и более подразделяются и бесконечно стремятся к тому, чтобы каждый индивидуум делал чисто-механически работу, сводящуюся к небольшому числу простых движений; такая работа, более быстрая и производительная, совершается в силу простой привычки, и, следовательно, мозг почти совсем перестает работать. Но ведь таким образом совершенствование ремесл делается для части человечества причиной тупости, породит в каждой нации группу людей, неспособных подняться над более грубыми интересами, и внесет в нацию унижительное неравенство, зародыш опасных раздоров, если более обширное образование не предложит людям этого класса средств против неизбежных последствий однообразности их ежедневных занятий.

Преимущество, которое, казалось бы, дают городам школы второй ступени, есть на самом деле лишь новое средство распространения более совершенного равенства.

Еженедельные собрания, предлагаемые для этих двух первых ступеней, должны рассматриваться, как могущественное средство образования. Сорок или пятьдесят уроков в год могут содержать большое количество сведений, самые важные из которых, повторяясь каждый год или же раз в два года, будут в конце-концов совершенно поняты, усвоены и не будут более забываться. При этом часть сообщаемого в этих беседах должна непрерывно обновляться, так как в нее будут или новые открытия в области сельского хозяйства механики и новые наблюдения, или же ознакомление с общими законами, по мере их обнаружения, и изложение государственных мероприятий, представляющих общий интерес. Эти сведения будут поддерживать любопытство, усиливать интерес к этим беседам, давать пищу разуму и внушать любовь к образованию.

Пусть не боятся, что серьезность образования отвратит от него народ. Для человека, занимающегося физическим трудом, самый отдых есть удовольствие, а легкое напряжение ума — настоящее отдохновение; для него — это то же, что физические упражнения для ученого, ведущего сидячий раз жизни, — средство не дать притупиться тем способностям, которые

которые недостаточно упражняются обычными занятиями. Сельский житель, городской ремесленник не отнесутся тогда с презрением к тем знаниям, преимущество которых постигли на своем личном опыте или же на опыте соседей. Если их будет привлекать вначале одно любопытство, — вскоре их будет удерживать интерес. Легкомыслие, отвращающее от серьезной работы, презрительное отношение ко всему, не имеющему практического значения, — вовсе не пороки иных людей, и мнимая ограниченность, рожденная порабощением и унижением, исчезнет вскоре, как только свободные люди найдут возможным разорвать последнюю и наиболее постыдную из цепей.

Третья ступень образования охватывает элементы всех человеческих знаний. Образование, рассматриваемое, как часть общего воспитания, там абсолютно завершается.

Эта ступень включает в себе все необходимое для подковки к выполнению общественных обязанностей, требующих серьезного образования, или же для дальнейших успешных занятий науками: отсюда будут выходить учителя школ второй ступени, здесь же будут совершенствоваться учителя школ первой ступени, уже окончившие школы второй ступени.

Число таких институтов установлено в сто четырнадцать, они будут учреждаться в каждом департаменте. Здесь будет преподаваться не только то, что полезно знать каждому человеку, каждому гражданину, какую профессию он бы ни избрал, но и все то, что может быть полезно при изучении каждой большой группы этих профессий, как сельское хозяйство, механика, военное искусство, и сюда же будут отнесены медицинские познания, необходимые врачам-практикам, акушеркам и ветеринарам.

Просмотрев программу преподавания в этих школах, можно заметить, быть может, что предметы преподавания не распределены в ней сообразно философской точке зрения, что знания математические и физические занимают в ней весьма значительное место, между тем как предметы, преобладавшие в старом плане образования, как будто бы остались в пренебрежении.

Но мы думали распределить предметы преподавания сообразно их методам и в соответствии с той суммой знаний, которая обычно свойственна образованному человеку или же которую он легко может усвоить.

Быть может, философское разделение наук было бы лишь вредным и непрактичным в приложении к жизни. В самом деле, возьмем за основу различные способности разума. Но ведь изучение каждой науки приводит в движение, все эти способности и способствует их развитию и совершенствованию. Мы упражняем одновременно все способности почти «при каждой интеллектуальной работе. Каким образом отнесете вы одну часть человеческих знаний или к памяти, или к воображению, или к разуму, если, например, ребенок, которому предлагают вывести на доске геометрическую теорему, не может выполнить этого, не призвав одновременно на помощь и свою память, и свое воображение, и свой разум? Вы отнесете, без сомнения, изучение фактов в класс, посвященный памяти; вы соедините, следовательно, естественную историю с историей народов, изучение искусств с языками; вы отделите их от химии, политики, физики, метафизики, — наук, с которыми эти фактические знания неразрывно связаны как по своей природе, так и по методу изучения. Взять ли в основу природу вещей? Но каждый предмет, сообразно способу рассмотрения, принадлежит к совершенно различным наукам. Такое расположение наук требует таких способностей разума, какие редко сочетаются в одном человеке, и было бы очень трудно найти, или, быть может, создать людей, способных примениться к этому разделению образования. Те же самые науки, так разделенные, не имели бы значения для соответствующих профессий, и части не внушали бы одинакового впечатления различным умам, и это разделение было бы утомительным как для учеников, так и для учителей.

Какую бы другую философскую основу мы ни избрали, всегда придется остановиться перед аналогичными препятствиями. К тому же ведь следовало дать каждой ступени образования определенное протяжение и поддержать равновесие и согласованность между всеми частями образования: но при философском разделении можно этого достигнуть, лишь объединив в обучении все то, что было разделено классификацией.

Мы стремились, следовательно, в нашем разделении придерживаться того пути, который обычно и избирал человеческий разум в своих исканиях, не стремясь подчинить его нашему влиянию, указать ему другую дорогу, — ту, по которой мы хотели бы направить образование. Человеческий гений хочет быть свободным, всякое принуждение вредно для него, и часто, в расцвете всех сил человека, видна печать оков, бывших на нем в тот момент, когда его душа лишь начинала развиваться в детском возрасте. Но разделение образования было необходимо, и мы должны были, следовательно, предпочесть такое, которое само по себе согласовалось бы быстрым прогрессом, произведенным различными отраслями науки за последние пятьдесят лет.

Многие причины заставили нас отдать преимущество изучению математических и физических наук. Прежде всего для людей, не посвящающих себя длительным размышлениям и не специализирующихся в какой-нибудь отрасли науки, даже самое элементарное изучение этих наук есть наиболее надежное средство развить интеллектуальные способности, научиться правильному мышлению и верному анализу мыслей.

Без сомнения, возможно, детально изучая литературу, грамматику, историю, политику, философию, также приобрести справедливую и здравую логику, но в то же время не знать естественных наук (примеры великих людей тоже доказывают это), но элементарное изучение тех же предметов не дает этих преимуществ: они пользуются разумом, но они не формируют его. Это происходит оттого, что в естественных науках мысли более просты, более совершенно выражены, более строго очерчены, и слова выражают них соответствующие идеи более точно. Самые элементарные вопросы составляют в них определенную часть науки, заключенную в узкие границы, но законченную в самой себе, ни дают разуму средство упражнения, доступное большому числу умов, особенно в молодости. Нет такого ребенка, ели он не абсолютно туп, который не был бы в состоянии извлечь полезных навыков из элементарных уроков естественной истории или сельского хозяйства. Эти науки являются если не более надежным, то, по крайней мере, более универсальным лекарством против предрассудков и ограниченности ума, чем даже философия. Они приносят пользу при любой профессии, и легко видеть, что они были бы еще более полезны, если бы они пользовались большим распространением. Следящие за ходом их развития видят приближение эпохи, когда практические приложения их изучения получат такое широкое распространение, на которое равнее нельзя было надеяться, когда прогресс в физических науках произведет счастливую революцию в ремеслах, и самое надежное средство ускорить эту революцию — это распространить знание этих наук во всех классах общества и облегчить доступ к их изучению.

И, кроме того, мы уступили влиянию общественного мнения, влиянию мыслителей, стремящихся в Европе к этим именно знаниям с возрастающим интересом. Мы поняли, что вследствие прогресса человечества, эти науки, предлагающие деятельности человека вечную и неисчерпаемую пищу, делаются все более и более необходимыми, но мере того, как совершенствование общественного строя дает меньший простор честолюбию или алчности. В стране, где желают соединить бессмертными узами мир и свободу, необходимо создать такие условия, в которых каждый индивидуум, не погружаясь в праздность и скуку, согласился бы быть только человеком и гражданином. Важно направить на полезное и человеческую активность и ту жажду славы, которые не имеют возможности широко проявиться в разумно управляемом государстве; необходимо заменить, наконец, стремление властвовать над людьми стремлением просвещать их.

В той части прежнего плана образования, которая соответствовала третьей ступени образования, ограничивались небольшим числом предметов, мы же должны их охватить все. Раньше как будто бы стремились к созданию лишь теологов и проповедников; мы стремимся создать просвещенных людей.

Прежняя постановка преподавания имела недостатки как с точки зрения формы, так и с точки зрения выбора и распределения предметов.

В продолжение шести лет последовательное изучение латинского языка составляло основу образования; на этой основе изучались общие принципы грамматики, давались некоторые сведения из области географии и истории, учили излагать свои мысли письменно и устно.

Четыре профессора будут вести преподавание на этой ступени, но предметы преподавания разделены, и каждый профессор преподаёт лишь свой предмет, и это разделение, более благоприятное для успеха учеников, даст большие результаты, чем простая компенсация уменьшения числа учителей.

Быть может, найдут, что мы слишком пренебрегаем латинским языком.

Но с какой точки зрения должно придаваться значение изучению этого языка в общем плане воспитания? Не будет ли достаточно сделано в этом отношении, если ученики будут в состоянии читать действительно полезные книги, написанные на этом языке, и у них будет возможность идти далее самостоятельно, без помощи учителя? Можно ли рассматривать углубленное изучение иностранного языка и красоты стиля, характерных для работ гениальных людей, писавших на нем, как одну из тех общих дисциплин, познания, в которой необходимы каждому просвещенному человеку, каждому гражданину, посвятившему себя исполнению более важных функций общественной жизни? Какая привилегия заставит нас сделать одну латынь предметом более длительного изучения, в то время как ограниченность лет, предназначенных для образования, заставляет нас дать во всех областях лишь знакомство с элементарными знаниями и предложить молодежи свободно совершенствоваться в дальнейшем по своему вкусу в тех науках, которые она хочет изучать? Быть может, к латыни следует относиться с уважением, как к языку, общему для всех ученых, хотя латинский язык теряет это преимущество с каждым днем. Но элементарные познания в латыни достаточны для того, чтобы читать латинские книги; нет ни одной научной работы по философии и по политике, действительно важной, которая не была бы переведена; все истины, содержащиеся в этих книгах, изложены в более разработанном виде и связаны с новыми открытиями в книгах, написанных на новых языках. Изучение оригиналов, в сущности говоря, необходимо лишь тем, кто стремится не к изучению собственно этих наук, а к знакомству с их историей.

Наконец, чтобы высказать все, — так как в настоящее время все усилия направлены к искоренению предрассудков, то долговременное, углубленное изучение древних языков, изучение, которое потребовало бы чтения оставленных нам древним миром книг, было бы скорее вредным, чем полезным. Воспитывая, мы желаем знакомить с истиной, а эти книги наполнены заблуждениями. Мы ищем средств образовывать разум, а эти книги могут лишь сбить его с истинного пути. Мы настолько удалились от древнего мира, мы настолько опередили его в нашем движении к истине, что нужно иметь хорошо вооруженный ум, чтобы это драгоценное наследие могло его обогатить, не искажая.

Как образцы в искусстве изложения мыслей, красноречии поэзии, древние могут быть полезны лишь умам, уже развитым прежними занятиями. Какие же это, в самом деле, образцы, которым нельзя подражать, не обсуждая постоянно все то, что различие в языке, обычаях, религии, идеях заставляет нас изменить в них? Я приведу только один пример. Демосфен с трибуны говорил перед собравшимися афинянами; декрет, вызванный его речью, был принят самой нацией, и копия его речи обходила медленно ораторов и учеников. Теперь мы произносим речь не перед народом, а перед его представителями, и эта речь, распространенная печатью, будет иметь вскоре столько же строгих и холодных судей, сколько существует во Франции граждан, занятых обвешенными обязанностями. Если увлекающее, страстное, соблазнительное красноречие может иногда ввести в заблуждение народные собрания, то в них те граждане, которых это красноречие обманывает, отвечают лишь за свои собственные интересы; их ошибки сказывались только на них самих. Но если представители народа, плененные оратором, следовали бы не за своим разумом, а за иной силой, то они посягнули бы на чужие интересы, нарушили бы свой долг и вскоре потеряли бы общественное доверие, на котором единственно и покоится представительство. Таким образом, это красноречие, необходимое древним учреждениям, было бы только вредным для наших установлений. Тогда разрешалось и, быть может, было полезным возбуждать народ, мы же должны стремиться только просвещать его. Взвесьте все то влияние, которое могут иметь на искусство речи сочинения в форме управления и изобретение книгопечатания, и скажите тогда, нужно ли предлагать древних авторов, как образцы, юношеству в первые годы его учения.

Вы должны дать французской нации образование, соответствующее уровню XVIII века, уровню философии, которая, просвещая современное поколение, подготавливает, предугадывает и двигает тот высший разум, к которому постепенный прогресс человечества призывает все будущие поколения.

Таковы были наши принципы, и, сообразно философии, сбросившей все цепи, свободной от всякого авторитета, от всех обычаев древности, мы выбрали и распределили все предметы народного образования. Сообразно этой же философии мы рассматривали знания политические и моральные, как существеннейшую часть общего образования.

Но как же в действительности поднять когда-либо нравы народа, если не дать ему людей, способных его просвещать, людей, умеющих его направить, если не дать точный и неоспоримый анализ нравственных чувствований, идей, вытекающих из них, принципов справедливости, являющие их следствием?

Хорошие законы, говорил Платон, это те, которые граждане любят более своей жизни. Действительно, каким образом можно считать законы хорошими, если для проведения их в жизнь нужно прибегать к посторонней силе, а не к воле народа и видеть в тирании опору справедливости. Для того, чтобы граждане любили законы, не переставая быть в действительности свободными, чтоб они сохранили всю независимость разума, без которой вся их сильная любовь к свободе является лишь страстью, а не добродетелью, необходимо, чтобы им были известны принципы естественной справедливости и те важнейшие права человека, приложение и развитие которых и представляют законы. Нужно усматривать в этих законах следствия этих прав и более или менее удачные средства их гарантии. Одни надо любить, потому что они продиктованы справедливостью, а другие, потому, что они внушаются мудростью. Надо уметь отличать преданность закону от оправдания его разумом и от подчинения — этой внешней поддержки законов, являющейся долгом каждого гражданина даже тогда, когда просвещение указало ему на опасность или несовершенство в них. Необходимо, чтобы, любя законы, научались судить их.

Никогда никакой народ не будет пользоваться постоянно прочной свободой, если политическое образование не является всеобщим, если это образование не будет независимо от всех политических влияний, если энтузиазм, вызываемый вами в душах граждан, диктуется не разумом, если ум будет возбуждаться к борьбе тем, что можно, если, связывая человека привычкой, воображением и чувством к конституции, законам и свободе его страны, вы не даете способов достигнуть, при помощи всеобщего образования, более совершенной конституции и более совершенной свободы. Ведь и в отношении свободы и равенства, этих великих объектов политических размышлений, дело обстоит так же, как и в отношении наук: в общем порядке вещей имеется определенная граница, к которой мы можем бесконечно приближаться, но достигнуть

которой мы никогда не сумеем.

Эта третья ступень образования дает тем, кто ею воспользуется, реальное превосходство, неизбежное вследствие деления функций в обществе. Но это только лишний мотив в пользу того, чтобы это превосходство основывалось на разуме и на действительном просвещении, на стремлении образовывать людей просвещенных, а не людей ловких; это — лишний повод не забывать, что отрицательные стороны этого превосходства уменьшаются по мере того, как просвещение распределяется между большим количеством людей, более распространено просвещение, тем менее это превосходство опасно; истинное просвещение является единственным лекарством против лукавого превосходства, не имеющего опоры и руководства невежественным людям и способного только сбивать их с правильного пути.

Обучение на этой ступени будет разделено на курсы, из которых одни будут связаны друг с другом, а другие будут совершенно отдельными, хотя, возможно, и будут читаться одним профессором. Разделение будет таково, что один ученик может одновременно следить за всеми четырьмя курсами или же лишь за одним, об'ять в продолжение приблизительно пяти лет всю сумму знаний, если он имеет большие способности, или же ограничиться одной частью в тот же промежуток времени, если он имеет меньшие способности. В изучении каждой науки можно будет дойти до того или иного предела, посвятить ей большее или меньшее время. Таким образом все эти различные комбинации применяются к различным степеням способностей и к разнообразным личным обстоятельствам.

Профессора устраивают раз в месяц публичные собеседования. Так как эти собеседования предназначены для людей, более просвещенных, более способных к самообразованию, то нет необходимости устраивать их особенно число. Эти конференции будут иметь своей главной темой научные открытия, опыты, новые наблюдения. В качестве новостей здесь будет излагаться все то, что, не выходя из пределов элементарного, все же не может считаться общеизвестным. Каждый институт будет иметь свою библиотеку, свой кабинет, свой ботанический сад. Эти учреждения будут в ведении специального хранителя, и, конечно, люди, уже несколько просвещенные, могут многому научиться, пользуясь коллекциями и об'яснениями, в которых, конечно, не откажут хранитель и профессора.

Наконец, так как и на этой ступени образования, не следует ограничиваться простыми об'яснениями, так как нужно еще упражнять учеников в прениях и даже в сочинениях, то необходимо убеждаться в том, что они слушают, что они усваивают, что их интеллектуальные способности приобретают активность и силу. Можно будет предоставить в каждом классе место лицам, не состоящим в числе учеников и, следовательно, не занимающимся постоянно очередными вопросами и работами, если эти лица хотели бы прослушать курс или присутствовать на некоторых уроках.

Эта публичность, использованная так, что она не будет мешать правильности занятий, имела бы три преимущества: во-первых, она давала бы возможность просвещения тем гражданам, которые не получили полного образования или недостаточно им воспользовались, она была бы средством приобрести полезные знания в любом возрасте и сделала бы таким образом непосредственные блага, являющиеся следствием прогресса в науках, достоянием не только ученых и молодежи; во-вторых, родители могли бы присутствовать на уроках, в-третьих, молодые люди, оказавшись на глазах посторонних, вступали бы в соревнование между собой и таким образом приобрели бы привычку говорить перед публикой со скромностью, уверенностью и легкостью, — привычку, которая не может создаться при условии редких выступлений в торжественных случаях.

В городах, где стоит гарнизон, можно будет предложить профессору военного искусства устраивать еженедельные собеседования для солдат, главной темой которых будет об'яснение законов и правил военного устава, выяснение их сущности и причин их возникновения. Ведь подчинение солдата дисциплине не должно ничем отличаться от подчинения гражданина закону. И оно должно быть абсолютно понятным; и оно должно внушаться разумом и любовью к отечеству, а не внешней силой и боязнью наказания. В то время, как в институтах будет излагаться элементарная теория медицинских наук, достаточная для понимания фактических приложений, врачи больниц могут организовать практические занятия и давать уроки хирургии; тогда, увеличивая число школ, где будут сообщаться эти элементарные, но правильные познания, можно будет обеспечить беднейшей части граждан помощь просвещенных лиц, воспитанных правильным методом, умеющих наблюдать, свободных как от предрассудков невежества, так и от предрассудков схоластической науки.

В морских портах специальные профессора гидрографии, морского искусства могут преподавать искусство мореплавания ученикам, уже подготовленным к его восприятию уроками математики, астрономии, физики, входящими в общий план образования. Точно так же небольшого числа учителей будет достаточно, чтобы дать образование в строительном деле с помощью аналогичных уроков; и во всех отраслях подобная организация общего образования делает более простым и дешевым профессиональное образование, общественная полезность

которого настойчиво требует его осуществления.

В школах и институтах будут излагаться именно те принципы морали, которые основаны на наших естественных чувствах и разуме и свойственны в равной мере всем людям, конституция, признавая за каждым человеком право выбора религии, распространяя полное равенство между всеми жителями Франции, не позволяет ни в коем случае внести в народное образование такой элемент, который, отстраняя детей одной части граждан, разрушал бы тем самым равенство общественного строя и давал бы отдельным религиям преимущество, противоречащее свободе общественного мнения. Безусловно необходимо отделить от морали принципы каждой отдельной религии и не включать в народное образование преподавания какой бы то ни было религии.

Религия будет проповедываться в храмах священнослужителями. Лишь в таком случае родители, какова бы ни была их вера, их мнение о справедливости той или иной религии, могут без боязни посылать детей в государственные школы, и общественная власть не будет посягать на права совести под предлогом просвещения и направления.

К тому же разве не важно обосновать мораль лишь на принципах разума? Какие бы изменения ни претерпели убеждения человека в продолжение всей его жизни, эти принципы, как покоящиеся единственно на разуме, останутся всегда одинаково истинными. Они будут всегда незыблемыми, как сам разум; человек сумеет бороться за них, если будут покушаться ввести в заблуждение его совесть. Эта основа сохранит человеку его независимость и честность, и более не будет наблюдаться это печальное зрелище, когда люди, воображающие, что они выполняют свой долг, попирают наиболее священные права или же, уверенные в том, что они повинуются богу, предают свою родину.

Те, кто верует еще в необходимость основывать мораль на какой-нибудь религии, сами должны согласиться на это разделение, так как, без сомнения, они вовсе не стремятся провести зависимость истинности морали от догматов своей религии; они полагают лишь, что люди находят в религии более могущественные побуждения для нравственной жизни, но разве эти побуждения не окажут еще большего влияния на каждый разум, способный к размышлению, если они будут укреплять все то, что уже продиктовано разумом и внутренним чувством?

Может быть, скажут, что мысль об этом отделении выше имеющегося у народа понимания? Без сомнения, нет. Именно потому, что речь идет о народном образовании, то допустим, заблуждение в этом вопросе — значит участвовать в этом заблуждении: не ставить достаточно высоко истину — значит предать ее. Если даже и верно, что политическая осторожность заставит нас в течение некоторого времени отступить еще от законов свободного народа, если эта мысль, лукавая и слабая, находит себе оправдание в той ограниченности, которую предполагают в народе для того, чтобы иметь предлог его обманывать и угнетать, то все же образование, стремящееся достигнуть такого времени, когда эта осторожность будет излишней, должно руководиться лишь одной истиной, служа ей и только ей.

Мы назвали лицами 4-ю ступень образования; здесь изучаются все науки во всей их полноте. Отсюда выходят ученые, т.-е. те люди, для которых работа ума, совершенствование собственных способностей составляют занятие всей жизни, люди, избравшие такую профессию, в которой можно достигнуть успеха только углубленным изучением одной или многих наук. Здесь же будут получать свое образование профессора. Именно посредством этих учреждений каждое поколение может передать последующему все полученное от предшествующего, а также и все то, что оно могло само присоединить к уже полученному.

Мы предполагаем учредить во Франции девять лицеев. Просвещение, исходя из нескольких источников одновременно, будет распространяться более равномерно и распределится среди большего количества граждан. При таких условиях можно иметь уверенность в том, что в департаментах останется некоторое количество просвещенных людей. Между тем, если они отправятся получать образование в Париж, они попробуют обосноваться там. Это соображение приобретает особенно важное значение, если иметь в виду общий характер нашей конституции.

Действительно, закон обязывает избрать депутатов в Законодательное Собрание из числа граждан каждого департамента, а если бы закон и не требовал этого, то это требование диктовалось бы его полезностью. Судьи и администратор также избираются в департаментах, где и выполняют свои общественные обязанности. Каким же образом можно было считать, что все сделано для того, чтобы дать нации людей, способных к выполнению самых важных обязанностей, если образование можно получить в одном единственном городе? Как же можно было сказать, что дана возможность свободного развития всем талантам, что ни один талант не может быть обойден, если в таком обширном государстве, как Франция, имеется лишь одно место, где возможно получить образование?

К тому же открытие для будущих профессоров одной единственной школы, и открытие ее именно в Париже, внесло бы определенные затруднения в успешность этого дела главным образом в смысле равномерности общего образования. Предполагается учредить 9 лицеев, так как, сравнивая это число с числом больших университетов Англии, Италии, Германии, можно прийти к заключению, что это число соответствует народонаселению Франции. Действительно

нужно, чтобы каждый гражданин, достигший 16 лет, имел возможность прослушать курс наук в лицеях и чтобы это не вело к вреду для занятий благодаря многочисленности слушатели; и при этих условиях указанное количество лицеев будет достаточно лишь для подготовки к небольшому числу профессий, при чем только часть знаний будет превосходить знания элементарные.

Наш план образования более совершенен, и подразделение его более согласуется с современным состоянием науки в Европе, чем какие-либо аналогичные учреждения, существующие в иностранных государствах. Мы полагали, что никакое подражание не достойно французского народа. Ведь наука прогрессирует с каждым годом; поэтому не превзойти того, что уже существовало, значило бы остаться внизу.

В некоторые из этих лицеев будут привлекаться молодые иностранцы. Материальные выгоды, вытекающие из этого, мало чувствительны для большого народа, но стремление распространить на возможно большем протяжении принципы свободы и равенства, та репутация, которая приобретается народом благодаря стечению иностранцев, ищущих его стране просвещения, друзья, которых этот народ приобретает в молодых людях, получивших образование в его городе, бесконечное преимущество, выражающееся в том, что язык этого народа становится более универсальным, братство наций, вытекающее отсюда, — все эти благородные взгляды на общее благо не должны быть забыты.

Некоторые лицеи будут учреждены вблизи границ: в их общем распределении на территории государства необходимо стремиться избежать большой неравномерности при имеющихся больших расстояниях. Города, в которых существуют уже учреждения, посвященные или образованию, или прогрессу наук, имеют и в этих случаях право преимущества как с точки зрения экономии средств, так и с точки зрения интересов науки.

Наконец, мы полагали, что менее значительные города, в которых общее внимание граждан могло бы обратиться на просветительные учреждения, города, в которых любовь к науке не подавлялась бы другими интересами, где общественное мнение не имело бы достаточной силы оказать на образование опасное влияние и подчинить его местным взглядам, представляли бы большее преимущество, чем промышленные города, потому что дети бедных семей изгоняются из больших городов дороговизной предметов первой необходимости. Кроме того, посылая своих детей в большие города, родители могли бы опасаться и более существенных соблазнов, более частых случаев расточительности и мотовства. Мы вовсе не хотим отнести последнего соображения и к Парижу. Единодушный голос всей Европы, считающей этот город уже в течение века одной из столиц научного мира, не позволяет нам этого. И вот, комбинируя все эти разнообразные принципы, согласуясь более или менее с каждым из них, мы распределили лицеи по городам.

Парижский лицей будет отличаться от других лишь более совершенной постановкой преподавания древних и новых языков и, быть может, некоторыми учреждениями, посвященными изящным искусствам. Эти предметы, по самой природе своей, требуют лишь одного учебного заведения для всей Франции. Мы считали полезной организацию учреждения, в котором преподавались бы все известные языки, в котором граждане всех стран могли бы найти переводчика, в котором было бы возможно анализировать и сравнивать все способы, согласно которым люди создавали и классифицировали свои идеи. Это учреждение должно содействовать открытию новых научных истин и облегчить средства сближения народов, которое нельзя более считать философской химерой.

Именно в этих лицеях молодые люди, разум которых уже в достаточной мере развит, будут изучать древность. Эти занятия не представляют для них опасности, так как они будут уже уметь разбираться в следствиях, проистекающих из различий в нравах народов, системах правления, языках, прогрессе тех или иных идей, — они сумеют одновременно и чувствовать и оценивать предлагаемые им прекрасные образцы.

Обучение в лицеях будет общим как для молодых людей, завершающих свое образование, так и для взрослых. Мы неоднократно видели в Париже, что члены академии внимательно следили за различными лекциями в Королевском коллеже и особенно часто присутствовали на некоторых из них. К тому же более полные библиотеки, обширные кабинеты, большие ботанические сады также являются средством образования. Таким же средством являются публичные конференции профессоров, так как предметом их обсуждения могут быть вопросы, по различным причинам возбуждающие интерес, но не входящие в очередные лекции, всегда подчиняющиеся определенной программе.

На всех этих четырех ступенях образование будет совершенно бесплатным.

Конституция предполагает бесплатной только первую ступень, но и вторая ступень, которая также должна рассматриваться, как общая, не может быть платной, если мы не хотим внести неравенство, благоприятное для более состоятельных классов, платящих налоги пропорционально своему состоянию; им пришлось бы платить за своих детей только пропорционально числу находящихся в школе второй ступени. Что же касается других ступеней, то с точки зрения общественного благосостояния важно дать возможность развить свои таланты

детям бедных классов. Бесплатность образования не только обеспечит отечество большим числом действительно полезных граждан и даст науке большее число людей, двигающих вперед прогресс, но даст возможность сгладить неравенство, вытекающее из различия материального положения, и соединить классы, отделенные этим различием. Других неравенств, кроме различного распределения материальных преимуществ и образования, не существует в нашем строе, и, распространяя просвещение, вы одновременно уменьшаете результаты действия обеих причин неравенства. Если преимущество образования будет реже соединено с преимуществом богатства, оно будет менее чувствительным и не будет более опасным. Преимущество рождения в богатой среде будет уравниваться равенством и даже превосходством в области просвещения, предоставляемого, конечно, именно тем, кто имеет на него больше прав.

К тому же, так как в лицеях и в институтах не будет равного числа учеников, то платность образования приведет к слишком большой разнице в положении профессоров. Богатые города, плодородные земли будут иметь всех искусных учителей и присоединят это преимущество ко всем преимуществам, уже имеющимся у них. Так как существуют всегда части наук, и часто даже чрезвычайно полезные, но привлекающие почему-то к себе мало внимания, то пришлось бы или установить различие в способах оплаты профессоров, или же сохранить между ними большое неравенство, вредящее равновесию между различными отраслями человеческих знаний, которое так необходимо для их действительного прогресса.

Заметим еще, что учащийся института или лицея, в котором образование бесплатно, будет в состоянии, не отягощая бюджета своих родителей, прослушать одновременно большое число курсов; он сумеет легко переменить свою специальность, испробовать свои силы и склонности. Если же каждый новый курс требует нового расхода, то учащийся вынужден ограничить свою деятельность узкими границами и часто, во имя экономии, пожертвовать важной частью своего образования, и это неудобство опять-таки будет существовать лишь для мало обеспеченных классов. С другой стороны, так как придется назначить профессорам определенное жалование, а оплата, вносимая учащимися, в силу необходимости будет невелика, то и экономия от введения платного образования также будет невелика. Что же касается добровольной платы, которая явится естественным следствием всего этого, то она будет иметь меньшее значение для богатых семей, чем для тех, кто приносит жертву во имя того, чтобы дети, первые годы которых были отмечены печатью таланта, могли развить его и воспользоваться им в своей жизни.

Наконец, соревнование между профессорами, их стремление увеличить число учащихся, так как это увеличение даст им соответственно большие доходы, не относится к тем высоким чувствованиям, об отсутствии которых можно было бы сожалеть, не следует ли скорее опасаться, что из подобного соревнования вырастет соперничество между учебными заведениями, что профессора будут более блистать, чем учить, что их методы, их мнения будут подчинены стремлению привлечь к себе большее число учеников?

Но, освободив образование от какого-либо вида авторитарного воздействия, будем оберегать подчинить его влиянию господствующих мнений: образование должно двигать вперед, исправлять, формировать общественное мнение, а не следовать за ним и подчиняться ему.

Вне школы первой ступени образование перестает быть в строгом смысле слова общим для всех. Но мы думаем все же, что эта двойная задача — дать отечеству все таланты, столь для него полезные, и предоставить каждому человеку средство развить свои способности, будет разрешена лишь в том случае, если дети, оказавшие наивысшие успехи на какой-либо ступени обучения, получают право учиться на следующей и будут даже содержаться на средства нации под именем воспитанников отечества.

Согласно плану Комитета приблизительно 3.850 детей получают содержание, тысяча продолжит свое образование в институтах, шестьсот — в лицеях, и около четырехсот из числа последних будет ежегодно приступать к общественно-полезной работе или отдаваться изучению наук.

Никогда, ни в какой стране общественная власть не могла бы открыть беднейшей части народа такого богатого источника счастья и просвещения; никогда не было испытано более могущественное средство для поддержания естественного равенства. Мы не ограничились поощрением изучения одних чистых наук; мы не пренебрегли стремлениями скромной промышленности, желавшей лишь обеспечить себе более легкий доступ к трудовой профессии; мы и в этом случае установили награды за усидчивость, трудолюбие, так чтобы ни одно достойное качество не было лишено внимания; и эти воспитанники отечества получают за счет родины образование во всех полезных ремеслах.

Элементарные учебники для школ первой и второй ступени будут результатом конкурса, доступного всем людям, желающим работать в области народного образования, но авторы элементарных учебников для институтов будут намечены. Профессорам лицеев не будет предписываться ничего, кроме обязательства преподавать взятый на себя курс.

Обширность элементарных учебников, предназначенных для институтов, желание, чтобы они были написаны знаменитыми людьми, чрезвычайно маленькая надежда на согласие этих людей работать над составлением учебников, если они не будут уверены в том, что их работа будет принята, трудность оценки — все эти мотивы заставили нас не распространять конкурса и на эту область. Мы сказали себе: если человек, действительно знаменитый в какой-либо научной области, пожелает составить элементарный учебник по своему предмету и отнесется к этой книге, как к своей лепте для дела народного образования, для прогресса просвещения, — эта работа будет хороша. Мы слышим здесь голос человека, знаменитого в Европе, и, следовательно, нам нечего опасаться за наш выбор. Наоборот, если мы предложим конкурс, то кто же будет отвечать за то, что мы получим действительно хорошую книгу? Как же можно высказать свое мнение, имея, например, десять работ, представляющих собою элементарный курс математики или физики в двух томах? Разве можно быть уверенным, что судьями не овладеет скука при этом разборе? Разве можно иметь уверенность, что будет возможна правильная оценка? Несколько философских точек зрения, несколько тонких, остроумных идей, замеченных в работе, не одержат ли победу в ущерб методу или ясности.

На первых трех ступенях образования изучаются элементы наук в большем или меньшем объеме: имеется определенная граница для каждой науки и для каждой ее части, которую не следует переходить. Необходимо, следовательно, чтобы общественная власть указала книги, пригодные для преподавания. В лицах же, где наука должна изучаться в полном объеме, только профессор может избрать метод. Из этого положения вытекает громадное преимущество, а именно образование никогда не может притти в упадок; мы можем быть уверены в том, что если в силу комбинации политических обстоятельств элементарные книги были бы заражены опасными учениями, — свободное образование в лицах будет бороться с действием этого зла. Таким образом мы можем не опасаться, что когда-либо голос истины может быть заглушен.

Наконец, последняя ступень образования — это Национальное общество наук и искусств, учрежденное для наблюдения и направления всех учебных заведений, для совершенствования наук и искусств для объединения, поощрения и распространения полезных открытий.

Здесь дело идет не о специальном образовании детей или даже взрослых, но о просвещении целого поколения, об общем совершенствовании человеческого разума. Здесь дело идет не о том, чтобы к знаниям того или иного отдельного индивида прибавить более обширные знания; здесь дана вся масса знаний, которую необходимо обогатить новыми истинами; здесь необходимо дать человеческому разуму новые средства ускорения прогресса и умножения открытий.

Мы предполагаем разбить это общество на четыре отделения, заседающие отдельно.

Одно единое общество, слишком многочисленное, было бы или бездеятельным, или свелось бы к слишком ограниченному числу членов в каждом заседании. В нем исчез бы элемент соревнования, а какие-либо неудачные выборы, избежать которых нет никакой возможности, были бы для него слишком опасными.

К тому же в нем возникло бы слишком много отдельных групп; ученые, образовавшие это общество, говорили бы на слишком различных языках, и большая часть докладов или прений оставила бы равнодушной значительную часть аудитории.

С другой стороны, мы хотели избежать подразделений на маленькие группы, так как общество, культивирующее одну специальную отрасль науки, слишком легко впадает в специализацию и становится чем-то вроде корпорации.

Кроме того, и во имя прогресса науки важно сблизить, а никак не разделить тех, кто соприкасается хотя бы в некоторых точках. При прогрессе каждой отдельной науки, при новых открытиях число этих точек увеличивается; эти приложения одной науки к другой открывают обильное поле жатвы полезным открытиям. Следствие распространения просвещения заключается именно в том, что вскоре ни одна наука не будет изолирована и ни одна не будет чужда другой.

Исходя из этих точек зрения, мы и произвели разделение Национального общества. Первое отделение объединяет все математические науки.

Уже в течение ста лет ни в одном ученом обществе не возникала мысль об их разделении. Незаметно переходя по различным ступеням этих наук от тех из них, которые основаны только на исчислении, к основанным лишь на наблюдении, мы можем сказать, что почти все математические науки в состоянии, с помощью этих двух методов, раздвинуть границы человеческих знаний. Безусловно полезно, чтобы те, кто в состоянии наилучшим образом владеть или одним, или другим из этих средств достижения открытий, пришли друг другу на помощь путем взаимного просвещения. Пусть химик и физик помешают ботанику ограничиваться простым перечислением имен и скудным описанием предметов и призовут математика, прилагающего свои силы к разрешению вопросов о числах или к метафизическим вопросам, направить эти силы на более полезные задачи.

Второе отделение включает этические и политические науки. Излишне, конечно, доказывать, что эти науки не могут быть разделены и что их нельзя соединять с другими.

Третье отделение включает приложения математических и физических наук к искусствам.

Здесь мы сделаем значительное отступление от общих принципов. Эта группа охватывает медицину, механику, сельское хозяйство и мореплавание.

Но мы считали нашим первым долгом сделать для этих приложений к науке то, что уже сделано нами для самых наук.

Мы нашли, что расстояние, отделяющее перечисленные четыре науки одну от другой, невелико и что общих точек соприкосновения здесь много. Так, врач, практикующий в госпитале, распоряжающийся передвижением и положением больных различными болезнями, большими операциями, трудными перевязками, извлек бы много пользы от своей связи с механиками и конструкторами. Не следует также отделять медицину от ветеринарного искусства, ветеринарное искусство — от сельского хозяйства, сельское хозяйство — от искусства строить, строительное искусство — от мореплавания.

Нельзя, одним словом, разорвать эту цепь, не нарушив полезных связей.

Остается лишь выяснить, в праве ли одна из этих наук требовать учреждения отдельного общества, посвященного ей. Медицина, сельское хозяйство, мореплавание имели бы наибольшее право претендовать на это и могли бы даже сослаться на аналогичные, уже учрежденные общества.

Но прежде всего общество мореплавателей, например, может существовать, лишь включив в свой состав все науки, на которых покоится искусство мореплавания. Это будет, следовательно, общество для изучения этих наук. Точно так же медицинское общество не может существовать, не приняв в свою среду анатомов, ботаников, химиков. Сельскохозяйственное общество должно вступить в связь с ботаниками, минералогами, химиками, политико-экономами и т.д.

Что же в таком случае последует? Уменьшение уважения к этим отдельным обществам, так как составляющие их ученые будут считать место в обществе, охватывающем всю общность наук, более ценным и более достойным соревнования. В таком случае будет необходимо или состоять в двух или трех обществах одновременно, что даст лишь одну выгоду: а именно, будет поощрять тщеславие, вредящее равенству. Или же будет дано разрешение переходить из общества в общество, а это обстоятельство повлечет за собой вечные изменения, вредные для наименее популярного общества, которое будет, конечно, заброшено. Или же, наконец, возможно требование неизменной принадлежности к одному обществу, но при таком решении вопроса все ученые, желающие состоять в обществе, объединяющем все науки, выйдут из обществ, посвященных одной единственной науке, и сохранятся те же неудобства. К тому же сколько, например, можно найти людей, которые, не являясь настолько великими геометрами или настолько искусными механиками, чтоб иметь возможность войти в состав ученого общества, могут в то же время ускорить прогресс в искусстве мореплавания? Сколько вы найдете агрономов, не имеющих имени в ботанике, но способствовавших большому прогрессу в сельском хозяйстве? Сколько имеется врачей и хирургов, знаменитых только в своей практике, но не в области научных открытий? Способность к этим приложениям наук, отделяя ее от намного гения, не может быть достоянием такого большого числа людей, чтобы была возможность образовать из них научное общество, и, не желая вредить этим полезным искусствам, мы желаем, напротив, только оказать им услугу, соединив их в большое общество, где каждое из них получило свое место. К тому же, являясь разделенными, каждое из этих обществ сделалось бы чем-то вроде высшей власти над всеми, чья профессия входит в сферу деятельности этого общества, частью в общем мнении граждан различных профессий.

Четвертое отделение включает грамматику, литературу, изящные искусства.

В Национальном обществе, в народном образовании эти искусства должны рассматриваться, как и механические искусства, только в теоретическом отношении. Цель заключается здесь в заполнении того промежутка, который образовался между отвлеченной наукой и практикой, между философией искусства и приложением его к жизни. В ателье художника, так же как в мастерской любого ремесленника, искусство должно изучаться самым упражнением к нему. Наши школы не избавляют от посещения мастерских, но в самых школах изучают лишь принципы, приложению которых должно учиться в ином месте.

Таков действительный способ распространить сознательное приложение к жизни всех искусств и ремесел, соединить связью общего разума, общего языка людей, наиболее различных своими занятиями. Ведь мы никогда не теряли из вида нашу идею — уничтожить все зачатки неравенства и увеличить для людей, прикованных природой и законами к одной и той же земле и к одним и тем же интересам, число отношений, делающих их связь более нежной и более интимной.

Разделение работы в этих больших обществах устанавливает между интеллектуальными способностями людей состояние, совершенно несовместимое с тем равенством, без которого свобода является лишь обманчивой иллюзией для класса менее просвещенного. Существуют лишь два средства уничтожить это состояние: остановить повсюду, если бы го было возможно, прогресс человеческого знания, обречь людей на вечное невежество, — источник всех пороков, или же предоставить свободу деятельности человеческого ума, Остановить равенство,

установить равенство, распространяя просвещение. Таков основной принцип нашей работы, и, конечно, не в XVIII веке должны мы опасаться упрека в том, что мы предпочли все поднять и все освободить, а не все сравнять, уничтожая и принуждая.

Это обучение искусствам, поднимаясь постепенно от школ первой ступени до лицеев, распространит «а все классы общества знание тех принципов, которые должны направлять практическое приложение этих искусств; оно послужит средством широкого распространения новых методов и открытий. Но это изучение распространит лишь те методы, Пригодность которых будет доказана на опыте. Оно будет поощрять искусства и в то же время препятствовать заблуждениям, предохранять от упадка, на который обречены деятельность и талант, когда невежество в теории предоставляет полный произвол воображению, и, быть может, таков единственный способ приблизить тот момент, когда французская нация достигнет в производствах и ремеслах того положения, которого она достигла бы давно, если бы недостатки конституции и законов не останавливали ее усилий и не давили ее промышленности.

По плану, предполагаемому нами, каждый человек может быть членом только одного отделения, но он может перейти из одного отделения в другое. Особых неудобств от этого не будет, так как каждое отделение слишком ограничено, чтобы принимать в свой состав ученых, не всецело к нем относящихся, и ни одно отделение не примет в число своих членом лицо, естественным образом относящееся к другому. Следовательно, эти переходы будут очень редкими.

Мы уже говорили о том, что каждое отделение Национального общества будет заседать отдельно; заседания будут открытыми, чтобы дать лицам, действительно интересующимся наукой, возможность слушать доклады, следить и прениями, но вовсе не для того, чтобы необходимость иметь слушателей, применяться к их понятиям, заинтересовывать или забавлять их могла оказывать влияние на порядок заседаний, форму прений и выбор лекций.

Члены одной группы будут иметь право присутствовать на заседаниях каждой другой, принимать участие в прениях, читать диссертации, помещать свои работы в сборниках, изданных любой группой, и таким образом правило принадлежать лишь к одной группе не лишит никаких реальных преимуществ ни науку, «и лиц, изучающих одновременно многие науки. Только тщеславный человек потеряет преимущество прибавить к своему имени несколько лишних слов.

Каждое отделение делится на секции; каждая секция имеет установленное число членом, часть которых живет в Париже, а часть рассеяна по всем департаментам.

Это разделение на секции необходимо, так как на обязанности общества лежит наблюдение за образованием. Оно полезно, кроме того, и потому, что в этом случае б уде существовать полная уверенность в том, что нет такой части науки, которая была бы заброшена. И в этом следствии заключается самое большое преимущество, вытекающее из учреждения ученого общества.

Действительно, каждая наука переживает моменты своей славы и моменты своего упадка. Естественный ход вещей направляет умы именно к той, где новые методы предоставляют широкое поле полезным или блестящим открытиям, в то время как в другой области таланты уже исчерпали известные методы и надо ожидать гения, который мог бы открыть новые. Таким образом эти подразделения будут полезны до того момента, когда науки, расширяя все более и более свои границы, приблизятся, придут в какое-то соприкосновение и составят одно целое. Установление числа членом Национального общества также представилось нам полезным. Без этого ученое общество не будет более объектом соревнования, к тому же оно будет принуждено вверять свои научные работы комитету, равенство в нем нарушится. Именно это явление наблюдете я в Лондонском королевском обществе. Каким образом, все семьсот или восемьсот членом могут все читать и печатать свои работы и судить о наилучших? Разве не очевидно, что большинство будет лишено возможности выпускать хорошие работы и даже правильно их критиковать? Нужно, следовательно, или ограничить число членом, или иметь, как Лондоне, аристократический комитет, или же превратиться абсолютное ничтожество. Половина этих ученых будет обычно жить в департаментах; такое более равномерное распределение ученых необходимо для прогресса наук, основанных на наблюдениях роме того, наличие в департаментах представителей научных дисциплин, польза которых очевидна населению, вызовет более равномерное распространение просвещения, приблизит его к большему числу граждан, возбудит всеобщую любовь к науке и к открытиям. Научит понимать и ценить таланты и знания, раскроет повсюду, с одной стороны, знание учителей и наших союзников, а с другой — шарлатанство дерзких врагов, для того, чтобы их вывести на свежую воду и разбить, а также не даст предрассудкам никакого убежища, где они могли бы пустить новые корни, окрепнуть и распространиться.

Члены Национального общества будут сами выбирать друг друга. Если первая ячейка будет составлена из людей наиболее просвещенных, можно с уверенностью сказать, что общество неизменно будет представлять собрание просвещенных людей. В продолжение двух лет постоянно нападали на академии, и мы просили привести хотя бы один пример действительного

открытия, отвергнутого ими, имя ученого, знаменитого по всей Европе своими работами и несколько раз избранного в академию, но никто не ответил на наш запрос, и не ответил, конечно, потому, что выборы производятся согласно печатным, т.е. вечным, документам.

Заблуждения всегда могли быть указаны, потому что ученые зависят от общественного мнения и отвечают перед всей Европой за свой выбор. Это последнее соображение чрезвычайно справедливо. Чем более судей среди людей науки имеет та или другая ее отрасль вне родной страны, тем более, как показал опыт, выборы в безопасности от всякого упрека, и этот мотив опять-таки заставил нас ограничить число членов Национального общества. Действительно, если лишь лица с европейской известностью войдут в его состав, исчезнет возможность опасаться неправильных выборов.

Однако мы приняли новые предосторожности, обеспечивающие правильность выборов.

Прежде всего, будет составлен и опубликован список кандидатов; таким образом все лица, изучающие науки или интересующиеся ими, могут, зная претендентов, оценить правильность выборов и оказать нужное давление на Национальное общество. Этим давлением явится влияние общественного мнения, вооруженного единственной властью истиной.

Все отделение, состоящее из ученых, работающих в раз личных отраслях науки, высказывает свое мнение о каждом кандидате и, сообразно своему суждению, сокращает это: список; секция производит выборы, и ответственность за правильность их падает на небольшое число лиц, обсуждающих таланты ученых, близко известных каждому из членов Членам Национального общества, живущим в провинции, будут предоставлены все права участвовать в выборах. Это обстоятельство обязывает нас принять закон, по которому для выборов достаточно подать голос, а присутствие не является обязательным. Пример итальянского общества, в состав которого входят члены из разных местностей, докалывает полную возможность этого.

Каждое отделение Национального общества избирает аналогичным образом профессоров лицеев по тем научным дисциплинам, которые входят именно в эту группу.

Профессора лицеев избирают профессоров институтов, но муниципалитет будет иметь право сокращать список кандидатов.

Что же касается преподавателей школ первой и второй ступени, то список кандидатов будет составляться профессорами ближайших институтов, а право выбора будет принадлежать для школ второй ступени муниципалитету того места, где находится школа, а для школ первой ступени — собранию родителей округа, где находится школа.

Действительно, профессора так же, как и учителя, должны обладать такими познаниями, о которых не может судить административная власть. Эти познания могут быть оценены лишь людьми, относительно которых можно иметь право предполагать, что они получили образование. Список кандидатов, свидетельствующий об их пригодности, должен, следовательно, составляться членами более высокого учреждения. Но если при выборе профессора нужно предпочесть наиболее ученого, то при выборе учителей молодого возраста, на который нравственные качества учителя оказывают сильное влияние и которому даются только самые элементарные знания, необходимо согласоваться с мнением тех, на кого природой возложена забота о подрастающем поколении, или, по крайней мере, с мнением их непосредственных представителей. Именно из этих соображений муниципалитетам предоставляется право уменьшить список кандидатов в профессора институтов. Личные и местные отношения играют некоторую роль в этих соображениях, и это право включения является вполне достаточным для того, чтобы эти соотношения могли приниматься во внимание. Специальным лицам, избранным в Национальном обществе, лицах и институтах, будет поручено постоянное наблюдение над подчиненными учреждениями. В важных случаях решение будет принадлежать одному из отделений Национального общества или же собранию профессоров лицеев или института.

Таким образом, будет дана гарантия независимости образования, и наблюдение за образовательными учреждениями будет требовать специального контроля, со стороны которого можно было бы опасаться давления. Так же Национальное общество разделено на четыре отделения, соответствующие разделению наук; так как и решение по такому важному вопросу принадлежит лишь одному отделению, то совершенно очевидно, что, не вредя надежности контроля, мы далеки от опасности воздвигнуть новую власть в стране.

Единство обучения также не нарушено, так как общие вопросы, касающиеся целого учреждения, могут разрешать лишь законами, изданными законодательной властью.

Если будут подсчитаны все суммы, расходовавшиеся ранее на ученые учреждения, замененные новыми учреждениями в настоящее время, имущество духовных обществ, занимающихся преподаванием, имущество коллежей, жалованье, оплачивавшееся городами профессорам, плата за учение в различных школах, оплата учителей этих школ, то можно прийти к выводу, что расходы по новой организации народного образования не превосходят на большую сумму и, быть может, почти равны расходам нации на старые учреждения.

Таким образом общее для всех граждан образование, более совершенное и более высокое, чем все то, что существует у других наций, заменит, даже с меньшими расходами, систему воспитания, грубое несовершенство которой представляло постыдный для власти контраст с просвещением, талантами и гением, все же пробивавшимися между всеми предрассудками и всеми политическими препятствиями.

Мы представили в этом плане организацию народного образования в той форме, в которой она должна существовать, по нашему мнению, но мы исключили из нашего доклада самое строительство новых учреждений. Мы считали необходимым заслушать желания Национального Собрания. А потом мы будем изыскивать способы привести эти желания в исполнение.

В деревнях, где будет иметься лишь одна школа первой ступени, в нее будут помещены дети обоего пола; они будут получать одинаковое образование у одного учителя. Но если деревня или город будут иметь две школы первой ступени, одна будет дана учительнице, и оба пола будут разделены.

Таково единственное положение, касающееся вопроса о женском образовании в этой части нашей работы; вопрос о женском образовании будет предметом специального доклада; действительно, если подумать о том, что в бедных семьях все домашнее воспитание детей почти целиком предоставлено их матери, если подумать о том, что, по крайней мере, во главе одной из 25 семей, занимающихся торговлей, сельским хозяйством или ремеслом, стоит вдова, то ясно, что эта часть порученной нам работы чрезвычайно важна и для общего блага и для общего прогресса просвещения.

Эту систему организации могут, быть может, упрекнуть в том, что она недостаточно уважает равенство между людьми, посвятившими себя науке, и предоставляет слишком много независимости своим членам.

Но прежде всего дело заключается здесь вовсе не в установлении отличий, вопрос идет об установлении общественных обязанностей, которые необходимо поручить людям, число которых известно, собрания которых подчинены определенным регулярным формам. Разум требует, чтобы люди, на которых возложена обязанность обучать детей или взрослых, выбирались людьми, одинаково или даже более просвещенными. А разве контроль «ад образовательными учреждениями не должен состояться из людей, равных по образованию контролируемым, если речь идет о преподавании в лицах, или же из более просвещенных людей, если речь идет о подчиненных учреждениях? Разве можно предоставить право выбора этих людей всей массе тех, кто занимается науками и искусствами или претендует на это? Но тогда почему же не призвать к этому вообще всех граждан? Ведь если только одной претензии быть ученым достаточно, чтобы иметь все права ученого, если достаточно только объединиться, чтобы назвать себя ученым обществом, то эти условия не будут исключать ни самого глубокого невежества, ни самых абсурдных доктрин. Кроме того, предоставить право выбора всем называющим себя учеными — значило бы установить настоящие корпорации цеха, выражаясь точнее. Ведь несомненно, что каждое свободное общество, несущее подобные обязанности, приобрело бы этот характер.

И опасаться следовало бы не только одного невежества, но и шарлатанства, которое весьма скоро подорвало бы народное образование, и науки, и искусства, или, по крайней мере, разрушило бы все то, что нация давала бы для их процветания.

Наконец, будет ли общественная власть производить выбор между обществами? В этом случае, соединив в одно целое людей весьма высоких научных заслуг, власть присоединила бы к ним еще больше лиц мало просвещенных, и тогда люди посредственные вводились бы в общество с большою легкостью; эти последние не так легко сдерживались бы авторитетом гениев и высоких талантов, и в обществе дарилась бы нетерпимость, тем более ужасная, что посредственность без труда вводится в заблуждение и делается причастной к шарлатанству, а также быстро начинает ненавидеть — что так для нее естественно — всякий блестящий и длительный успех. Или же общественная власть признает все иды свободных обществ? Тогда каждая группа шарлатанов будет иметь свое собственное общество. В последнем случае мы встретимся не с тем умеренным невежеством, которое судит о талантах согласно ходячему мнению, что, конечно, тоже плохо, но с тем чванливым обскурантизмом, который судит обо всем с точки зрения своего высокомерия и своих личных интересов.

Напротив, согласно нашему плану, всякие свободные общества могут производить лишь благотворное влияние. Они явятся цензором для Национального общества, которое в свою очередь будет цензором по отношению к свободным обществам. Те общества, в которых будет господствовать шарлатанство, вскоре исчезнут, так как их не будет поддерживать ни малейшая надежда пленить общественное мнение, каждое из этих обществ, смотря по ширине своих заданий, пожелает быть не ниже Национального общества, которое свою очередь пожелает не быть ниже свободных обществ. Эти свободные общества были бы естественными судьями выборов в Национальное общество. Этим они обеспечат правильность выборов даже более, чем в том случае, если бы они сами непосредственно участвовали в выборах.

Наконец, общество, на котором лежит обязанность следить за национальным образованием,

за прогрессом наук, философии и искусств, должно иметь в своем составе лишь ученых, т.е. людей, охвативших науку во всем ее громадном объеме, постигших всю ее глубину или обогативших ее открытиями.

При отсутствии такого общества, принимая во внимание то, что методы искусств и их история еще мало исследованы известны лишь небольшому числу ученых, разве нельзя предположить, что нация будет принимать, вознаграждать. Приводить в исполнение, как чрезвычайно ценные открытия, методы и средства, давно известные, отброшенные здоровой теорией или исключенные вследствие неудачного опыта.

Свободные общества не могут существовать, если они не включают одновременно и ученых, и любителей науки - именно благодаря этому главным образом и могут они внушать любовь к науке, способствовать распространению просвещения, поддерживать и совершенствовать хорошие способы изучения наук; именно этим способом будут эти общества поощрять искусства, не поощряя шарлатанство, выявлять общее мнение просвещенных людей о вопросах науки, мнение, с которым нельзя не считаться, и Национальное общество явится лишь выразителем этого мнения.

В то же время, так как каждому гражданину будет дано право свободно открыть учебное заведение, то из этого вытекает непреложная необходимость для национальных школ держаться, по крайней мере, на одном уровне с частными школами, а свобода или, вернее, равенство сохраняют в той же мере, в какой они могут иметь место в общественном учреждении.

Не следует смешивать Национального общества, предлагаемого нами, с научными обществами, которые оно заменяет. Реальное равенство, являющееся основой в нем, его абсолютная независимость от исполнительной власти, полная свобода мнений, функции, возложенные на «его в отношении народного образования, разделение деятельности, заставляющее его заниматься лишь полезными предметами, постоянное число его членов, разбросанных по всем департаментам, — все эти отличительные черты убеждают нас в том, что оно не будет заслуживать тех упреков, правда, часто преувеличенных, но иногда и справедливых, которые бросались прежним обществам. К тому же, имея конституцию, основанную на равенстве, не следует опасаться, что это общество просвещенных людей проникнется духом корпорации, столь опасным, но столь естественным для того времени, когда все было основано на привилегиях. Прежде каждый человек или стремился получить преимущества, или стремился их увеличить; теперь все знают, что все граждан имеют одинаковые права и что общественные должности не дают ничего, кроме обязанностей.

Эта независимость от всякой внешней власти, обеспеченная нами за народным образованием, не может никого страшить, так как злоупотребления немедленно исправлялись бы законодательной властью, авторитет которой распространяется непосредственно на всю систему образования. Но разве существование свободного образования и свободны научных обществ не противопоставит этим заблуждениям с своей стороны властного мнения, особенно важного потому, что при конституции, любимой народом, ни одно учреждение не может существовать, если сила закона не поддерживается общественным мнением? К тому же имеется последний авторитет, перед которым ничто не может противостать в области науки: это общее мнение просвещенных людей Европы, мнение, которое невозможно исказить или сбить с истинного пути; именно от него одного зависят блеск и прочность славы; именно оно, присоединяясь к репутации, созданной себе человеком, придает ей блеск и твердость; одним словом, оно является для ученых, писателей, философов чем-то вроде преждевременного потомства, суд которого справедлив и верен; это мнение является высшей властью, игу которой они не могут не подчиняться. Наконец, независимость образования является частью прав человечества. Так как человеку от природы свойственно совершенство, границы которого необъятны, если они вообще существуют, так как знакомство с новыми истинами представляет для «его единственное средство развить эту счастливую способность, источник его счастья и его славы, какая же власть могла бы иметь право сказать: «Вот то, что вам нужно знать, вот та граница, на которой вы должны остановиться». Ведь полезна лишь одна истина, ведь всякое заблуждение есть зло, но по какому праву могла бы власть, какова бы она ни была, определить, где истина и где заблуждение? Кроме того, власть, запрещающая проповедывать мнения, противоположные тем, которые послужили основанием установленным законам, прямо нападает на свободу мысли, противоречит цели всего общественного строя — совершенствованию законов, — естественному следствию борьбы мнений и прогресса просвещения.

С другой стороны, какая же власть может предписать проповедывать учения, противоположные принципам, направившим законодательство?

В силу необходимости пришлось бы, следовательно, выбирать между педантичным уважением к существующим законам и косвенным нападением на них, могущим ослабить это уважение. Поэтому остается лишь одно средство: абсолютная независимость мысли во всем том, что превосходит границы элементарного образования. Только в таком случае мы увидим, как добровольное подчинение закону и проповедь способов исправить их недостатки, изъять из заблу-

ждения будут существовать одновременно, при чем свобода мнений не будет вредить общественному строю, а уважение к закону не закует в цепи рассудок, не остановит прогресса просвещения и не осветит заблуждений. Если бы надо было доказать на примерах опасность подчинения образования власти, то мы привели бы пример народов, наших первых учителей во всех науках, индусов и египтян, античная мудрость которых поражает нас до сих пор; у этих народов человеческий разум достиг прогресса во времена, не поддающиеся даже точному установлению; но они впали в постыднейшее невежество, как только религиозная власть овладела правом учить людей. Мы приведем пример Китая, предшествовавшего нам в развитии наук и искусств, где прогресс внезапно был прерван государственной властью тысячи лет тому назад, когда народное образование было превращено в какую-то часть функций государственной власти. Мы приведем пример того разрушения, в которое внезапно поверглись разум и гений римлян и греков, бывшие прежде на столь высокой ступени славы, когда образование перешло и рук философов в руки священников. Будем же опасаться, помня об этих примерах, всего того, что может препятствовать свободному развитию человеческого разума. Если какая-нибудь власть остановит его прогресс, ничто не может обезопасить нас от возвращения к грубейшим заблуждениям, на какой бы высоте ни находился разум; развитие не может остановиться, не отступив назад, и с того момента, как вниманию человека предлагаются объекты, которые он не имеет права исследовать, ставится первая граница его свободе, и должно опасаться, что разум не будет более подчинен ей одной.

К тому же и французская конституция сделала из этой независимости строгий долг. Она признала, что нация имеет неотъемлемое право производить реформу всех законов; она пожелала, чтобы в области народного образования все было подвергнуто строгому обсуждению. Каждый закон не может быть отменен лишь в продолжение 10 лет. Она пожелала, следовательно, чтобы принципы всех законов обсуждались чтобы все политические теории могли проповедываться и оспариваться, чтобы ни одна система общественного строя не апеллировала к энтузиазму или предрассудкам, подобно предметам суеверного культа, «о чтобы все теории предлагались разуму в виде различных комбинаций, между которыми он имеет право выбирать. Но разве не была бы нарушена эта независимость, неотъемлемая от народа, если бы некоторые мнения были усилены всем тем, что может дать народное образование, и разве власть, взявшая себе право выбора этих мнений, не захватила бы части народного господства?

Доклад, представляемый нами собранию, составлен в соответствии с состоянием просвещения в современной Франции и в Европе, в соответствии с тем, чему нас могли научить вековые наблюдения над развитием человеческого ума в области наук и искусств, и в соответствии со всем тем, чего можно ожидать от этого дальнейшего прогресса. Мы искали всего того, что могло бы способствовать неуклонному развитию и наиболее быстрому прогрессу.

Без сомнения, придет такое время, когда научные общества, учрежденные властью, будут излишними и даже опасными, когда даже самая организация народного образования будет излишней. Это время наступит тогда, когда не придется бояться никаких заблуждений, когда все причины, подчиняющиеся предрассудкам наши страсти и личные интересы, потеряют свое значение, когда просвещение будет равномерно распространено во всей стране и во всех классах одного общества, когда все науки и все приложения наук будут освобождены от ига суеверия и яда ложных учений, когда каждый человек в своих собственных знаниях, в своих справедливых суждениях найдет оружие против всех козней шарлатанства. Но это время еще далеко; наша цель была подготовить и ускорить его наступление и, работая над созданием всех новых учреждений, мы стремились ускорить наступление того времени, когда они будут излишними.

Шарль Жилбер РОММ

ДОКЛАД о НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ в ЦЕЛОМ

Отрывок из первой части, с приложением проекта декрета
о принципиальных основах общего плана,
представлен от имени Комитета народного образования

Этот доклад состоит из двух частей; в первой части мы рассматриваем два вопроса: чем было народное образование во Франции? Чем оно должно быть?

Ответ включает изложение основ и принципов общего плана, представленного Комитетом на заключение Национального Конвента.

Во второй части мы рассматриваем следующие вопросы 1) Должна ли нация охватить все степени образования свои ми учреждениями по народному образованию? 2) Будет ли производиться на средства республики преподавание на всех ступенях народного образования? 3) В каких случаях народное образование ставится в зависимость от административного корпуса?

Часть 1. Вопрос первый. **Чем было народное образование во Франции?**

Смутная потребность в образовании определила религиозные благодеяния наших отцов, основавших большое число школ, коллежей и университетов. Качества людей, которым вверялось народное образование и которые образовали религиозные корпорации, природа предметов преподавания, внутренний режим этих учреждений — все было рассчитано на внушение уважения к благочестию основателей и распространение мудрости и заблуждений времени.

Глупое уважение к этим монашеским учреждениям продолжило до настоящего времени пороки и неудовлетворительность образования, уже давно стоявшего в возмутительном противоречии с прогрессом, производимым повсюду искусствами и философией.

В то время, как все изменялось и все совершенствовалось в науке, коллежи, эти школы заблуждения и предрассудков, оставались недвижимыми, как будто в летаргическом сне, под власть суеверной и деспотической рутины.

Право, этот мрачный хаос обычаев и писанных законов, элементы которого бесконечно нагромождаются, также имело своих учителей и свои школы, но все же право, по своей сущности, было менее наукой, чем искусством, вследствие тонкостей, изобретенных лукавым корыстолюбием для того, чтобы истолковывать в свою пользу его неясные места и противоречия.

Это собрание законов включает заблуждения и мудрость многих веков. Оно поддерживается до настоящего времени самой своею обширностью, трудностью и продолжительностью работы, необходимой для его изменения и сохранения в нем всего хорошего. Главным же образом оно существует до сих пор потому, что деспотизм желал отвлекать внимание французов ссорами и войнами дворцов и окружать их злоупотреблениями и несправедливостями для того, чтобы они не могли усмотреть сущности деспотического управления.

Медицина, величественная и обширная по своему объекту, важная вследствие многочисленных отношений, связывающих ее почти со всеми отраслями человеческих знаний, но часто неудачная на практике, преподавалась неосновательно, скучно и давала почти ничтожные знания. Она неудачно разделена на части, предлагает слишком простые средства, несправедлива и часто продажна, неискусно таинственна в своих иероглифических формулах и в своем языке, варварском, несмотря на то, что это французский язык.

Теология также имеет свои школы и свои учреждения: но, подражая остроумному художнику, изобразившему веру в виде женщины, закрытой покрывалом, мы не будем касаться священного покрывала, закрывающего ее преподавание, и мы скажем здесь только, что преподавание религии не должно более входить в народное образование и оплачиваться государством.

Все образование в **университетах** охватывается четырьмя факультетами: искусств, права, медицины и теологии, о которых мы только что говорили и которые, подобно сестрам, имеют одинаковые одеяния и говорят на одном языке. Но эти науки не всегда понимают друг друга и не всегда понимаются народом. Это сделано, без сомнения, для того, чтобы закрыть от народа методы наук, сделать их непонятными, продолжить невежество народа, его бедствия и его легковерие. Одна из этих наук, бывшая всегда более ловкой и более могущественной, заставила каждый день читать и петь перед народом на этом ему непонятном языке; а ведь это значит — заставить народ воспевать свое невежество и глупость.

Латинский язык был до сих пор почти единственным предметом преподавания в коллежах. Изучение его было бы менее бесполезным, если бы он изучался с самого начала на философии древних, на их строгой морали, их изящных искусствах, а главным образом, если бы пользовались материалами, рисующими энергичную любовь римлян к свободе в героические времена республики. Но на самом деле молодежь расходует свои силы и остается в состоянии самонадеянного и легковерного невежества, но не получает полезных и истинных знаний.

Во Франции насчитывается большое число университетов и коллежей, но сравнительно с потребностями деревень очень мало **маленьких школ**, не имеющих никакого значения, принимая во внимание методы и книги, употребляемые в них, а также и то тягостное и униженное состояние, на которое обрекают учителей гордые предрассудки прежнего времени. В угоду честолюбию класса, рассматривавшего все почетные должности в государстве, как свое поместье, власть учредила, во время последних царствований, несколько **военных школ**, которые явились новым оскорблением для народа, хотя они и давали менее варварское образование, чем коллежи.

В то время, как коллежи и сельские школы оставались в неизменном пренебрежении, сокровища богатого человека, великодушие которого было только актом гордости, направлялись на школы, посвященные знати. Его щедрость была бы великим благодеянием, если бы она была направлена на распространение образования в сельских местностях, но об этом мало говорилось.

* Ромм хочет, без сомнения, указать на крупное пожертвование маршала Де Бель Иль в 1760 г. для основания военной школы в Париже.

Еще и теперь эти школы являются объектом бесславия для друзей равенства вследствие попыток, непрестанно делаемых прежней знатью, и успехов, достигаемых ею у вероломного министерства, в смысле предпочтительного помещения в эти школы детей знати против желания закона.

Мореплавание, инженерные науки, артиллерийское искусство, пути сообщения и горное дело преподавались до сих пор отдельно, хотя они имеют несколько точек соприкосновения и их полезно связать в общую систему.

Одно учреждение требует общественного внимания по своей организации, последовательно совершенствовавшейся при Франциске I, Генрихе IV и Людовике XV, по разнообразию, важности и полезности преподавания, по своему строю, позволявшему ему быть всегда на уровне общественного просвещения: это — **колледж Франции**, которому уделяли мало внимания и который следовало бы сохранить. Общая система народного образования может лишь выиграть, взяв его за образец, как это уже сделали университеты Швейцарии, Германии, Швеции, Голландии и Англии

Науки, литература и искусство также имеют свои учреждения, назначение которых в их совершенствовании. Большое число **академических обществ** было организовано для этой цели; некоторые из них имели успех, обеспечивший им выдающееся место в истории; но, изолированные и стесненные в своей деятельности, они не могли ни содействовать друг другу, ни согласоваться между собой. Из этого вытекало, что каждое из этих учреждений имело свои традиции, свою науку и свои предрассудки. В некоторых академиях происхождение осмеливалось занять место таланта, зависть часто препятствовала прогрессу истины и проявлялась в постыдных интригах, столь обычных в маленьких корпорациях. Так, назначения были почти всегда пищей для интриг и поводом для недоразумений, сталкивая низость и дерзость с заслугами и протекцию со справедливостью. Часто слышались нарекания на их оценки, на плохое отношение к полезным открытиям, а также на их небрежность в распространении открытий и трудов.

Существование этих привилегированных обществ задевает наши республиканские принципы, является нападением на равенство и свободу мысли и вредит прогрессу искусств. Но если их организация полна недостатков, то элементы ее хороши и будут нам полезны в новой организации народного образования, которую вы установите.

Ценные **коллекции** физических и астрономических приборов, инструментов для изучения ремесел, планов и карт беспорядочно разбросаны во многих местах; о них в общем мало заботятся, они мало приносят пользы и почти всегда являются потерянными для общества.

Обширные **библиотеки**, в которых соединены мудрость и грубость, философия и предрассудки, истина и обман, ожидают трудолюбивых и образованных людей, которые освободят их от этого хаоса и отделят хорошее и необходимое от плохого и излишнего. Плохое распределение и плохое управление часто делали эти библиотеки ненужными и лишали Францию знакомства с драгоценными работами, находившимися в них.

Награды были в руках наших деспотов только средством уничтожать заслуги, бесчестить добродетель, унижать и поработать человека, так как они часто давались пороку, низости и невежеству. Только после возрождения Франции начали действительно поощрять искусства и уважать добродетель. Надо было дать нам равенство прав, чтобы научить нас вознаграждать превосходство талантов и заслуги великих деяний.

Привилегии, которые революция преследовала во всех отраслях старой администрации, сумели все же возродиться и в новой под названием **привилегий на изобретения**; это установление является нарушением равенства, препятствием прогрессу промышленности, не являясь в то же время надежной гарантией для изобретателя.

Философы уже давно говорили в своих произведениях о пороках нестройных, несовершенных и устаревших учебных заведений, на которые мы только что указали. Сегодня поднимается общий протест против них; сбросив господство духовенства, представители народа нанесли удар всем коллегам. Никто не желает более образования, которое душит гений, больше способствует удлинению детства, чем его развитию, и которое, после нескольких лет трудной и принудительной работы, оставляет только сознание невежества или смешную самонадеянность.

Ни одно из старых учебных заведений не может быть сохранено; их формы слишком не соответствуют нашим республиканским принципам и слишком далеки от современного состояния наших наук.

Вопрос второй. **Чем должно быть народное образование?**

Народное образование должно охватить в своей организации все то, что может способствовать преподаванию наук, литературы и искусств. Взятое в целом, оно должно быть универсальным; ни одна наука не должна быть отброшена или находиться в пренебрежении; все они полезны и могут сделаться еще более полезными.

Народное образование, этот источник просвещения и добродетели, охватывает и то, что относится к образованию в точном смысле этого слова, и то, что относится к воспитанию.

Воспитание развивает характер, внушает душе спасительные побуждения, управляет страстями, направляет волю, заставляет разумные принципы проникнуть в поведение и осуществляться в действии, и, как охранитель нравов, оно учит подчинять суду совести действия и мысли.

Образование собирает плоды опытов и размышлений людей всех веков и всех стран.

Воспитание делает выбор из них и укрепляет человека физически и морально, соответственно способностям к совершенствованию и положению каждого человека.

Образование, без воспитания, создает способности и гордость, таланты и хвастовство и может явиться для человека, не сдерживаемого ни разумом, ни примером, прискорбным орудием его неупорядоченных страстей.

Воспитание без образования может только создать привычки и привести ко всевозможным предрассудкам; его развитие, ограниченное в своих возможностях, является неопределенным и медленным; искренне желая найти истину и справедливость, оно не видит их, удерживает разум в узких границах и употребляет на торжество заблуждений все физические и интеллектуальные силы индивидуума, принимая даже самое свое невежество за добродетель.

Города имеют все недостатки испорченного образования; сельские местности - все заблуждения невежественного и суеверного воспитания.

Чтобы очистить страну свободы от этой грязи, испорченности и глупости, в которую погружает деспотизм людей, чтобы основательнее овладеть ими, свяжем с настоящего времени образование с воспитанием: одно будет руководить общественной жизнью, а другое – освещать ее.

Именно неразрывность этого соединения обозначаем мы с настоящего времени под именем **народного образования**, от которого зависят возрождение нравов, прогресс наук, литературы и искусств и их правильное направление в целях общественного благополучия.

Хорошее народное образование обеспечит обществу хороших сыновей, хороших супругов и хороших отцов, оно даст горячих друзей и верных защитников свободе и равенству, а политическому корпусу – просвещенных, отважных и преданных своему долгу чиновников. Оно научит богача сделать хорошее употребление из своего состояния и установить свое счастье на счастье других; оно научит бедняка преодолеть несчастье трудом и добродетелью, свойственной гордой и возвышенной душе. Оно распространит в деревнях сознание достоинства человека, победит предрассудки, заменяя их полезными истинами, будет повсюду нападать на варварскую рутину, которая притупляет все способности человека. Оно покажет, что постоянное упражнение разума имеет своим следствием его бесконечное совершенствование и увеличивает способы достижения счастья.

Народное образование просветит общественное мнение, придет на помощь общей воле и сделает таким путем более совершенствованными все установления общества.

Но прежде всего оно должно распространять ту святую любовь к родине, которая оживляет и соединяет для того, чтобы все совершенствовать, для того, чтобы обеспечить гражданам, единодушием и братством, все преимущества большой ассоциации.

Конституция обеспечит нации политическое и общественное существование; образование обеспечит ей существование моральное и интеллектуальное. Подобно человеческому телу, тело общества имеет свой орган мышления, распространяющий повсюду свои животворные ответвления, а также и орган движений и действий, создающий повсюду жизнь и счастье.

Представим себе **различные профессии и функции общества, наиболее существенны, для удовлетворения его политических и естественных потребностей**, и приведем их я обычную систему сообразно способностям, сущности и степени образования, необходимым для них.

Искусство преподавания состоит в представлении **всех человеческих знаний в виде общей согласованной системы**, соответствующей их природе и постепенному развитию, простирающемуся столь же далеко, как и прогресс человеческого разума.

Между этими двумя масштабами — нашими знаниями и нашими потребностями — могут получить граждане всех возрастов и обоого пола, развивающие свои природные способности и идущие вперед свободно и постепенно, новые интеллектуальные и физические силы, чтобы употребить их для своей собственной пользы или для пользы общества.

Степень, на которой человек остановится в своем развитии, будет указана ему самой природой, как граница, которую не могут перейти его усилия; всякое другое препятствие было бы посягательством на право каждого гражданина приобрести все то совершенство, на которое он способен.

Общее образование должно быть постепенным, распределенным так, чтобы гражданин средних способностей мог усвоить в установленный законом период достаточно большую часть образовательной лестницы. Ему должна быть дана возможность самостоятельно продолжать свое образование, приступить к полезному служению обществу, которое заботилось об его детстве, и посвятить ему свои силы, таланты и добродетели.

Луи Франсуа Антуан АРБОГАСТ
ДОКЛАД НАЦИОНАЛЬНОМУ КОНВЕНТУ
ОТ ИМЕНИ КОМИТЕТА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Граждане законодатели!

Ваш Комитет предложил вам еще только первую часть общего плана образования, — проект первоначальных школ; но он считает уже своим долгом предложить вам наиболее надежный способ выполнить этот план, способ, без которого следует отказаться от возрождения преподавания, — это составление элементарных книг.

Комитет полагает, что, хотя вы не издали еще никаких декретов ни о школах первой и второй ступени, ни об институтах, т.е. о ступени, соответствующей современным коллегам, все же следует сделать общий доклад о методах составления книг, предназначенных для этих трех ступеней образования; было бы невыгодно разделить этот доклад на части, и к тому же изменения в нескольких статьях проекта не оказали бы существенного влияния на общие идеи этих трудов. Так как составление учебников требует времени, так как вы безусловно огорчены упадком образования в некоторых областях Франции, так как большая страна не могла бы сохранить своей свободы без охраняющей силы просвещения и нравственности, ваш Комитет решил, что настоятельно необходимо и в высшей мере полезно поспешить с составлением этих работ.

Наступило, наконец, время, когда мы можем дать учителям, профессорам и французской молодежи хорошие учебники, соответствующие современному состоянию знаний, освобожденные от всего того, что могло бы затруднить изучение наук, способные внушить любовь к свободе и сообщить вечные принципы, освященные Декларацией прав. В большинстве образовательных учреждений еще преподают по посредственным книгам, большая часть которых отстала от науки почти на век. Эти книги записываются под диктовку учителя, что влечет за собой потерю драгоценного времени. Они часто становятся в руках учеников, вследствие ошибок при переписке, несвязными копиями, в которых смысл искажен и которые присоединяют к трудностям науки трудности неразборчивой рукописи главным образом при наличии цифр и таблиц. Искореним этот недостаток, уже изгнанный у наших соседей и созданный лишь для того, чтобы парализовать преподавание и замедлить или уничтожить течение прогресса.

Возвысим книги, содержащие элементы наук, на ту высоту, которой достигли самые науки. Отсутствие или недостаток хороших учебников было до сих пор одним из наибольших препятствий, противодействовавших распространению образования. Причина этого лежит в том, что до настоящего времени знаменитые ученые предпочитали почти всегда строить здание науки, а не освещать вход в него. Неуверенность в том, что учебники, которые они могли предложить, будут приняты, повидимому, немало способствовала их удалению от этой работы.

Но если представители народа призовут их пожертвовать на некоторое время славой, связанной с открытиями, для иной славы, которая достигается работой на общую пользу, если они пригласят их способствовать процветанию наук и искусств, то какой же знаменитый человек, какой же ученый патриот откажется посвятить свои труды столь прекрасному и столь важному для человечества предприятию? Кто же не захочет сделаться благодетелем современного поколения и подготовить счастье будущих поколений?

Мы можем, следовательно, обещать, что лучшие ученые Франции поспешат содействовать составлению учебников предназначенных для третьей ступени образования. Я говорю — лучшие ученые, так как только люди, наиболее образованные в науке, в искусстве, те, которые постигли всю глубину науки, те, которые расширили ее границы, способны дать совершенное изложение ее основ. Только эти ученые могут сообщить основам науки необходимые точность, ясность и понятность и извлечь из всего целого науки основные или теории, которые должны войти в эти элементы, как введение во все существующие отрасли самой науки. Для совершенного изложения элементов не является слишком великим гений Ньютона или других знаменитых людей, известные в науке и литературе.

Составление учебников имеет двойное преимущество: оно возбудит соревнование молодых людей и поддержит и облегчит работу профессоров, имея хорошую книгу, являющуюся основой уроков, талантливый человек вскоре восполнит то, чего он не знает, даже в том случае, если он не углублялся во все отрасли науки и искусства, которые он должен изучить. Не будучи принужден составлять записки, он посвятит своему совершенствованию в данной отрасли время которое он употребил бы на составление записок посредственных или полных заблуждений. В возрождении образования все зависит от первого толчка, от направления, которое вы придадите; и тот же человек, который провел бы бесполезно свою жизнь в софизмах и пустых и опасных тонкостях схоластики, будет содействовать совершенствованию человеческого разума и благополучию нации, направляя свою деятельность на полезную цель.

В действительности, законодатели, если вы создадите идеальное изложение элементов наук и искусств, то не следует опасаться недостатка в образованных людях! желающих работать в области народного образования. Мы далеки от этой боязни, так как в учителях не будет недостатка, если будут существовать хорошие учебники. И разве, облегчая - таким образом, переход к новому образованию, мы не должны питать уверенности в том, что все образованные граждане, даже те, которых доверие общества облекло наиболее важными гражданскими функциями, те, которым их состояние позволяет быть независимыми, поспешат принять участие в столь почетной и столь полезной работе? Лучший план, наиболее соответствующий состоянию наук и, следовательно, наиболее удаленный от старого порядка вещей, будет тот, который легче всего выполняется, потому что он не отвратит никого от содействия его выполнению. Обязанности преподавателя презирались, и это должно было быть так, когда образование стремилось задушить мышление, когда оно предлагало разуму более заблуждений, чем истин; но сегодня наступил момент, когда преподаватель предназначен дать детям, если можно так выразиться, вторую жизнь, жизнь гражданина, и какие же более прекрасные и более великие обязанности могут явиться украшением добродетельного и просвещенного гражданина, чем обязанность создавать граждан для отечества и создавать их достойными родины!

Одна из самых могущественных причин, в свою очередь делающая нужным составление новых учебников, — это необходимость распространять патриотизм, что возможно осуществить, включая в эти работы все принципы, говорящие о правах человека и о новых законах. Усердие многих достойных уважения граждан уже заставило их предложить книги, составленные сообразно этим взглядам, но желание иметь работы, в которых не будет ничего слабого или посредственного, стремление согласовать одну книгу с другой и образовать хорошо скомбинированное целое — все это призывает нас составить их сообразно новым, хорошо согласованным планам. Из творений многих философов были извлечены принципы управления и политики. Наступило время извлечь из них всеобщую мораль, и нравы, не имевшие значения в эпоху деспотизма, но необходимые свободе, приблизятся к своему возрождению. Особенно необходимо внушить всем сердцам ту горячую любовь к родине, которая является первой добродетелью свободного народа. Пусть ребенок видит родину, как только он откроет глаза, и пусть он не видит ничего другого до самой смерти.

Эти работы попадут за границу; вскоре они будут переведены на другие языки; быть может, по ним будет вестись преподавание, и вместе с познаниями в науке и искусствах они принесут другим нациям принципы, обеспечивающие счастье народа. Признано, что Франция превзошла в последнее время всех своих соседей в точных науках: «и одно государство не имеет столь искусных геометров, химиков, обнаруживших столько ясности и мудрости, столь блестящих писателей. Уже давно удачные работы, появившиеся во Франции, тотчас же переводятся на другие европейские языки; уже давно у наших соседей занимаются составлением хороших учебников. Если те книги, которые мы предлагаем вам и которые должны составить собрание элементов всех знаний, отвечают тому, чего мы в праве ожидать от людей, на которых было возложено их составление, то ни одна нация не перейдет с большей быстротой от неудовлетворительной постановки преподавания к лучшему преподаванию, организованному в полном соответствии с состоянием человеческих наук; и Франции будет предоставлена слава показать Европе лучшую систему образования, подобно тому, как она уже показала всем народам дорогу к свободе.

Единые для всех граждан законы сделали из всей Франции большую семью; образование, согласуясь с законами, должно быть так же всеобщим на всем протяжении республики; это — еще одна причина для составления учебников. Тогда соревнование между различными школами одного и того же рода будет сведено всецело к таланту преподавателя, т.е. анализу и изложению предметов, исполнительности и усердию в выполнении вверенных функций, к заботам об учебниках, и таким образом образование не только быстро поднимется на уровень современной науки, но вы сделаете его более совершенным.

Таковы причины, заставившие нас предложить вам составление новых учебников. Мне остается сообщить несколько мыслей о способах, наиболее пригодных привести к этой цели, и о том, каким образом должны быть написаны эти книги.

Должны быть составлены два рода книг: одни содержат элементы наук, ремесел и изящных искусств и предназначаются для институтов, т.е. для ступени образования, соответствующей современным коллегам; другие же излагают знания, непосредственно необходимые всем гражданам, знания, освобожденные от научной формы, предлагаемые менее-изошренному уму, и предназначаются для школ первой и второй ступени. Ваш комитет считал своим долгом предложить вам возложить на наиболее просвещенных людей составление книг для институтов и открыть конкурс на учебники первой и второй ступени, принять участие в этом конкурсе будут приглашаться даже иностранцы. Причина этого различия заключается в том, что ученые, заслуги которых всеобщее признаны, не займутся, быть может, учебниками для институтов, если это им не будет специально поручено, а также и в том, что нация, общественное мнение, стремление

поощрять соревнование молодых людей и работу профессоров, даже репутация нового преподавания в республике и за границей, налагает на нас обязанность принимать эти работы только от людей, широко известных как во Франции, так и в остальной Европе.

В отношении книг, предназначенных для школ первой и второй ступени, та же причина не остается более во всей своей силе; чтобы хорошо составить их, необходима привычка преподавать и делать знания доступными детям; опыт необходим даже более, чем глубокие познания в науке; а так как подобные попытки уже появились как во Франции, так и в Германии, Англии и других странах, и несколько лет тому назад были произведены успешные работы в этой сфере, то мы полагали, что вполне разумно открыть конкурс на эти книги, что этот конкурс представляет большие преимущества, знакомя нас с методами и деталями, правильность которых уже доказана на опыте, и приглашая иностранцев, любящих свободу, содействовать нам в укреплении ее путем образования. К тому же были высказаны опасения, что авторы работ, предназначенных для институтов, могут не пожелать снизойти к составлению более элементарных книг, которые должны содержать лишь немногие первоначальные сведения.

Эти авторы все же займутся ими, если на них будут возложены обязанности быть судьями на конкурсах, а это и предлагается вашим Комитетом.

Чтобы достигнуть необходимого согласования между книгами не только на одной ступени, но, кроме того, и на различных ступенях образования, ваш Комитет считал нужным принять следующую необходимую меру: она заключается в том, чтобы предложить комиссии, составленной из авторов книг, предназначенных для институтов, установить в согласии с вашим Комитетом планы как книг, предназначенных для институтов, так и книг, представляемых на конкурс и предназначенных для школ первой и второй ступени.

Я перехожу к принципам, которые должны направлять составление этих элементов науки, и я ограничусь лишь не сколькими мыслями.

Метод, следуя которому мы приходили к открытиям, является также методом, наиболее пригодным для ознакомления с этими открытиями; ведь цепь идей, которой следовал изобретатель, дает возможность даже людям ограниченных способностей понять изобретение в том случае, если, развивая юсе промежуточные идеи между известным, от которого исходили, и неизвестным, которого желают достигнуть, принимают во внимание способности каждого человека. Этот метод есть не что иное, как анализ; анализ является для наук и преподавания тем же, чем является свобода для политических установлений: .и то и другое заставляет человека почувствовать свое величие и способствует его совершенству. Анализ распространяется на все отрасли человеческих знаний; он является повсюду орудием, приводящим к изобретениям и открытиям; он один дает эту правильность оценки, это чувство истины, которое характеризует действительно образованного человека. Следовательно, в хорошо изложенных элементах науки должен всегда господствовать аналитический метод. Никогда не следует предлагать хотя бы одну единственную идею, хотя бы одно единственное определение, если они не подготовлены точным и ясным анализом. Никогда не следует предлагать какой-нибудь результат, не вытекающий из предыдущего анализа. Будем опасаться того мрачного метода, который царил в большей части прежних учебников, тех отвлеченных принципов, которые только вводили ,в заблуждение, тех обширных общих идей, которые так часто стремились проводить в жизнь, хотя они и не существуют в природе. И так как очень важно хорошо мыслить и столь опасно ошибаться, будем следовать повсюду той дорогой, которая дает нам полную уверенность в правильном мышлении. Этой дорогой всегда является анализ. Будем же повсюду следовать аналитическому методу — в работах, предназначенных для преподавания, в объяснениях, даваемых учителями; приучим молодых людей к этому методу. Таким образом вы изгоните большое число предрассудков, вы заставите полюбить учение, полезные занятия, вы внушите живой интерес к науке, всегда поддерживая внимание учеников. Настало время, и достойно просвещенных законодателей освятить великий метод анализа.

Другое соображение, не менее важное, без которого методы преподавания не могут достигнуть совершенства, имеет своим объектом заботу о точной терминологии во всех учебниках; ведь язык сам по себе есть следствие аналитического метода, а мышление почти всецело зависит от речи. Термины, и главным образом термины технические, представляют всегда новую комбинацию идей или факт, достаточно доказанный; они освещают уже сделанный анализ, чтобы облегчить другой, более сложный. Состояние науки всецело выражается все на языке, в терминологии, которой она пользуется, но во многих науках и искусствах эта терминология еще полна недостатков; она ниже полученных знаний и находится часто в противоречии с вполне достоверными актами. Следовательно, исключительно важно обратить особенное внимание на терминологию в книгах, которые не должны содержать, поскольку это возможно, никаких заблуждений и не должны сохранять предрассудков. Уже удачные преобразования, сделанные в терминологии химии и физике, констатировали эту истину перед лицом Европы. Это еще одна заслуга, принадлежащая собственно Франции, если бы мне было нужно подтвердить это положение другим примером, я привел бы ваши работы, законодатели, работы Законодательного

и Учредительного Собраний, где, в целях правильности политических идей, стремились также правильности терминологии; терминология старого режима не могла соответствовать терминологии свободы.

Французский язык является наиболее пригодным для науки из всех существующих языков, потому что он является наиболее точным, а вследствие улучшения терминологии достигнет еще большего совершенства и приобретет новые права сделаться всеобщим языком.

Предрассудок, существующий очень давно и способствовавший более, чем любой другой, искажению образования, заключается в мысли, что интеллектуальные способности развиваются только последовательно, что дети имеют только память, но не имеют мышления, так что в детстве следует ограничивать образование учением на память непонятных вещей, а также развитием воображения у детей.

Дети рассуждают так же хорошо, иногда даже лучше, ем взрослые, но в вещах доступных им, а таковы чувственные вещи. Начнем же учить детей мыслить с раннего детства. Пусть первые книги, предложенные им, приводят их к этому естественным путем; тогда, и только тогда, вы образуете их разум и их сердце. Тогда образование не будет для них более подчинением насилию, но они вскоре получат к нему влечение. Все способности развиваются постепенно, но почти Равномерно: дадим им всем занятие, но занятие приятное. Пусть дети перейдут постепенно от идей чувственных к идеям отвлеченным; пусть поставят молодых людей в те же обстоятельства, в которых находились мы сами, когда мы создавали наши точные понятия. И тогда прогресс будет быстрым, потому что будет более легким; он будет всегда вызывать довольствие, обусловленное продвижением от достигнутого к новому. Эти размышления относятся главным образом к книгам, предназначенным для первоначальных школ. Эти книги требуют особенного внимания, потому что течение всей жизни зависит в большой степени от первых впечатлений. Книги, по которым дети учатся читать, должны внушать им первые нравственные чувства. Чтение должно сопровождаться письмом, при этом надо произвести выбор между различными буквами, чтобы предпочесть для начала ту, начертание которой является наиболее ясным и наиболее легким. Первые правила арифметики должны быть изложены со всей возможной ясностью, и примеры должны быть выбраны так, чтобы они могли быть приложены к обычным случаям жизни. Сведения по естественной истории будут иметь своим главным объектом интересный анализ растений служащих нашим первым потребностям. Некоторые сведешь о явлениях, оказывающих наибольшее влияние на сельскую жизнь, некоторые познания в способах измерения полей в системе мира, в законах будут изложены в небольших книгах, в шестнадцать, двадцать, тридцать страниц. Некоторых из этих книг явятся основой для объяснений учителей, и все они будут служить упражнением в чтении, но ни одна из них не должна содержать терминов, которые превышают развитие детей и которых нельзя легко и точно вывести из предыдущих объяснений.

Наконец, законодатели, мы полагали, что недостаточно составить учебники, соответствующие современному состоянию науки. Науке и искусствам свойственно возрастающее совершенство, и мы не видим границы их способности к прогрессу.

Преподавание должно соответствовать прогрессу нации и должно, следовательно, совершенствоваться по мере прогресса. Таким образом, книги, предназначенные служить основой образования, должны часто обновляться и постоянно совершенствоваться, и ваш Комитет предложит вам свои соображения по этому поводу тогда, когда он представит вам весь план, являющийся объектом его работ.

Он ограничивается сегодня предложением следующего декрета.

Проект декрета

о составлении учебников для народного образования

Национальный Конвент, признавая, что составление хороших учебников является одним из наиболее надежных средств сообщения народному образованию совершенства, достойного свободной и просвещенной нации.

Признавая, что эта работа является безусловной необходимостью вследствие отсутствия учебников, в основе которых лежит аналитический метод и которые стоят на высоте современной науки и на уровне Декларации прав и республиканских принципов.

Признавая, наконец, что эта работа требует времени и особого внимания и что необходимо приступить к ней в возможно непродолжительном времени для того, чтобы была окончена к моменту проведения в жизнь новой организации народного образования, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Будет организована Комиссия, составленная из людей, просвещенных в науках, литературе и искусствах, для того, чтобы приступить немедленно к составлению учебников, предназначенных для преподавания на третьей ступени образования.

Ст.2. Национальный Конвент возлагает на свой Комитет народного образования выбор лиц, которые должны принять участие в этой работе, и представление их списков на утверждение Конвента.

Ст.3. Будет открыт конкурс на составление учебников для школ первой и второй ступени.

Ст.4. Тотчас же после назначения Комиссия, в согласии Комитетом народного образования, утвердит планы учебников, предназначенных для третьей ступени образования.

Ст.5. Та же Комиссия установит также, в согласии с Комитетом народного образования, программы различных учебников для школ первой и второй ступени.

Ст.6. Эти программы будут опубликованы; французские и иностранные граждане приглашаются принять участие в конкурсе на составление этих книг. Комиссия изберет между различными присланными работами те, которые будут заслуживать предпочтения.

Лаканаль – Сийес

ЛАКАНАЛЬ — СВОИМ КОЛЛЕГАМ*

I

Когда я сдал в печать проект закона, доложенного мною от имени Комитета народного образования в заседании 26 июня, я не дал предварительной речи, произнесенной мною с трибуны, в виду того, что Конвент, спеша приступить к прениям, требовал скорейшей раздачи доклада.

Я был занят пересмотром своей речи для печати, когда я увидел в одном журнале, редактируемом знаменитым публицистом (Сийесом), точное и блестящее изложение тех мотивов, которые руководили Комитетом народного образования. Без всяких колебаний я решил заменить этой драгоценной работой свою речь: когда найдено уже что-либо определенно хорошее, искать другое — значило бы искать худшее.

О новой организации народного образования во Франции

29-го сего июня

Этот журнал естественно предназначен дать отчет о плане национального образования, только что, в среду, 26 июня, представленном Конвенту Комитетом, разрабатывающим эти вопросы. Конвент своим декретом постановил напечатать проект и назначил его обсуждение на понедельник 1 июля.

Можно сказать, что с момента своего открытия Конвент неизменно осаждался жалобами и просьбами, касавшимися отсутствия народного образования. Школы, коллежи, университеты почти повсюду прекратили свою деятельность, если не согласно распоряжениям, то, по крайней мере, фактически, или же сохранили лишь печальную видимость деятельности. Таким образом уже почти четыре года, как юношество предоставлено самому себе. Хотя я и не верю в совершенство старых методов преподавания, но так очевидно, что человеческий ум имеет потребность развиваться и приобретать уже в молодые годы привычку удерживать свое внимание на чем-то данном, что я не могу не сожалеть о результатах столь длительного отсутствия образования и не могу не опасаться тех следствий, которые это положение вещей может оказать на поколения, начинающие заменять нас.

Наступило, без сомнения, время притти на помощь одной из наиболее существенных и наиболее пренебрегавшихся потребностей республики: поспешим установить образование, но установим его на основе более естественной, более национальной, более соответствующей равенству, истине и пользе, более достойной, — одним словом, нашего будущего предназначения. Таковы были взгляды Комитета и те намерения, которые он желал привести в исполнение.

Для того, чтобы правильно понимать, читатель не должен смешивать двух различных вещей: нового образования и новой организации образования.

Вторая часть, в истинном ее смысле, является работой законодателя; предмет первой части также, без сомнения, не должен быть чужд ему, но в своем выборе и развертывании он принадлежит философу, размышлявшему над развитием разума, над его потребностями, умевшему открыть или познать наиболее простые методы преподавания истинно полезных знаний, умевшему научить каждого жить так счастливо, как это только возможно.

Образование, надо в этом признаться, до этого времени сводилось почти исключительно к

* Как видно из первых строк доклада, основные мысли принадлежат Сийесу, с которым Лаканаль совместно вырабатывал проект, внесенный от имени Комитета по народному образованию в Конвент в конце июня 1793 г.

изучению литературы. Надо увеличить его сферу действия и включить в него как физическое и моральное воспитание, так и развитие чисто интеллектуальное, как промышленный и Физический труд, так и изящные искусства: ведь истинное образование охватывает всего человека и даже, стремясь к совершенствованию индивидуума, оно пытается совершенствовать и человеческий род.

Образование не ограничивается одним воспитанием: воспитание есть только часть общего образования. Когда вы воспитали и обучили детей и юную молодежь, когда вы дали и возможность приступить к изучению профессии, вы еще не закончили вашей задачи. Люди всех возрастов также должны получать непрестанное, хотя и более свободное, содействие в национальном образовании, применяющемся ко всем потребностям, ко всем интересам общего характера, а главным образом к великим общественным интересам.

Слово «образование» — термин родовой: если бы мы даже хотели освободить какие-нибудь способности и физические привычки от его обширного влияния, они все же не могли бы от него ускользнуть. Именно посредством образования приобретаются привычки. Образование заключается во всем, что мы видим и чему мы хотим подражать, так как и во «всем, что мы слышим и что мы желаем привести в исполнение.

От хороших элементарных книг и работ, способных направить преподавателей, надлежит ожидать всех результатов народного образования.

Законодателю следует поставить истинную цель, учредить систему образования, показать его сущность, найти людей, способных к преподаванию. Но определить методы, устанавливать те или иные знания или истины — не его задач. Эта работа принадлежит тому, что является наиболее свободным на земле — человеческому уму, прогресс которого необъятен, развитие которого не может ни подчиняться какому-нибудь авторитету, ни замедляться без опасности для свободы и совершенства человечества. Сравним законодателя с архитектором-механиком, которому предложено снабдить город водой. Он проектирует и конструирует свои гидравлические машины, он связывает их с рекой, но он не делает воды, которую он должен поднять и распределить согласно потребностям. Ученые, образованные люди — это те, которые знают источники, составляющие русло образования, и умеют непрерывно питать его. Найдутся лучшие источники, — тем лучше. Законодатель всегда готов воспользоваться ими, не имея необходимости изменить для этого уже существующую организацию.

Механизм образования, его внутренняя организация, его внешние отношения, польза, приносимая им, являются именно предметом административного и законодательного плана, который будет сейчас прочтен. Кроме того, следует обеспечить создание учебников, — Конвент и его Комитет предусмотрели и это. Специальным декретом была назначена Комиссия для рассмотрения элементарных книг. Этот декрет предполагает, что будет объявлен конкурс на составление учебников. Комитету пришлось, следовательно, рассмотреть вопрос об опубликовании программ по этому вопросу. Комитет закончил общее рассмотрение всех частей обучения, он составил таблицу, необходимую для выделения материала каждой из предполагаемых книг, точного выяснения ее объекта, определения ее границ; таким образом эти различные работы не будут нагромождаться одна на другую, не будет ощущаться недостатка в какой-либо книге, и эти книги смогут составить, все вместе, совершенную систему национального обучения.

Национальные празднества были включены в общий план народного образования: в действительности нет ничего более приспособленного сделать людей нравственными, постепенно просветить их в области специальных отношений и возбудить в каждом в отдельности и во всех вместе чувство соревнования, направленного на достижение уважения и славы, — соревнования, являющегося основой истинного прогресса. Сущность этих различных празднеств, как и каждой части образования, будет изложена в небольших, специально доставленных книгах. Я не знаю, но мне кажется, что если энтузиазм и воображение французского народа хоть немного приспособятся к предполагаемым играм и празднествам, то очень скоро нам не придется более завидовать установлениям античной Греции.

В предлагаемом на обозрение плане особенно поражает их, знакомых с планами, представленными Учредительному Собранию Таллейраном и Законодательному Собранию — Кондорсэ, то, что они видят в этом плане только одну ступень образования. Нет больше ни лицеев, ни Национального общества и т.д. Комитет Конвента считал нужным предложить лишь план первоначальных, но расширенных школ. Он ограничился оплатой из общих средств лишь образования, общего всем. Но эта перемена не должна смущать друзей наук и искусств.

В такой стране, как наша, где культура разума, наук, литературы и искусств достигла таких результатов и является занятием стольких людей, не следует бояться, что иссякнут источники высших знаний, ученых профессий и выдающихся талантов. В отношении всего этого можно положиться на частных предпринимателей. Тем более, что новый проект достаточно разрешает все серьезные опасения, которые могли бы быть высказаны следующими двумя положениями: одно из них извещает о поощрениях за важные заслуги и обширные ученые труды и о сохранении

сохранении различных учреждений, как, например, ботанических садов, естественно-исторических кабинетов, библиотек и т.д., стоящих, вследствие своей общеизвестной полезности, под охраной общественного мнения; второе положение дарует детям бедных граждан, проявившим свои способности в национальных школах, помощь, достаточную для того, чтобы совершенствовать эти способности у специальных профессоров, в лицеях или свободных школах. Легко видеть, что подобная организация обеспечивает все то, что необходимо сделать сегодня, ожидая более мирных обстоятельств и большей щедрости нации в организации народного образования.

ПРОЕКТ ДЕКРЕТА ОРГАНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ КОМИТЕТОМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Глава I. Учреждение национальных школ

Ст.1. Национальные школы имеют своим назначением дать детям одного и другого пола образование, необходимое французским гражданам.

Ст.2. На территории республики будет учреждена одна школа на каждую тысячу жителей.

Ст.3. В тех местностях, где население слишком разбросано, можно получить дополнительного учителя, назначаемого по просьбе администрации дистрикта и согласно декрету Национального Собрания.

Ст.4. В тех местностях, где население скучено, вторая школа учреждается только в том случае, если население достигает двух тысяч жителей, третья школа — в том случае если имеются три тысячи жителей, и так далее.

Ст.5. Каждая национальная школа разделяется на секции: одна — для мальчиков, другая — для девочек.

Следовательно, имеются учитель и учительница.

Глава II. Бюро инспекции

Ст. 6. При администрации дистрикта имеется бюро инспекции, на обязанности которого лежит наблюдение за административной частью национальных школ.

Ст.7. Бюро инспекции состоит из трех комиссаров, назначаемых общим Советом администрации дистрикта не из числа его членов.

Ст.8. Бюро инспекции обновляется на треть своего состава каждой ноной администрацией. Выбывающий комиссионер может быть переизбран.

Глава III. Об учителях

Ст.9. Учителя и учительницы национальных школ испытываются и назначаются бюро инспекции.

Это назначение утверждается администрацией дистрикта

Ст.10. Если администрация отказывается утвердить назначение бюро, бюро может произвести другой выбор.

Ст.11. Если бюро настаивает на этом назначении, а администрация — на своем отказе, администрация назначает свободное место лицо, которое, как она полагает, заслуживает предпочтения.

Об этих кандидатах доводится до сведения Центральной Комиссии, об учреждении которой говорится в следующей главе, и Центральная Комиссия делает окончательный выбор между кандидатом администрации и кандидатом бюро.

Ст.12. Жалобы на учителей и учительниц направляются прямо в бюро инспекции дистрикта.

Ст.13. Если жалоба является важной и если бюро, выслушав учителя, полагает, что он должен быть отрешен от должности, то решение бюро направляется на утверждение общего Совета администрации дистрикта.

Ст.14. Если постановление общего Совета не согласуется с взглядами бюро, дело переносится в Центральную Комиссию, решение которой окончательно.

Ст.15. Жалованье учителей и учительниц одинаково во всей республике. Оно установлено в ; оно может быть изменяемо каждые десять лет.

Глава IV. О Центральной Комиссии народного образования

Ст.16. При исполнительном Совете и под его непосредственным авторитетом учреждается Центральная Комиссия народного образования.

Ст.17. Ее функции в отношении школ заключаются в установлении с утверждения исполнительного Совета:

единообразных методов обучения; общих правил, определяющих обязанности учителей и учительниц; режима и общей дисциплины национальных школ и, наконец, в управлении школами посредством бюро инспекции.

Ст.18. Функции комиссии в отношении бюро инспекции заключаются: в сношении с ними, в наблюдении, в обнаружении злоупотреблений и в указании исполнительному Совету средств их пресечения.

Другие функции Центральной Комиссии определяются продолжением настоящего декрета.

Ст.19. Центральная Комиссия народного образования состоит из двенадцати членов. Она ежегодно обновляется в своем составе на одну треть.

Выбывающие члены могут быть переизбраны.

Ежегодные назначения производятся исполнительным Советом по списку, представляемому самой Комиссией и заключающему удвоенное число кандидатов.

Ст.20. Жалованье членов Центральной Комиссии и бюро инспекции равно жалованью учителей.

Глава V. Образование и режим в национальных школах

Ст.21. Воспитание, которое нация дает детям республики, является одновременно интеллектуальное, физическим, нравственным и промышленным; одним словом, оно охватывает всего человека.

Ст.22. Первые уроки чтения и письма даются учительницей маленьким детям обоего пола. После этого начального обучения мальчики переходят в руки учителя.

Ст.23. В обеих секциях каждой национальной школы заканчивается совершенствование детей в чтении и письме.

Преподают правила арифметики, искусство пользоваться словарем, даются первые познания в геометрии, физике, географии, морали и общественном строе.

Ст.24. Ученики национальных школ обучаются всем упражнениям, наиболее способствующим сохранению здоровья и развитию силы и ловкости тела.

Ст.25. Они специально упражняются в пении и танцах, чтобы иметь возможность участвовать в национальных празднествах.

Ст.26. Мальчики занимаются главным образом военными упражнениями, которыми руководит офицер национальной гвардии, назначаемый бюро инспекции.

Ст.27. Военному врачу дистрикта предлагается тем же бюро посещать в течение всего года все национальные школы дистрикта.

Он наблюдает гимнастические упражнения и советует наиболее подходящие.

Он исследует детей и указывает, в общем и в частных случаях, правила, наиболее способствующие укреплению и здоровью.

Ст.28. Ученики национальных школ присутствуют и имеют определенное место на национальных празднестве кантона и коммуны.

Ст.29. Несколько раз в году они посещают со своим учителем и под руководством члена магистрата ближайшие госпитали и тюрьмы.

Ст.30. Иногда их водят на фабрики и заводы, где изготавливаются общепотребительные предметы производств, для того, чтобы эти впечатления внушили им мысль о значении человеческой промышленности.

Ст.31. Часть времени, предназначенного на занятия, отдается различным общепользным ручным работам. Девочки учатся главным образом шить, вязать и т.д.

Ст.32. В определенные дни учителя читают публичные лекции по вопросам этики, социального строя, сельского хозяйства и т.д., предназначенные для всех жителей.

Ст.33. Учащиеся обеих секций каждой национальной школы образуют, каждая секция в отдельности, общество, устроенное, примерно, по тому же образцу, что и большое политическое республиканское общество.

Ст.34. Учитель и учительница извлекают из этой организации помощь в смысле облегчения преподавания и поддержания дисциплины в школе.

Ст.35. Награды даются детям, которые вели себя лучше других и были наиболее полезными школе, а также и тем, которые наиболее отличились в различных конкурсах.

Ст.36. Школьные награды раздаются, в присутствии населения, на празднике юности, одном из больших национальных празднеств кантона, об установлении которых говорится нижеследующей главе, называющейся Национальные празднества.

Ст.37. На Центральную Комиссию народного образования и на бюро инспекции возлагается установление дополнительных правил, необходимых для организации народного образования, и представление их на утверждение исполнительного Совета.

Глава VI. **Воспитанники отечества**

Ст.38. Нация предоставляет бедным детям, оказавшимся национальных школах наиболее способными к наукам, литературе и искусствам, особую помощь, дающую им возможность достигнуть высших знаний в частных школах, у свободных профессоров.

Ст.39. Эта помощь дается согласно предложению бюро инспекции и суждению Центральной Комиссии.

Глава VII. **Частные и свободные школы**

Ст.40. Закон не может ни в коем случае посягать на право граждан открывать частные, свободные курсы и школы во всех отраслях образования и свободно руководить ими.

Ст.41. Нация поощряет и вознаграждает как национальных, так и свободных учителей, профессоров, а также ученых и талантливых людей, оказавших услуги прогрессу просвещения, искусств и образования.

Ст.42. Бюро инспекции и Центральной Комиссии принадлежит право наблюдения и покровительства свободных частных школ и воспитательных учреждений.

Глава VIII. **О библиотеках и других учреждениях народного образования**

Ст.43. При Центральной Комиссии и под ее охраной имеется большая, всеобщая национальная библиотека и другие обширные библиотеки, состоящие из книг по различным отраслям наук, литературы и искусства.

Ст.44. В каждом дистрикте, при бюро инспекции и под его охраной, имеется национальная библиотека.

Ст.45. Все национальные библиотеки являются публичными.

Ст.46. Центральная Комиссия представит доклад, касающийся учреждений, уже посвященных народному образованию, наукам и искусствам, как ботанические сады, естественно-исторические кабинеты, участки земли, предназначенные для опытов сельскохозяйственной культуры, обсерватории, музеи, военные и морские школы, ученые и художественные общества, которые было бы желательно сохранить в новом плане образования.

Ст. 47. Новые учреждения и установления, благоприятствующие прогрессу человеческих знаний и искусств и их скорейшему распространению, как лицеи, институты, выставки искусств и ремесел, могут устанавливаться, согласно декрету Национального Собрания, по просьбе Центральной Комиссии, утвержденной исполнительным Советом.

Глава IX. **Республиканские празднества, частные и коммунальные**

Ст. 48. Закон не может ни в коем случае посягать и право граждан, обществ и свободных ассоциаций устраивали праздновать частные и общереспубликанские торжества.

Празднества личные, семейные, дружественные, общественные или свободных ассоциаций.

Ст.49. Все коммуны республики имеют право учреждать и праздновать коммунальные торжества, определять их значение, устанавливать их время и церемониал.

Ст.50. Расходы на коммунальные празднества могут излагаться на граждан лишь согласно добровольной подписке

Ст.51. Частные празднества не могут соединяться с празднествами коммунальными.

Как частные, так и коммунальные празднества не могут соединяться с празднествами национальными.

Если торжество частного характера происходит в общественном месте, устраивающие его обязаны известить полицию и подчиниться ее наблюдению и ее правилам для поддержания общественного порядка.

Глава X. **Национальные празднества**

Ст.52. Национальные празднества учреждаются в кантонах, дистриктах, департаментах и в том пункте, где заседает Национальное Собрание.

Ст.53. Национальные празднества в каждом из этих четырех случаев разделяются на три рода.

Они посвящены природе, человеческому обществу и французской революции.

Ст.54. В кантонах празднуют:

1. Празднество начала сельскохозяйственных работ.
2. Их окончания.
3. Животных — товарищей человека.
4. Юности.

5. Супружества.
 6. Материнства.
 7. Старости.
 8. Совершенствования языка.
 9. Изобретения письма.
 10. Происхождения торговли и искусств.
 11. Мореплавания и рыболовства.
 12. Празднество прав человека.
 13. Первого политического союза, учреждения первичных собраний и верховной власти народа.
 14. Народных выборов в управление республики.
 15. Особый праздник кантона.
- Ст.55. В дистриктах устанавливаются празднества:

1. Возвращения зелени.
2. Появления фруктов.
3. Жатвы.
4. Собираения винограда или другого местного урожая.
5. Кльта или памяти предков.
6. Празднество равенства.
7. Свободы.
8. Справедливости.
9. Благотворительности.
10. Особый праздник дистрикта.

Ст. 56. В департаментах учреждаются празднества времен года:

1. Весны — в весеннее равноденствие.
2. Лета — в летнее солнцестояние.
3. Осени — в осеннее равноденствие.
4. Зимы — в зимнее солнцестояние.
5. Празднество поэзии, литературы, наук и искусств.
6. Книгопечатания.
7. Мира и войны. (Так как война производится лишь по достижению мира.)
8. Свержения сословий и признания единства народа, 17 июня.
9. Уничтожения привилегий, 4 августа.
10. Особый праздник департамента.

Ст.57. В городе, где заседает Национальное Собрание празднуют, во имя всей республики, празднества общего характера:

1. Видимой природы — 1 мая.
2. Братства человеческого рода.
3. Французской революции — 14 июля.
4. Свержения королевской власти и учреждения республики — 10 августа.
5. Празднество французского народа, единого и нераздельного, в тот день, когда будет провозглашено, что конституция принята.

Ст. 58. Центральная Комиссия и бюро инспекции руководят национальными празднествами.

Ст.59. Храмы и другие общественные здания, которых могут быть нужными в этих случаях, предоставляются во временное распоряжение.

Ст. 60. Во всех кантонах имеется по крайней мере один национальный театр для свободного объединения граждан.

Ст.61. Мужчины занимаются там военными упражнениями, музыкой, танцами и гимнастикой.

Женщины учатся там танцам и музыке.

Эти занятия имеют в виду дальнейшее содействие все граждан торжественности и красоте национальных празднеств.

Ст.62. Образованные граждане разучивают там исторические пьесы для того, чтобы знакомить своих сограждан и напоминать им в дни национальных празднеств о наиболее важных периодах из истории человека и французской революции.

Ст.63. Национальные театры обслуживают также те, которые с этой же целью желают разучить отрывки поэтических произведений или же показать свои художественны таланты, а также и тех, которые желают сделать публичны сообщения образовательного характера.

Ст.64. На национальных празднествах кантона имеется трибунал, состоящий из престарелых граждан, назначаемые бюро инспекции для вручения пальмовой ветви кантона гражданам и коммуна, наиболее отличившимся в различных конкурсах.

Большие призы раздаются только раз в год на особом национальном празднестве кантона.

Ст.65. Кантон, граждане которого наиболее отличились на национальных празднествах дистрикта, в военных упражнениях или в музыке и танцах или красноречии и поэзии и т.д., получает также пальмовую ветвь, т.е. пальмовую ветвь дистрикта из рук судей, назначаемых бюро инспекции.

Ст.66. Большие призы дистрикта присуждаются лишь на особом национальном празднестве дистрикта за участие в конкурсе, программа которого была установлена в прошлом году.

Кантон, получивший приз, имеет право воздвигнуть в своем округе памятник славы для сохранения памяти о своем торжестве.

Ст.67. В празднествах департамента раздаются лишь те награды, список которых был установлен декретом Национального Собрания, согласно нижеследующей статье.

Празднествами департамента руководит бюро инспекции дистрикта, помещающееся в главном пункте департамента.

Ст.68. Список национальных наград, ежегодно устанавливаемый представителями народа, торжественно объявляется на общем празднестве французского народа.

Затем награды раздаются гражданам, заслужившим их, на первом празднестве департамента, в котором живет данный гражданин.

Ст.69. Национальные празднества устраиваются на средства нации; расходы ежегодно устанавливаются законодательным корпусом, согласно докладу Центральной Комиссии и мнению исполнительного Совета.

Комитет народного образования внес в свой план некоторые изменения, сущность которых я изложу в нескольких словах.

Число празднеств было уменьшено, но это изменение не вызовет никаких неудобств. Если захотят увеличить это число, когда время и опыт покажут благие результаты этого установления, всегда будет удобно это сделать. Существенно лишь учредить их, и учредить только одно или два празднества — значит уже положить начало этому делу.

Люди имеют потребность в обществе; храмы чрезвычайно способствовали смягчению характеров и пробуждению социальных чувств в человеческом роде. Они были бы еще более полезными, если бы просвещенные люди из числа их руководителей не принуждались к молчанию царившим гом отсутствием свободы слова. Эти учреждения могли бы пройти тот же путь, какой прошло развитие человеческого рода и прав человека; равенство и истинная демократия существовали бы уже на земле.

Потребность в обществе особенно заметна в деревнях; и Комитет учредил наибольшее число национальных празднеств в кантонах. К несчастью, кантоны представляют собой лишь смешную и уже выродившуюся идею первичных» союзов. Законодателям 1789 года было предложено рассматривать первичные собрания, как политические семьи равные элементы большой национальной семьи, общие дела которых должны направляться особыми представителям» Эта простая и плодотворная идея характерна для каждого народа, желающего и умеющего быть истинно свободным.

Соединение людей есть первое условие социальности государства, так же как слияние политических семей есть первое условие великого национального объединения в один единый народ.

Искусство соединять людей нуждалось в установлении первичных собраний. Но их прогресс был бы слабым и медленным, если бы законодатель не признавал их важности, не заботился о них всеми средствами, способствующими процветанию этого основного установления. Все сводится к простому взгляду: для того, чтобы поднять великое социальное здание, надо заботиться о совершенствовании элементов, а также и об их целесообразной комбинации. Мы рассматриваем первую часть этой работы: искусство соединять людей в первое политическое объединение, в первичные собрания.

Термин «кантон» должен был бы сохранить чисто географическое значение и обозначать округ, примерно, в четыре квадратных лье. Он представляет собой нечто в роде ступени в политической лестнице. Между прочим, кантоны расширились без всякой меры. Так можно было бы поступать, если бы природа позволяла нам проходить большие расстояния с такой же затратой труда и времени, как и небольшие, и если бы не надо было считаться с усталостью и недовольством граждан, которым предложено воспользоваться своими политическими правами. Но ограничимся тем, что надо сказать по вопросу, непосредственно занимающему нас.

Празднества кантонов, предложенные Комитетом, являются, как уже сказано, одним из наилучших средств сблизить людей, сделать их нравственными и просвещенными. И все друзья человечности желают их скорейшего установления. Другие соображения, политического характера, также играют здесь роль

Еще не наступил момент реформы в разделении года: наши привычки, наши многочисленные сношения с соседними народами представляют в этом отношении массу, затрагивать которую слишком опасно. Мы считали нужным ограничиться нашим календарем.

В настоящее время удивляются чрезмерному количеству дней отдыха, но никто не задумывается над тем, в каких странах и в какие эпохи возникло это прекрасное, полное гуманности установление. Оно возникло потому, что часть человечества была обречена на рабство, и каприз жадного хозяина мог окончательно изнурить несчастных рабов. Религия ограничивала такое варварство.

В странах, где все работы свободны, было бы заблуждением думать, что день отдыха не имеет никаких преимуществ даже в этом только что указанном смысле. Я не привожу всех доказательств этой истины; среди них имеются мысли, требующие слишком большого развития. Нам достаточно направить наше внимание на тот род службы, который мы называем домашней службой или, в более общем смысле, на большую часть служебных или рабочих обязательств, заключаемых на год. Разве можно думать, что домашняя прислуга или крестьянские работники не выиграют, если будут охранены дни отдыха?

Преимущество этого установления еще более очевидно с точки зрения народного образования. Я имею в виду образование взрослых, а не только ту часть его, которую представляет воспитание детей. Я говорю об образовании военном, гражданском, политическом и т.д. С этой точки зрения если бы и не существовали дни прекращения работ, то их следовало бы изобрести. Легко и без длительных размышлений убедиться в том, что эти дни являются преимуществом главным образом трудовой части народа. Но число дней отдыха надо установить разумно и равномерно распределить их между 365 днями года.

Пятнадцать празднеств, которые Комитет, согласно первоначальной редакции проекта, желал установить в кантонах, были сокращены до девяти. Комитет уничтожил празднества, посвященные животным — товарищам человека, совершенствованию языка, изобретению письма, происхождению промышленности и искусств, мореплаванию и рыболовству и народным выборам в управление республики.

В дистриктах было уничтожено лишь празднество, посвященное памяти предков.

В департаментах были уничтожены два празднества: празднество, посвященное книгопечатанию, и празднество, посвященное миру и войне. Хотя последние два слова находятся в противоречии, этот праздник является всегда праздником мира, аналогично тому, как присутствие внутренней полиции не было бы странным на празднестве общественной безопасности.

Из общих празднеств было уничтожено лишь празднество, посвященное видимой природе, наиболее общее из всех празднеств.

Если можно пожалеть об этих сокращениях, то лишь об одном, — это об упразднении празднества, посвященного животным — товарищам человека. Оно покоится на чувствительном и нравственном принципе и имеет политическое значение, которым не могут пренебрегать законодатели.

Докладчик Комитета, несколько удивленный недовольством, возбужденным его взглядами в этом вопросе, и упреками, направленными, повидимому, против него, ответил лицам, кричавшим ему: «Что же такое праздник животных?» — «Мои друзья, это — ваш праздник».

Разве кто-нибудь задумывался серьезно над вопросом, чем бы было человеческое общество без собаки, лошади, быка и т.д.? Товарищи побед человека над хищными животными, побед, обеспечивших человеку обладание земным шаром, верные друзья, с которыми он покорил и приобрел столько полезного, эти благодетели, без которых нельзя было бы ни разрабатывать питающую нас землю, ни перевозить с удобствами людей и их произведения, неоценимая полезность коровы, курицы, овец и т.д. не возбудили в душе человека благодарности? Неужели это трогательное слово «товарищи человека» ничего не говорит их сердцу? И разве у них есть сердце? И разве не имеет значения, если все коммуны одного кантона участвуют в конкурсе на лучшего барана, красивейшую лошадь и наилучшее потомство во всех породах? Совершенствование пород — один из предметов, наиболее достойных внимания законодателя.

И нельзя привыкнуть к зрелищу людей, носящих это имя и глупо смеющихся, когда им предлагают учредить это празднество, такое моральное, такое полезное со всех точек зрения. Быть может, эти люди полагали, что каждое празднество есть всегда культ того, кому оно посвящено? Вопрос не в этом. Мы чувствительны и благодарны, мы хотим быть просвещенными, мы преследуем наши политические интересы, как подобает свободным людям, вовсе не претендуя сделаться идолопоклонниками, как древние египтяне.

И можно ли поверить? Во второй год существования республики, в пятый год революции нашлись люди, которым не было стыдно утверждать о празднестве, посвященном товарищам человека, что он отзывает материализмом. Им было спокойно сказано: мы заняты теперь слишком серьезными делами и не можем возвратиться на пятьдесят лет назад к счастливым занятиям преподобных отцов-иезуитов, капуцинов и т.д.

Две новых статьи были приняты Комитетом. Они вполне в духе проекта. Первая, поставленная после статьи 15, гласит: «Учитель будет носить, при исполнении своих обязанностей на национальных празднествах, медаль с надписью. «Учитель — второй отец».

Другая статья, которая должна быть помещена после статьи 39 и лишь развивающая ее, гласит: «В тот же день учащиеся национальных школ будут помогать в домашних и в сельских работах отцам и матерям, которые не могут работать вследствие болезни».

Последнее изменение, которое хотел бы произнести в своем плане Комитет, касается центральной комиссии. Разъясним это положение подробнее.

Представьте себе на такой большой территории, как Франция, двадцать четыре тысячи национальных школ и приблизительно пятьдесят тысяч учителей и учительниц, включая в это число их помощников. В этих школах могут получать первоначальное общее образование три миллиона шестьсот тысяч детей, так как мы принимаем сто пятьдесят детей в возрасте от шести до тринадцати лет на каждую тысячу взрослых.

Вот великое и вместе с тем национальное установление: Расходы этих учреждений на жалованье, награды для возбуждения соревнования, помощь воспитанникам отечества, постройки и различные другие расходы будут самыми большими из всех трат, которые республика могла бы выдержать и в мирное время, а ведь в этом перечислении не указаны военные и морские школы, ботанические сады, национальные празднества и т.д. Разве можно отрицать, что это установление имеет потребность быть управляемым в своих материальных делах и контролируемым в способах выполнения услуг, ожидаемых от него? Следовательно, необходимо учредить в каждом дистрикте бюро инспекции, состоящее из трех выборных и переизбираемых лиц. Одно бюро на департамент было бы слишком мало, и контроль был бы только иллюзией. Если бы мы предпочли и этим бюро, учреждаемым в каждом дистрикте, управление администрацией муниципалитета, то от этого последовало бы значительное осложнение, которое дошло бы с цифры пятисот, стоящей в докладе и означающей число дистриктов, до цифры сорок две тысячи — число муниципалитетов. Каждая коммуна хотела бы иметь по крайней мере одну школу, и предназначенные общественные средства, при всей их предполагаемой значительности, были бы недостаточны при этом увеличении. К тому же большие коммуны обслуживались бы хорошо, маленькие — плохо, а это противоречит республиканскому равенству. Наконец, школы принадлежали бы более коммунам, чем нации, а это вовсе не благоприятно для единства и полноты политического союза.

Бюро дистриктов должны в свою очередь сообщаться с высшим центральным учреждением. Нападать на это положение могут лишь враги республики, единой и нераздельной. Признав эти положения, надо решить прежде всего вопрос, касающийся центрального учреждения, надо решить, кому правильнее доверить общее направление образовательных учреждений — Индивидуальному министру или коллективному министерству, т.е. центральной комиссии. Излишне доказывать, принимая во внимание самую сущность этой деятельности и ее действительное или предполагаемое влияние, что невозможно сосредоточить руководство ею в руках одного человека.

Но трудно удовлетворить людей, возмущающихся деспотизмом, если мы склонимся к одному лицу; трудно удовлетворить аристократию, если нескольким лицам поручаются общественные функции. Что же ответить на подобную логику? Нужно все же выбрать что-либо одно, если только не отказаться вообще от этого учреждения или его республиканского единства.

Но ведь скажут, что вы предлагаете комиссию или аристократическое завершение. Первый ответ: не допускайте этого. Второй ответ: предложите что-нибудь другое, предложите такое учреждение, которое не состояло бы ни из одного, ни из нескольких лиц. Третий ответ: аристократия создается не из большого числа лиц, выполняющих общественные обязанности, так как в таком случае почти все было бы аристократическим в новой конституции. Невыполнение обязанностей, признанных необходимыми и вверенных определенным лицам, создает аристократию, так как при подобных взглядах не было бы ни одного чиновника, осмеливающегося выполнять свой долг. Аристократия состоит в узурпации власти, в авторитете, «сходящем не от народа и не облеченном доверием, согласно законам конституции. Разве есть что-либо подобное в плане Комитета?

Посмотрим, из чего составляются функции, неясно различаемые вами в организации народного образования. Они разделяются на две части: первые являются завершительной целью образовательных учреждений и принадлежат учителям, это — функции преподавательские; вторые являются функциями административными, их вы и возложите на бюро в дистриктах и на центральную комиссию, возвышающуюся над ними.

Будет ли зависеть преподавание от центральной комиссии? Будет ли оно подчинено ей в своей научной части? Во всяком случае нет, — мы хотели учредить министерство, а не академию. Идея иерархии в образовании, подчинение его бюро инспекции и центральной комиссии была бы недостойна Комитета; эта идея чужда его намерениям, и Комитет стремился объявить войну этой идее, об этом свидетельствует вся его работа. Вот каким образом предполагалось организовать преподавание.

Конвентом был издан упомянутый выше декрет, по которому учреждалась комиссия для рассмотрения учебников и книг, пригодных служить руководством учителям и детям. Эти работы будут результатом конкурса. Все граждане, обладающие опытом и здравыми идеями в этой области, приглашаются работать в этом направлении. Эта комиссия будет, вероятно, лишь временной: в состав ее не будут входить ни члены Конвента, ни члены Комитета, ни члены исполнительного Совета. Она должна состояться из ученых, наиболее знаменитых в различных отраслях человеческих знаний, и быть совершенно чуждой центральной комиссии. Если только не желают предоставить преподавание способностям и убеждениям каждого отдельного учителя, нужно удостовериться тем или иным способом, что преподавание действительно ведется по нашим указаниям и ведется одинаково во всей республике.

Результатом конкурса, выбора и работ этой комиссии будут книги, пригодные направлять образование, дать однообразные методы преподавания и общие правила для всех национальных школ. Что же надо сделать, установив все это, чтобы эти меры были возведены в правило всеми учителями республики? Надо придать им обязательность. Итак, вы или издадите декрет, по которому работа этой комиссии будет непосредственно зависеть от законодательного корпуса, или же вы последуете положению статьи 18 плана Комитета; вы предоставите установление регламента этой комиссии центральной комиссии, а утверждение его — законодательному корпусу. Что же во всем этом аристократического? Разве эта аристократичность заключается в том, что здесь все скомбинировано так, чтобы двигаться вперед, и это — не фразы, бросающиеся в трибуны?

Я снова повторяю: разве можно рассматривать, как ученую и академическую аристократию, центральную комиссию, которой присущ характер министерства? Разве можно считать аристократической комиссию, имеющую, согласно плану Комитета, меньшую власть, чем любое другое министерство. Прочитайте 18 и 19 статьи, и вы увидите, что функции центральной комиссии, в отношении бюро инспекции заключаются не в пресечении злоупотреблений, а в докладах о них законодательному корпусу и предложении мер воздействия. Наконец, разве можно считать опасной корпорацией учреждение, в котором учителя, единственные прямые исполнители, совершенно изолированные и не зависимые один от другого, не имеют над собой, в части, касающейся преподавания, никакого начальства, если не считать закона, и где высшие лица, работающие в административной части, т.е. члены бюро инспекции и центральной комиссии, постоянно сменяются? Здесь нет никакой тенденции к корпоративному духу, кроме той, которая, вследствие жалких, мелких страстей человечества, имеется во всех административных областях, и, быть может, именно здесь менее, чем где-либо.

Второй вопрос, подлежащий разрешению, заключается в следующем: будет ли коллективное министерство народного образования, т.е. центральная комиссия, непосредственно подчинена, как и другие министерства, новому исполнительному совету, или же ее освободят от этой зависимости и она будет подчинена прямо законодательной власти? В последнем случае комиссия имеет, очевидно, большее значение. Ее поднимают, в некотором отношении, на один уровень с исполнительным советом; что я говорю? Она даже возвышается над ним, так как в ней соединяются одновременно функции совета с функциями ведомства. Но такое расширение авторитета не может никому нравиться. Было предложено возратить комиссию в положение простого ведомства, заместив в части, касающейся «народного образования, исполнительный совет Комитетом Национального Собрания. Новые неудобства. Эта последняя мера имеет сильную тенденцию к смешению властей, являющемуся совершенно определенным, если где-либо соединяют административные функции с чисто подготовительными работами внутреннего Комитета законодательного корпуса. Все же эта идея была только что окончательно принята Комитетом, она им будет поставлена на рассмотрение и для окончательного разрешения в понедельник 1-го июля.

Можно думать, что при этом решении слишком легко быть может, отнеслись к различию, устанавливаемому новой конституцией между исполнительным советом и министерствами. Слишком много внимания было обращено на настоящий момент, когда временный совет состоит из министров. Слишком много значения было придано плохо заглушённым беспокойствам и подозрениям или же желанию не встречать этих препятствий во время прений. Но как бы то ни было, мы полагаем, что в том или другом случае механизм может двигаться. Существенно только, чтобы он вообще имелся не мешал исправлениям опыта. Если же хотят знать последний взгляд Комитета, то нужно заменить во всех статьях, где об этом упоминается, непосредственный авторитет исполнительного совета авторитетом законодательного корпуса. Другой вопрос, довольно важный, был возбужден в третий раз, но не повлек никаких перемен в уже установленной редакции. Полезно изложить его в нескольких словах. В конце статьи 20 сказано: «Ежегодное назначение (одной трети центральной комиссии) производится исполнительным советом (или, следуя последней редакции, законодательным корпусом) из лиц, помещенных в описке, составленном самой комиссией и содержащем удвоенное число кандидатов».

Вопрос идет о последнем пункте. Его не было ранее в плане. Соображения, заставившие внести его, заставили сохранить его при вторичном обсуждении. Вот они: Конвент полагал, что люди, наиболее способные управлять в области народного образования, не встречаются среди лиц, стремящихся из честолюбия делать карьеру, людей, живущих обычно в министерских сферах и привыкших ко всем хитростям интриг. Эти люди могли бы легко отстранить скромные заслуги, просвещение и опыт, всегда приобретаемые вдали от этих вечных очагов волнений. Думали, что имена людей, наиболее достойных работать в административной или в научной области народного образования, с большей вероятностью будут представлены в списке, составленном центральной комиссией, так как комиссии легче их знать и судить; она будет достаточно благоразумна, чтобы считаться с общественным мнением, она будет усиленно бороться в бюро и Национальном Собрании против влияния интриг.

Так как вы подчиняете центральную комиссию непосредственно авторитету законодательного корпуса и, следовательно, направляете ее деятельность одним из его комитетов, то какую же защиту даете вы ей против личных проектов членов этого комитета или странных взглядов, которым они захотели бы подчинить все интересы? Разве можно обойти молчанием вопрос о том, чем является или чем может являться Комитет, составленный (в этом нет ничего невероятного) именно из тех депутатов, которые могли бы иметь особые виды на места в комиссии? Неужели вы верите, что в этом случае Комитет не мог бы вести дело так, что все, внушавшие ему подозрения, были бы удалены? Не осталась ли бы тогда комиссия лишенной всего необходимого для успешной работы? С политической точки зрения необходимо дать комиссии защиту. Перечитайте с этой точки зрения примечание, о котором идет речь, и убедитесь, что право представления удвоенного, утроенного, учетверенного (как будет угодно) числа кандидатов, данное комиссии, не является простым средством установления равновесия. В этом случае частные интересы вместо того, чтобы направляться против дела или против людей, могут надеяться на успех лишь в случае деятельности, полезной делу и справедливой по отношению к людям. Говорят: все равно, комиссия не имеет никакой цены. Я даю в этом случае лучший - с моей точки зрения ответ, лучший потому, что он освобождает меня от моих собственных заблуждений или от заблуждений других лиц. Не представляет цены? — говорите вы. Ну, хорошо, надо только уничтожить. Строчка проекта — еще не статья закона.

Предложение, устанавливающее равенство вознаграждения учителей во всех местностях республики, не было правильно понято. Намерение Комитета вовсе не заключалось в том, чтобы дать человеку, живущему в городе, где жизнь дорога, столько же, сколько лицу, живущему в деревне. Не к минимуму хотели свести равенство, а к максимуму. Было предложено дать сельскому учителю столько же, сколько и городскому. Это намерение представлялось нравственным и правильным с политической точки зрения. Столько причин притягивают просвещенных и талантливых людей в большие города, что правильно направить часть их в деревни, привлекая их обеспеченностью существования. Тогда только я увижу равенство в образовании. Разве оно было бы реальным в действительности, если бы мужчины и женщины, призванные распределять его в деревнях, удерживались там лишь своим невежеством и невозможностью лучше устроиться в ином месте?

Я не распространяюсь о преимуществах плана, представленного Конвенту Комитетом народного образования три или четыре дня тому назад; можно легко убедиться, что этот план является лишь частью более обширной работы. Это -общая основа: статьи 46 и 47 предоставляют Национальному Собранию возможность закончить здание. Изменения, внесенные Комитетом, вовсе не являются доказательством того, что в этом плане не могут быть сделаны еще более значительные изменения самим Конвентом, предполагая даже, что Конвент отдаст первенство именно этому плану, а ведь это предположение является еще более сомнительным в этом Собрании, чем в других. В этом случае я буду радоваться, если изменения мне покажутся удачными, и не буду слишком огорчаться, если они не будут удачными; пусть только не будет уничтожена органическая часть проекта, т.е. та часть, без которой он не может быть выполнен и обращается лишь в незначительный и ничтожный закон.

Примечание докладчика. Вот гот план, которому было предъявлено обвинение в аристократизме в знаменитом собрании в воскресенье 30 июня!.. Именно участникам этого собрания, читавшим этот закон, обществу надлежит судить, что аристократично в действительности — план или обвинение.

Жан Анри ГАССЕНФРАТЦ

I. РЕЧЬ в ЯКОБИНСКОМ КЛУБЕ

30 июня 2-го года республики

Конвент должен заняться завтра вопросом, представляющим наибольший интерес после конституции; это — народное воспитание. Я прошу слова по этому вопросу.

Ранее чем говорить подробно о воспитании^{*}, необходимо, чтобы вы знали, что Лаканаль не является автором проекта; отцом этого проекта является аббат Сийес, вероломство которого вам известно. Этот человек всегда вел себя с лукавством; он притворялся любящим свободу в то время, как он был охвачен аристократизмом. Я наблюдал за этим Тартюфом, как Аспазия наблюдала за ехидной с целью предохранить себя от яда.

Этот человек ненавидит революцию с 31 мая, потому что она не обогрета кровью, потому что она не имела своими руководителями диких и кровожадных священников. Аббату Сийесу было невозможно, несмотря на все его вероломство, не принять первоначальных школ. Они разделены на три части^{**}; имеется центральная комиссия, состоящая из двенадцати членов, которые будут обновляться в своем составе на треть ежегодно и которые назначаются исполнительной властью.

Согласно системе аббата Сийеса, восемнадцать или двадцать членов будут всегда ограничены самими собою; они смогут назначать, кого захотят, и образуют таким образом особую партию, так что наиболее опасное оружие попадет в руки одной корпорации, которая будет направлять республику.

Если люди, учившие абсурдным истинам, могли оказывать почти повсюду преимущественное влияние, чего же следует опасаться от людей, имеющих в своем распоряжении зрелища, игры и все средства влияния на общественное мнение? Именно новое аристократическое завершение хочет установить Сийес, по образцу Сорбонны, для того, чтобы направлять по своему желанию общественный разум. (Шум.)

Один член требует соблюдения полной тишины.

Гассенфратц продолжает:

— Было предложено бюро инспекции для того, чтобы учителя были всецело подчинены этой аристократической высшей власти. Если рассмотреть методы образования, то видно, что в них совершенно не ставится вопрос об упражнении молодых республиканцев, вверенных заботам учителей, в работе и в искусствах. Кем хотят сделать французов? Кривляками, певцами и танцорами; хотят настолько расслабни, республиканский разум, что в будущем поколении будем невозможно найти энергичных людей.

Сийес изгнал всех образованных людей из Комитета народного образования; он не только желает подчинить себе современное поколение, он желает, кроме того, помешать развитию будущего поколения. Если не займется методами образования в искусствах и ремеслах, мы будем рабами и подданными соседних государств.

Победа принадлежит тому, кто делает последний пушечный выстрел. Остерегайтесь; обессиливая французов, вы отдаете их в распоряжение чужому могуществу. Были нужны все злодеяния Сийеса, чтобы принять проект, настолько губительный для свободы и столь явно стремящийся к уничтожению французов. Таков план, который должен быть принят, и я прошу общество рассмотреть его. (Аплодисменты.)

II. КРАТКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ РЕСПУБЛИКАНЦА

Ничто на земле не замедляло развития человеческих знаний более, чем духовенство.

Насколько полезно хорошее образование для укрепления и утверждения революции, поддержания спокойствия, могущества закона и обеспечения счастья всех французов, настолько же может дурное образование исказить общественный разум, сделать слабым республиканский характер, ввести в заблуждение общественное мнение, разрушить промышленность, предрасположить наше потомство снова надеть только что разорванные оковы, восстановить трон свергнутых нами тиранов и вновь установить царство интриги, которое мы стремимся разрушить в продолжение четырех лет.

Ничто не требует большего внимания Конвент, чем план народного образования; заблуждения в этом вопросе могут быть губительными для целого поколения.

Проект, представленный Комитетом, может быть разделен на четыре части:

1) Центральная комиссия. 2) Учителя. 3) Образование. 4) Национальные празднества.

§ 1. «Центральная комиссия состоит из двенадцати членов. Она обновляется в своем составе ежегодно на треть. Выходящие члены могут быть переизбраны. Ежегодное назначение производится законодательным корпусом согласно списку, содержащему удвоенное число кандидатов и представляемому самой комиссии».

Кто не видит, что этот проект назначений способен свести центральную комиссию к

^{*} Здесь опечатка или небрежность редакции. Смысл требует, чтобы было прочитано: «о проекте воспитания», представленном от имени Комитета народного образования. — О.С.

^{**} Эти слова не имеют никакого смысла и не отвечают ни одному положению проекта. Здесь, очевидно, опечатка в «Журнале Якобинцев». — О.С.

к небольшому числу людей, представляющих и последовательно назначающих друг друга? Следовательно, таким образом в республике установится общество директоров народного образования.

Направление образования, которое находится в искусных руках, владеющих способами вечной власти, может сделаться губительным для нравов, общественного мнения, промышленности и свободы.

Мы имели в Сорбонне и у иезуитов примеры влияния, подобного тому, которое может получить в республике союз ловких людей, направляющих народное образование.

Предохраним себя от тех несчастий, к которым может привести подсобное управление.

§ 2. «Учителя и учительницы национальных школ избираются бюро инспекции. Бюро инспекции состоит из трех комиссаров, назначаемых советом администрации дистрикта не из его числа».

Все в этих назначениях производится несколькими людьми.

Предполагается способ приучить французский народ предоставлять выборы отдельным людям в то время, как конституция оседана для того, чтобы каждый пользовался своим правом выбирать.

Из выборов исключают учителей, тех, кто наиболее заинтересован в том, чтобы избранные заслуживали доверия, отцов и матерей семейств, которые должны дать своих детей.

Их принуждают доверять то, что им наиболее дорого: нравственность и мысль своих детей, людям, которых они, быть может, никогда не знали.

Так поступали епископы, сами назначая священников, не спрашивая мнения населения, для того, чтобы обеспечить свою власть.

§ 3. «На территории республики будет учреждена одна школа на тысячу жителей. Эта национальная школа разделяется на две секции: одна — для мальчиков, другая — для девочек. Следовательно, назначаются учитель и учительница».

На тысячу жителей приходится шестьдесят мальчиков в возрасте от семи до тринадцати лет.

То есть учреждается одна школа с шестьюдесятью учениками и одним учителем.

«Первоначальные уроки даются учительницей маленьким детям обоего пола».

Это значит, очевидно, значительно увеличить число учеников, приходящееся на одну учительницу, и сделать для нее невозможным продуктивно выполнять наиболее священные обязанности: обязанности преподавания.

В школах «даются первые познания в геометрии, физике, географии, этике, социальном строе. Они (ученики) специально упражняются в пении и танцах, в военных упражнениях», — все это делает один учитель с шестьюдесятью учениками.

Учителя читают в определенные дни публичные лекции для всех учителей по вопросам этики, общественного строя, сельского хозяйства.

Таким образом от каждого учителя требуются все человеческие знания, следовательно, знания несовершенные и способные дать ложные идеи ученикам; учителей так перегружают занятиями, что кажется невозможным, чтобы они могли уделять время чему-либо другому.

§ 4. В народном образовании пренебрегали наиболее существенной частью: развитием национальной промышленности, образованием в искусствах и ремеслах, и заменили это полезное образование празднествами.

Установление празднеств — прекрасная метафизическая идея.

Общественные празднества являлись бы величественными и прекрасными установлениями и имели бы большой успех у изолированного народа.

Они были полезны древним народам, которые не «мели столь близких связей между собой, как народы Европы, которые не владели книгопечатанием и почтой, быстро распространяющими мысли».

Но следует опасаться, что, имея дело с народом торговым, промышленным, земледельческим, окруженным странами с развитой промышленностью, мы придем к тому, что наши соседи организуют свою промышленность и разрушат наши фабрики и нашу торговлю в то время, как мы будем заниматься организацией наших празднеств.

Ведь не празднествами достигли англичане большого влияния на политическое равновесие Европы.

Ведь не празднествами достигли своего процветания Соединенные Штаты Америки.

Они достигли этого развитием национальной промышленности.

Будем опасаться, чтобы нас не ослабили, чтобы нас не содержали в глубокой беспечности этими празднествами и, переходя от удовольствия к удовольствию, не закрыли розами разорванные нами цепи, желая снова надеть их на нас.

Прекраснейшим празднеством, которое может быть даровано Французской республике, является организация образования в науках и искусствах, предоставление широкой свободы национальной промышленности, деятельности нации фабрикам, нашей торговле и уничтожение навсегда тирании, интриг и всех существующих семян раздора.

Луи Мишель ЛЕПЕЛЕТЬЕ

ПЛАН НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Представлен Национальному Конвенту Максимилианом Робеспьером
от имени Комиссии по народному образованию

История обязана Национальному Конвенту тремя памятниками: конституцией, кодексом гражданских законов и общественным воспитанием.

Я считаю трудной и важной работу в каждой из этих больших областей.

Если бы только мы могли создать их такими прекрасными, какими они способны быть! Ведь слава завоеваний и побед часто бывает мимолетной, а прекрасные творения остаются и делают нацию бессмертной.

Народное образование уже было предметом интересных прений.*

Точка зрения собрания на народное образование делает ему честь и много обещает Франции.

Я признаюсь все же, что все говорившееся до сих пор не охватывает тех идей, которые я выставляю в полном плане воспитания. Я осмелился задумать более широкую программу, и, приняв во внимание, в какой степени человеческий род ослаблен пороками нашей старой общественной системы, я убедился в необходимости произвести полное возрождение, создать, если можно так выразиться, новый народ.

Создать человека, распространять человеческие знания - таковы две части проблемы, которую нам надо разрешить

Первая представляет собой воспитание; вторая — образование.

Образование, хотя и доступное для всех, становится, по самому положению вещей, исключительной собственностью ограниченного числа членов общества, сообразно их способностям и избранным ими профессиям.

Воспитание же должно быть общим и благодетельным для всех. Что касается одной стороны проблемы, то Комитет народного образования ее разработал и представил вам свои ценные соображения.

Но другой стороной он совершенно пренебрег.

Одним словом, план народного образования мне представляется удовлетворительным, но народное воспитание совершенно не разработано.

Весь план Комитета покоится на учреждении четырех ступеней образования: школ первой ступени, школ второй ступени, институтов и лицеев.

Я нахожу в этих трех последних ступенях общую мысль, представляющуюся мне разумной с точки зрения сохранения, распространения и совершенствования человеческих знаний. Эти три последовательные ступени открывают образованию обильный и удачно расположенный источник. И я вижу в них могущественный и действительный способ развития талантов тех граждан, которые желают изучать науки, изящные искусства и литературу.

Но этим высшим ступеням, полезным лишь ограниченному числу людей, должны предшествовать, с моей точки зрения, образование, общее для всех, соответствующее потребностям всех, воспитание, являющееся долгом республики перед всеми гражданами, — одним словом, воспитание действительно национальное. И я считаю, что первая ступень образования, предлагаемая вам Комитетом под именем школ первой ступени, отнюдь не представляет ничего подобного.

Прежде всего я с горечью замечая, что до шести лет ребенок находится вне сферы наблюдения законодателя и что этот важный период жизни целиком предоставляется унаследованным предрассудкам и старым заблуждениям.

С шестилетнего возраста закон начинает оказывать свое влияние на ребенка, но это влияние лишь частичное, временное, и, по самому положению дела, оно влияет лишь на небольшое число индивидуумов, составляющих нацию.

Согласно проекту, должны быть учреждены 20000—25000 школ первой ступени, т.е. приблизительно одна школа на квадратное лье.

Здесь уже начинается первое неравенство, ибо дети, живущие в крупных городах, селах и центрах, где именно и будут учреждаться школы, находятся гораздо ближе к школе, будут пользоваться ею чаще и более регулярно; наоборот, живущие в деревнях и поселках не смогут посещать школу аккуратно, вследствие затруднений, представляемых расстоянием, временем года и массой других обстоятельств.

* Лепелетье имеет в виду прения о народном образовании с 10 декабря 1792 года по 24 декабря того же года.
- О.С.

Это затруднение будет испытываться большей частью населения.

Достаточно простого подсчета, чтобы в этом убедиться.

В республике существует 44000 муниципалитетов, предполагается учредить 20—25000 школ первой ступени; ясно, что наивысшее отношение будет — 2 общины на одну школу. Но никто не может сомневаться в том, что именно та община, в которой будет учреждена школа, имеет большие преимущества в смысле непрерывности занятий, удобства обучения и продолжительности школьного дня.

Еще большее неравенство распространится вследствие различного положения родителей, и здесь люди состоятельные, т.е. меньшинство, будут находиться в наилучшем положении.

Всякий, кто может, освобождает от работы своего ребенка, чтоб иметь возможность посылать его каждый день на несколько часов в школу.

Но что же будет делать несостоятельный класс?

Бедный ребенок! Вы ему предлагаете образование, но прежде дайте ему хлеб. Иначе, его трудящийся отец должен лишиться себя куска, чтоб прокормить своего ребенка, и поэтому является необходимостью в том, чтобы ребенок заработал свой хлеб. Итак, время ребенка должно быть также занято работой, ибо от работы зависит его существование.

Неужели вы хотите, чтобы он пошел в отдаленную школу, на расстоянии, может быть, в пол-лье от его дома, после того, как он провел свой рабочий день в июле?

Бесполезны будут установленные вами принудительные законы: отец не будет в состоянии обойтись без работы ребенка, кое-что зарабатывающего уже в возрасте восьми—девяти—десяти лет. Небольшое количество часов в неделю — вот все, что может быть принесено в жертву. Итак, проект организации школ, подобный предлагаемому, принесет пользу лишь незначительному числу граждан, существующих независимо и не нуждающихся. Да, они могут дать возможность своим детям широко пользоваться благами образования, но на долю бедноты останутся лишь обрывки знаний.

Это несправедливое распределение благ первоначальной школы — наименьшая из несообразностей, поражающих меня в ее организации. Я нахожу еще большие несоответствия в предлагаемой системе воспитания.

Я сожалею о том, что один из наиболее необходимых элементов воспитания опущен, а именно — физическое воспитание. Я знаю, что предполагаются гимнастические упражнения, — это хорошо, но этого недостаточно. Здоровое и соответствующее детскому возрасту питание, физические работы, не слишком трудные упражнения, последовательные, но постоянно повторяемые в течение длительного периода жизни, — вот единственные средства создать привычки, вот надежные способы дать телу все развитие и все способности, которые ему свойственны.

В отношении же организации нравственного воспитания несколько полезных наставлений, некоторое количество сведений — вот тот узкий круг, в котором заключен предлагаемый нам план. Подобные занятия займут несколько часов, а

!вся остальная часть дня будет предоставлена случайностям, так как ребенок по окончании уроков возвращается в обстановку своей семьи — иногда роскошную и изнеживающую, иногда грубую и бедную, иногда бездеятельную и праздную. Несчастливая жертва пороков, заблуждений, несчастья, небрежности окружающей среды, он будет несколько менее невежественным, чем ранее; школы будут несколько более многочисленны, учителя будут немногим лучше, чем сегодня; но разве мы таким образом создадим людей, граждан, республиканцев? Одним словом, разве таким способом может возродиться нация? Все несоответствия, которые я изложил, неразрешимы, если мы не примем великого решения в целях благополучия республики.

Осмелимся издать закон, устраняющий все препятствия, облегчающий выполнение лучших планов воспитания, создающий прекраснейшие учебные заведения, закон, который безусловно будет принят через 10 лет, если мы не лишим себя чести принять его сегодня. Этот закон предназначен всецело для бедняка, так как он переносит на него изобилие богатого, но этот закон должен быть одобрен и богатым, если этот богатый — разумный человек. Этот закон состоит в установлении воспитания, действительно национального, действительно республиканского, действительно одинаково доступного для всех, единственно способного воссоздать человеческий род и в физическом, и в моральном отношениях.

Положим в основу этот спасительный принцип, но постараемся внести в него изменения, необходимые с точки зрения современного состояния умов и интересов промышленности.

Я прошу, чтобы вы издали декрет, по которому всем детям в возрасте от 5 до 12 лет (для мальчиков) и от 5 до 11 (для девочек), без всякого различия и без всякого исключения, предоставляется общественное воспитание на средства республики, так что все они, находясь под святым покровом равенства, получают одинаковую одежду, пищу, образование и уход.

Способ, согласно которому я предложу вам распределить расходы по содержанию этих учреждений, возлагает всю тяжесть расходов на состоятельный класс: налог будет мало чувствителен для бедноты. И таким образом без борьбы и несправедливости вы сгладите

случайное неравенство, существование которого является общественным бедствием. Я раскрою в нескольких словах преимущества, детали и средства выполнения плана, предлагаемого мною. Все дети пользуются благами общественного воспитания в продолжение семи лет — с 5 до 12.

Этот период жизни является решающим для образования физического и морального существа человека.

Здесь именно необходимо ежедневное и ежеминутное наблюдение.

До 5 лет нельзя не предоставить ребенка заботам матери: таков голос, такова потребность природы. Слишком много деталей, слишком много ежеминутного внимания требуется в этом возрасте; все это принадлежит материнству.

Все же я полагаю, что закон может оказать некоторое влияние на эти первые мгновения человеческого существования. Но вот какими границами я предлагаю ограничить его действие.

Ободрять матерей и помогать им, инструктировать их, живо заинтересовать их самих в кормлении своих детей, разрушить их вредные заблуждения и небрежности, указать на спасительную необходимость внимания и забот, сделать для них рождение и сохранение детей не обременительной тяжестью, а, наоборот, источником довольства и предметом возрастающей надежды, — и только в этих мерах заключается все то, что мы можем еще тать для улучшения воспитания до пятилетнего возраста; это и указано в нескольких статьях предлагаемого мною закона. Все эти меры очень просты; но я убежден, что их действие в нашей республике скажется в уменьшении «а четверть, примерно, ежегодной смертности детей, погибающих жертвами нищеты, предрассудков и небрежности.

В пятилетнем возрасте отчество получит ребенка из рук природы, в двенадцать лет оно возвратит его обществу.

Этот период времени, вследствие особых обстоятельств и политического положения Франции, представляется мне наиболее подходящим сроком общественного воспитания.

Закончить воспитание в десятилетнем возрасте было бы слишком рано, работа едва начата.

В двенадцать лет привычки привиты и запечатлены на продолжительный срок.

Возвратить десятилетнего ребенка его бедным родителям — часто значило бы обременить их еще одной тяжестью, и благодеяние нации не было бы полным.

В двенадцать лет дети могут содержать себя, они вносят новый источник дохода в семью.

Двенадцать лет — это возраст, пригодный для изучения различных ремесел, это — возраст, в котором ребенок уже обладает силой и может приучаться к земледельческим работам. Это — также и возраст, когда он, уже сформированный, может плодотворно изучать изящные искусства, литературу и науки.

В обществе существует много обязанностей; масса профессий призывает граждан.

В двенадцать лет наступает момент для изучения одной из них, более раннее изучение было бы преждевременно; позже исчезают гибкость и податливость, которые представляют счастливый дар детства.

До двенадцатилетнего возраста общее образование целесообразно, так как цель его — создание не ученых ремесленников или хлебопашцев, а сообщение сведений, необходимых всем профессиям.

До двенадцати лет общее образование целесообразно, так как цель его — сообщить детям физические и моральные качества и привычки и познания, общепользные для всех людей.

Когда же пришло время избрать профессию, общее воспитание должно закончиться, так как каждая профессия изучается различно и собрать их все в одной школе невозможно.

Мысль о продолжении общественного воспитания до окончания юношеского возраста — прекрасный сон. Мы с наслаждением грезим о «ем с Платоном; иногда мы с энтузиазмом читали о применении его к жизни в летописях Лакедемонии; иногда мы находили нелепую карикатуру на него в наших коллежах, но ведь Платон воспитывать только философов, Ликург — только солдат, наши профессора — только школьников.

Французская республика, слава которой заключается в торговле и земледелии, нуждается в создании людей всех профессий, поэтому не в школах надо запереть детей, а ввести их в различные мастерские, в поля; всякая другая идея — химерична и, под обманчивым видом совершенства, связала бы нам руки, уничтожила бы промышленность, разрушила бы общественный строй и внесла бы в него разложение.

Я предлагаю, чтобы девочки оканчивали свое общественное воспитание в возрасте 11 лет; они скорее развиваются и, кроме того, могут в более раннем возрасте приступить к изучению пригодных для них ремесел, так как эти ремесла менее требуют физической силы.

Впоследствии я буду говорить о дополнительном образовании, доступном для всех молодых граждан без исключения. Я буду говорить также о тех науках, которые пожелают изучать небольшое число граждан сообразно своему вкусу, способностям или таланту.

Но это образование предназначено для юношества; никто не приступит к нему ранее двенадцатилетнего возраста; оно следует за общественным воспитанием, — необходимо прежде пройти этот первоначальный общий курс образования.

Я возвращаюсь снова к способу организации учреждений.

В городе для каждого участка, в сельских местностях для каждого кантона будет достаточно одного дома для учебного заведения. Этих учебных заведений будет учреждено несколько, если население этого пожелает; каждое вместит от 400 до 600 учеников.

Я предлагаю подобную организацию, так как она представляет два преимущества: с одной стороны, она уменьшит расходы, которые будут меньше в одном большом доме, чем в нескольких отдельных домах; и в то же время она не слишком отдаляет детей от их семейств; самое большое расстояние от школы будет не более двух—трех миль, родители могут без особого труда часто видеть детей, доверенных ими родине, и суровость республиканского учебного заведения не заставит сожалеть о правах природы.

Но здесь возникает важный вопрос.

Будет ли обязательно для родителей посещение их детьми общественного учебного заведения или же им лишь будет предоставлена возможность пользоваться этим национальным благом?

Они должны быть к этому принуждаемы согласно основным принципам и во имя интересов общества если не сейчас, то по истечении нескольких лет.

Но в настоящий момент вам представится, быть может, более сообразным постепенно подготовить умы к восприятию основ нашей новой конституции. Я предлагаю вам нижеследующее с известным сожалением; я подчиняю требованиям вашего благоразумия изменения, внесенные мною в основную мысль проекта, но мое задушевнейшее желание в том, чтобы вы не признали этих изменений необходимыми. Эти изменения заключаются в издании декрета, по которому посещение детьми общественных учебных заведений будет не обязательным для родителей в продолжение четырех лет от сегодняшнего дня. Но по истечении этого срока, когда мы достигнем, если можно так выразиться, республиканской силы и могущества, я требую, чтобы каждый гражданин, отказавшийся поместить своих детей в общественное учебное заведение, был лишен прав гражданина до тех пор, пока он не выполнит своего гражданского долга; кроме того, я требую, чтобы этот гражданин платил в двойном размере налог на народное образование, о котором я сейчас буду говорить.

Вам будет легко разместить эти школы в зданиях, принадлежащих нации: в церквях, домах эмигрантов и в других собственности республики.

Я хотел бы также, чтобы вследствие ограниченности этого источника старые цитадели феодализма были предоставлены для школ. Со всех сторон восстанут против существования этих замков, этих башен, напоминающих о ненавистном гнете. Вместо их уничтожения употребим же с пользой эти старинные здания!..

По подсчетам, сделанным теперь мною, мне представляется, что было бы достаточно одного учителя на 50 детей.

Сначала могло бы показаться, что это слишком большая тяжесть для одного лица, но я полагал, что было бы легко распределить детей так, чтобы более старшие, десяти и одиннадцати лет, например, оказывали помощь учителю в его обязанностях, следили за младшими, помогали при повторениях. Я вижу много преимуществ в таком распределении обязанностей в детских обществах, именно это распределение даст возможность облегчить выполнение всех деталей и поддержать в детях строгую дисциплину.

Каждый учитель будет наблюдать за одинаковым числом детей разного возраста. Он будет независим от других учителей, но и его авторитет будет распространяться лишь на вверенных ему детей; он будет ответственен лишь перед общественной администрацией и перед специальными органами надзора, о которых я буду говорить ниже.

Я даю лишь беглый очерк: я не развиваю способов создания и организации учебного заведения; наименования, распределения учителей и учительниц, внутренний порядок дома — все эти детали будут объектом специального устава.

Я спешу приступить к более интересной части моей работы: я хочу изложить систему воспитания, которая будет установлена в общественных учебных заведениях.

Здесь я отступаю от всякой абстрактной теории; я откидываю все научные изыскания, касающиеся природы человека, того морального и физического совершенства, на которое он способен, происхождения и причин его ощущений, страстей, добродетелей и пороков. Пусть естествоиспытатели и метафизики размышляют над этими великими вопросами; я признаюсь, что люблю только простые и ясные идеи. Я ищу хороший, доступный метод, здравые, простые способы, благие и очевидные результаты; пусть не будет ничего сложного, но пусть все будет полезно. Я всегда думал, что в политике, законодательстве, социальной экономии мало полезны мысли, слишком тонкие, слишком свободные и, если можно так выразиться, слишком совершенные. Нужно добиться определенных результатов, и если я сумею осуществить

достаточное количество благ для общества в целом и для индивидуумов в частности, я буду считать, что я принес пользу человечеству и моей родине.

Но не следует забывать, в чем заключается это первоначальное воспитание, общее и равное для всех.

Мы хотим дать детям нравственные и физические указания, необходимые всем в жизни, каково бы ни было индивидуальное положение человека. Мы «е воспитываем детей для того или иного специального предназначения; наша цель — наделить их сведениями, одинаково полезными гражданам в любом положении, — одним словом, мы приготавливаем, если можно так выразиться, первичное вещество, которое мы хотим выпустить особенно совершенным, элементы которого мы стремимся обработать таким образом, чтобы, выйдя из наших рук, оно могло получить специальное применение во всех различных профессиях, которые имеются в республике. Такова проблема, которую нам предстоит разрешить. Я полагаю, мы можем разрешить ее продуктивно следующим образом.

Наши первые заботы будут относиться к физическому воспитанию. Увеличить силы детей, благоприятствовать их росту, развивать в них силу, ловкость, самостоятельность, закалять их в отношении усталости, перемены погоды, временного лишения необходимых в жизни вещей, — вот цель, к которой мы должны стремиться; таковы счастливые привычки, которые мы должны привить им; таковы физические преимущества, являющиеся для всех вообще драгоценным благом.

Средства для достижения этого будут несложными в общей системе общественного учебного заведения. То, что было бы непрактично по отношению к детям, посылаемым в школу на два часа в день, а иногда только на два часа в продолжение целой недели, и находящимся все остальное время вне общей дисциплины, проводится здесь в жизнь без усилий.

При наличности постоянного, деятельного наблюдения каждый час будет точно отведен для сна, для еды, работы, упражнений и отдыха; весь режим жизни будет строго определен; будут указаны последовательные упражнения, физические работы, гимнастические упражнения; единообразный спасительный устав предпишет выполнение всех деталей, и твердое выполнение их даст уверенность в хороших результатах.

Я требую, чтобы дети, вообще лишенные всякого рода излишеств, были ограничены самым необходимым в обычных потребностях жизни. Они будут спать на твердой постели; их пища будет здоровая, но простая, их одежда будет удобная, но грубая.

Надлежит сделать так, чтобы привычки, приобретенные в детстве, не заставляли людей страдать при переходе из учебного заведения в то или иное положение в жизни. Ребенок, возвращающийся из общественного учебного заведения в бедную семью, вновь найдет в своей семье ту же обстановку, что и в школе; приученный жить скромно, он и не изменит своих привычек; что же касается богатого ребенка, то другой образ жизни, более изнеживающий, ожидает его, но к этой жизни приучаются быстро. При этом даже и жизни богатого могут встретиться такие обстоятельства, при которых он благословил суровую строгость и спасительную жестокость воспитания первых лет своей жизни. Кроме здоровья и силы, благом, которое общественное учебное заведение должно дать всем своим ученикам, ибо оно является для всех бесценным преимуществом, является привычка к труду.

Я не говорю здесь о том или другом специальном ремесле, но я требую воспитания мужества в начинании трудной работы, энергии в ее исполнении, твердости в ее проведении, упорства в доведении ее до конца, характеризующих трудолюбивого человека.

Создайте таких людей, и республика, состоящая из этих твердых элементов, удвоит свою производительность в промышленности и земледелии.

Создайте таких людей, и вы увидите исчезновение преступлений.

Создайте таких людей, и отвратительный вид нищеты не омрачит вашего взора.

Внушите вашим ученикам эту любовь, эту потребность, эту привычку к работе, тогда их существование обеспечено; они зависят только от самих себя.

Я считаю эту часть воспитания одной из наиболее важных.

Конец дня будет посвящен дополнительным занятиям; ручной труд будет здесь главным упражнением.

Отцы семейств, ученики, учителя, все, согласно предлагаемому мною закону, будут заинтересованы в том, чтобы в детских мастерских работа шла возможно более продуктивно. Все будет работать в этом направлении, побуждаемые своими собственными интересами.

Одни будут действовать так потому, что будут надеяться облегчить общее бремя. Другие — потому, что будут надеяться заслужить уважение и получить вознаграждение. Дети будут работать потому, что работа будет для них источником радости, соответствующим затраченному ими усилию.

Существует масса занятий, к которым способны дети.

Я предлагаю, чтобы они упражнялись в полевых работах, — это наиболее необходимое, наиболее основное, наиболее распространенное занятие человека; кроме того, оно всюду может дать кусок хлеба.

Я бы хотел, чтобы в самих учебных заведениях были установлены различные формы труда, отвечающие способностям детей. Эти работы, применяемые во всех учебных заведениях, значительно увеличили бы ежегодную промышленную производительность республики.

На это важное, с точки зрения политической экономии, положение обращаю я внимание всех граждан, сведущих в ремеслах. Я предлагаю программу по этому вопросу, и я требую, чтобы нация обещала достойное вознаграждение всем тем, кто укажет формы несложных занятий, пригодных для указанной цели.

Распределять свою жизнь, подчиняться точной дисциплине — вот еще две привычки, необходимые для счастливой общественной жизни. Они могут быть усвоены лишь в детстве; привитые в этом возрасте, они становятся второй натурой.

Трудно было бы высчитать, в какой степени подчиненная определенным правилам, упорядоченная жизнь удлиняет человеческое существование, делает более нравственными действия человека, улучшает его общее поведение. Она настолько заполняет его время полезной деятельностью, что не остается более времени для беспорядочности и порока.

Я считаю не менее ценной привычку к строгой дисциплине. Будем помнить, что мы воспитываем людей, предназначенных пользоваться свободой, и что нет свободы без повиновения законам. Подчиненные каждый день и каждую минуту точному исполнению правил, воспитанники отечества будут воспитываться в духе святого подчинения законам и законодательному авторитету. Посмотрите на этого молодого солдата до мобилизации и посмотрите на него после того, как он уже некоторое время на службе. Это — не тот человек; и это изменение есть именно следствие нескольких месяцев военной дисциплины. Насколько это средство было бы более надежным, если бы оно, смягченное философией и проведенное в жизнь разумно и искусно, применялось во время подвижного и гибкого детства!

Вне общего национального воспитания невозможно создать важные привычки, о которых я только что говорил. Два часа в школе едва начали бы работу; независимость остального дня сгладила бы всякий ее след.

Без национального воспитания вам следует также отказаться от создания того, что я называю детскими нравами, которые сообразно этому плану должны вскоре сделаться национальными нравами. Эти нравы повлекут за собой перемены в обществе и его интересах. Язык не будет более грубым. Изменяется внешний вид, характер и поведение людей. Они приобретут свободные манеры, одинаково далекие от излишней любезности и от грубости. Необходимо, чтобы эти преимущества, являющиеся следствием воспитания, были распределены между всеми гражданами одной и той же республики поровну, так как существование этих различий устанавливает слишком реальное неравенство между людьми.

Я не знаю, может быть, я заблуждаюсь, но мне кажется, что все навыки, которые я перечислил, являются обильным источником благ для детей и государства. Это — истинный фундамент спасительного воспитания; без них не существует воспитания. Если мы не привьем этих навыков в детстве всем гражданам, нация не будет в состоянии возродиться.

Я подхожу теперь к обучению — той единственной части образования, которую рассмотрел Комитет народного образования, и здесь я пойду в полном согласии с ним.

В чем заключаются понятия, в чем заключаются познания, которые мы должны сообщить нашим ученикам? Только в необходимых им, как гражданам, знаниях, одинаково полезных для всех профессий.

Я принимаю целиком для народных школ программу предметов, предложенную вам Комитетом. Учитывать читать, читать, считать, измерять, внушить принципы морали, познакомить вкратце с конституцией, дать понятие о домашней и сельской экономии, развить дар памяти, впечатлевая в ней прекрасные рассказы из истории свободных народов и французской революции, — вот образование, необходимое каждому гражданину и являющееся долгом государства по отношению к гражданам.

Не увеличивая более числа этих предметов преподавания, я желаю, чтобы обучение было более продолжительно и более углубленно, чем в плане Комитета; я бы хотел перенести кое-что из обучения в школах второй ступени (по плану Комитета) в мою программу народных школ первой ступени.

Комитет своими первоначальными школами удовлетворил духовные потребности детей до 10-летнего возраста.

Я продолжаю этот срок до 12-летнего возраста, и эти два года требуют более богатой и более основательной ниши.

До сих пор я излагал систему различных привычек, во всей совокупности дополнявших правильный курс воспитания, и все же я до сих пор не касался гой основы морали, которая оказывает такое громадное влияние на всю жизнь человека, — я имею в виду религию; в этом тонком вопросе необходимо дать наилучшее решение.

Следуя принципу, по которому детство предназначено для приобретения спасительных привычек, я бы хотел, чтобы в этом возрасте совсем не говорили о религии, именно поэтому, что я

не люблю в человеке то, что ему было свойственно до сих пор, — религию по привычке.

Я считаю, что этот важный выбор, выбор религии, должен быть актом, продуманным разумом.

Я требовал бы, чтобы в продолжение всего курса в общественном учебном заведении ребенку сообщались лишь общие моральные наставления, а не внушалась одна специальная религия.

Я хотел бы, чтобы лишь в двенадцатилетнем возрасте, когда ребенок возвратится в общество, он обдуманно присоединился к той или иной религии. Мне кажется, что он не должен выбирать, пока не будет в состоянии судить.

Все же, вследствие современного состояния умов, главным образом в деревнях, вы побоитесь, быть может, внести в среду простых и невежественных семей то недовольство и тот раздор, которые могут возникнуть, если родители увидят, что их дети отстраняются до 12 лет от всех внешних обрядностей религии. Я подчиняюсь в этих временных затруднениях вашим разумным доводам, но я настаиваю, во всяком случае, в целях того, чтобы религия не могла войти в курс национального воспитания, на том, что преподавание ее не может быть поручено национальным учителям; пусть будет лишь дозволено (если вы найдете необходимым это снисхождение) водить детей в известные дни и в известные часы в ближайший храм для того, чтобы там изучать ту религию, которая исповедуется их семьей.

Таковы границы, заключающие в себе план национального воспитания. Я могу его резюмировать в двух словах дать всем в детстве физические и моральные навыки, наставления и познания, способные оказывать влияние на всю последующую жизнь, привычки, которые важно приобрести каждому человеку. Эти привычки являются общепольными, к какой бы профессии ни предназначал себя человек, и должны способствовать процветанию общества в том случае, если общество будет одинаково заботиться о всех членах, его составляющих. В остальном этот план, поспешно начертанный, нуждается, без сомнения, в усовершенствовании. Лучшие умы, более глубокие философы могут дополнить все недостающее. Время и опыт обогатят этот план. Но я полагаю, что его пригодность, его главное преимущество заключается в его способности к постепенному и последовательному совершенствованию; это — план, в котором всякий полезный взгляд, всякое установление, благодетельное для детства, могут найти себе место.

Никогда в первоначальных школах мы не найдем совершенного воспитания. Их радикальный недостаток в том, что они владеют детьми лишь несколько часов и предоставляют! свободу все оставшееся время. Напрасно будут излагаться определенные теории, напрасно будут придуманы совершенные методы воспитания и обучения ребенка; все эти методы и теории не смогут быть осуществлены в первоначальных школах; посредством таких школ невозможно достигнуть иных результатов, кроме ничтожных, частичных или же полезных ограниченному числу индивидуумов.

Наоборот, в общественном учебном заведении нам принадлежит всецело все существование ребенка, вещество, если можно так выразиться, никогда не выпускается из формы, ничто внешнее не деформирует придаваемых вами изменений; предписывайте — выполнение обеспечено; придумывайте хороший метод — через минуту ему последуют; дайте полезную идею — она осуществится полностью, без усилий.

Я предлагаю надежный способ совершенствования общественных учебных заведений.

Это — опубликование программ.

В моем проекте декрета я представлю их обзор.

Мне показалось несложным распределить различные элементы, составляющие в целом наш курс образования. Одни касаются образования физического существа, другие имеют отношение к образованию духовного существа.

Все граждане будут иметь право участия в конкурсах по оставлению этих программ.

Предоставьте ваши богатства для вознаграждения лучших работ в каждой отрасли, и ваша щедрость обогатит республику.

Я еще более разовью эту идею, утверждая, что общество и человечество могли бы извлечь громадные выгоды, установив на продолжительный срок вперед годовые премии тем, кто предложит полезный проект в области воспитания и внесет хорошую статью в кодекс детства.

До сих пор я рассматривал предмет, который я излагаю, лишь по отношению к воспитанию; теперь я хочу предложить его рассмотрение с другой важной точки зрения, с точки зрения политической экономии.

Уменьшить нужду бедноты, уменьшить излишество богатства — вот цель, к которой должны стремиться все наши учреждения; но необходимо, чтобы справедливость в соединении с осторожностью направляла наши шаги.

Нельзя идти иначе, как шаг за шагом; всякое волнующее средство недопустимо; собственность священна, и это право, согласно вашему первому декрету, получило новую и достоверную гарантию.

Наиболее краткое и в то же время наиболее верное средство сблизить бесконечное расстояние положений и справить странное неравенство, возникшее между гражданами вследствие случайной собственности, заключается в способе распределения общественных налогов. Облегчить малоимущего тем, что налог падет главным образом на богатого, — вот вся теория; и я вижу ее счастливое и легкое применение в новом налоге, который будет результатом организации общественного воспитания.

Одним словом, ребенок бедняка будет воспитываться на средства богача, взимаемые в справедливой пропорции, не оставляя у бедняка чувства унижения от полученного благодеяния.

Простой подсчет сделал этот результат очевидным.

Я предлагаю, чтобы в каждом кантоне расходы на здание общественного учебного заведения, на пищу, одежду и содержание детей оплачивались всеми гражданами кантона соответственно прямому налогу. Чтобы сделать эту соразмерность налога более наглядной, я беру в пример трех граждан.

Я предполагаю, что один из них имеет как раз те данные, которые позволяли ему прежде быть активным гражданином, то есть выплачивать стоимость трех рабочих дней, оцениваемых мною в три ливра.

Я предполагаю, что второй имеет доход в тысячу ливров, сообразно которому он выплачивает двести ливров налога.

Наконец, я предполагаю у третьего ренту в сто тысяч ливров, соответственно которой он платит налог в 20000 ливров.

Теперь я указываю плату за общественное воспитание детей, вносимую сверх прямого налога.

Какова же будет плата, следуемая с этих трех граждан? Гражданин, выплачивающий свой трехдневный заработок, заплатит налог на воспитание в размере одного ливра и десяти су.

Гражданин, имеющий 1000 ливров дохода, внесет его ливров.

Владелец стотысячной ренты внесет свою часть налога в размере 10000 ливров.

Как вы видите, в результате получается общий взнос, образуемый из соединения многих неравных вкладов; бедняк вкладывает мало; богач вкладывает много; но когда взнос сделан, сумма распределяется поровну между всеми; каждый извлекает из «ее одну и ту же выгоду, а именно — воспитание своих детей.

Человек, выплачивающий свой трехдневный заработок, платя 30 су сверх налога, будет освобожден от тяжести своей часто многочисленной семьи, — все эти дети будут воспитываться за счет государства; благодаря этой небольшой жертве в 30 су он может воспитать до 7-ми детей на средства республики.

Я говорил о человеке, выплачивающем свой трехдневный заработок, но все же этот гражданин принадлежал и прежде к привилегированному классу; ему было дано право активности; теперь же неизмеримо большее количество людей еще более резко почувствует благодеяния нового закона, ибо весь класс граждан, прежде не активных, по установлении налога менее 30 су будет пользоваться всеми преимуществами активности.

Совершенно ясно, что все граждане, начиная с класса, прежде не активного, и до собственника ренты в 1000 ливров, заинтересованы в этом законе.

Даже для собственника ренты в 1000 ливров этот закон выгоден, так как нет ни одного гражданина, пользующегося подобным доходом, который не пожертвовал бы добровольно 100 ливров в год на воспитание всех своих детей; таким образом вся лишняя тяжесть падет на тех, кто имеет более тысячи ливров дохода.

Итак, более девятнадцати двадцатых населения Франции заинтересовано в этом законе, так как имеется, конечно, не более одной двадцатой общего числа граждан, доход которых превосходит эту сумму.

Во всей этой многочисленной части нации я не вижу обиженных, кроме не состоящих в браке или же не имеющих детей, ибо они вкладывают, как и все, в общую массу и получают ноль. Но я сомневаюсь, чтобы их жалобы вас тронули, им живется легче, чем остальной части граждан.

Вы видите, что, согласно этой системе, только для богача налог больше того, что ему стоило бы воспитание его детей. Но даже в этой излишней тяжести я вижу двойное преимущество: оно заключается в уменьшении части излишества у богатого и в обращении этого болезненного избытка на облегчение менее счастливых граждан во имя благосостояния всего общества, ибо эта система дает возможность основать учреждения, действительно достойные республики, и открывает обильный источник славы и возрождения.

Я смею спросить: где же будет теперь нищета? Один благодетельный закон изгонит ее с территории Франции.

Оглянитесь на сельские местности; перенесите ваши взгляды во внутренность хижин; проникните на окраины городов, где кишит многочисленное население, едва прикрытое лохмотьями; узнайте подробности жизни этих трудящихся семей, — их труд мог бы дать им беззаботную жизнь, но многосемейность вносит все новые потребности. Отец и мать, оба

работоспособные, легко добыли бы своим ремеслом все необходимое для жизни; но этот хлеб, зарабатываемый ими с трудом, — не для них одних; многочисленные дети отрывают у них часть его, и то богатство, которое создают государству его грудящиеся граждане, оставляет им самим лишь ужасы нищеты.

В этой среде, вследствие отвратительной несправедливости нашей социальной экономии, развращаются и уничтожаются все естественные чувства.

Рождение ребенка здесь — событие. Заботы, расточаемые ему матерью, соединяются с сожалениями, опасениями и беспокойством. Едва удовлетворяются существенные потребности этого несчастного создания, ибо ему лишь скупое самое необходимое, ребенок скудно питается, за ним небрежный уход, с ним плохо обращаются, часто поэтому он не развивается совсем или развивается плохо, и вследствие грубого обращения молодое растение погибает.

Иногда сцены, еще более приводящие в отчаяние, раздирали мое сердце: я вижу печальную семью, я приближаюсь, ребенок только что умер, он еще был здесь... Сначала природа извлекла несколько капель слез у несчастной четы, но вскоре ужасающая нищета дала ей утешение, еще более горестное, чем эти слезы, — одним бременем меньше.

Полезные, но несчастные граждане! Вскоре, быть может, это бремя не будет для вас тяжестью; в один прекрасный день благодетельница-республика его облегчит, и, быть может, вы отдадите без сожаления ваших детей отечеству. Отечество встретит их всех одинаково, одинаково воспитает их все на средства фонда, образованного излишками богатства, отечество будет их одинаково питать, одинаково одевать, и когда вы возьмете из его рук ваших детей уже сформированными, они внесут в ваши семьи новый источник довольства, так как они принесут с собой силу, здоровье, любовь и привычку к труду.

Каким бы большим ни казался налог на воспитание детей, значительность его — недостаточная причина для того, чтобы лишать себя этого прекрасного закона, ибо этот налог обременил бы лишь богатого, между тем родители, состояние которых невелико, платили бы меньше того, что им стоило бы воспитание детей дома.

Но тяжесть этого налога не будет так велика, если вы примете еще несколько проектов, предлагаемых мною.

Прежде всего, выручка от работы детей будет уменьшать расходы учреждения; каждый ребенок старше восьми лет, т.е. большая часть детей, может заработать свой хлеб. Лишь дети пяти, шести и семи лет явятся в действительности обременением, они будут получать, ничего не давая взамен. Каждый, живший в местности с развитой промышленностью, знает, что существуют способы с пользой для дела утилизировать детей в работе до десяти лет и старше.

Все результаты всегда зависят от разумного порядка и хорошего управления.

В рассматриваемом случае все усилия должны направляться на увеличение в национальных учебных заведениях объектов труда, соответствующих детскому возрасту.

Граждане кантона постараются предоставить эти объекты в каждом возможном случае, ибо количество производительного труда в школе уменьшит настолько же налог, вносимый гражданами.

Рвение детей будет поощряться наградами, предоставляемыми им, согласно разумному уставу.

Учителя будут получать особое вознаграждение, если вверенные их заботам дети будут иметь заработок.

Я полагаю, что имеется еще один источник, который может увеличить фонд, предназначенный для наших учреждений.

Некоторые дети будут иметь личные доходы.

Пока они будут находиться в числе воспитанников школы, они прекращают всякую трату на себя. Какая же необходимость в том, чтобы их капитал ежегодно увеличивался вплоть до того момента, когда они будут в состоянии им пользоваться? Не более ли естественно, что на то время, в продолжение которого нация берет на себя заботу о них, их доходы обращаются на общие расходы?

Наше непосредственное право согласуется в этом случае с разумом и указывает такое употребление этих капиталов.

Отцы и матери по праву пользовались доходами своих малолетних детей; но содержание детей было тогда для них обязательством и бременем, теперь бремя перешло бы к родине, и представилось бы соответственно правильным, чтобы отечество воспользовалось и выгодами.

Вот каким образом я предлагаю оплатить наши национальные воспитательные учреждения:

1. Доход от работы детей.

2. Личные доходы воспитываемых детей во все время их воспитания.

3. Излишек будет пополнен налогом, выплачиваемым всеми гражданами кантона, сообразно их доходам.

Я сделаю лишь одно примечание, а именно: лица, заинтересованные в управлении школой (я покажу ниже, каким именно образом) обязаны вести самую строгую экономию в расходах.

Расходы ограничатся лишь безусловно необходимым.

Никакой прислуги в учебных заведениях не будет. Дети более старшие будут помогать младшим, когда в этом встретится надобность; они будут поочередно вести дежурства; они научатся постепенно обслуживать самих себя и приносить пользу другим.

Будут существовать, точно говоря, три статьи расходов: жалованье учителей и учительниц, одежда и пища детей.

Я предлагаю установить жалованье в 400 ливров для учителей, а для учительниц — 300 ливров, предоставляя для их питания двойную порцию, предназначенную для самых старших детей.

Что же касается одежды, то на нее будут употребляться самые простые материи, и вы можете понять, что расходы не будут значительны.

Все граждане, как она, заинтересованные в экономии внесут каждый немного своего, — один даст свою материю, матери семей предоставят свой труд, все разделят работу по желанию, и таким образом бремя облегчится для каждого. В отношении питания будет предпочитаться пища простая и обыкновенная вследствие ее доступности.

Будет составлен список того, что соответствует здоровью детей, и в определенном количестве будет всегда выбираться то, что наиболее дешево, в зависимости от климата и времени года. Я думаю, что вино и мясо должны быть исключены. Их употребление совершенно не нужно ребенку. Чтобы подчеркнуть значение полезной бережливости, которой можно достигнуть в расходах на питание учащихся, я расскажу вам случай, опубликованный всеми газетами в свое время.

Зимой 1788 года священник прихода Святой Маргариты в Париже с большим успехом ввел в употребление простое кушанье, состоявшее из смеси различного рода веществ; он сохранил жизнь громадному числу бедняков, а стоимости порции для одного человека не превосходила трех су в день. Теперь мне остается лишь изложить, каким образом и предполагаю организовать администрацию новых общественных учебных заведений. Кто, кроме отцов семейств кантона, мог бы получить этот почетный знак общественного доверия. Кто был бы в состоянии вложить в это дело более непосредственный интерес?

Где могли бы мы найти более разумное наблюдение? Отцам семейств принадлежат одновременно и право и долг взирать нежным и заботливым взором на своих драгоценных детей, на свою надежду в будущем.

Но лишь одним отцам семейств принадлежит этот долг. Холостяк его еще не заслужил.

Я предлагаю, чтобы ежегодно в каждом кантоне собрание отцов семейств избирало из своего числа для каждого общественного учебного заведения совет в составе 52 отцов. Каждый член совета обязуется уделить в продолжение всего года семь дней своего времени принятым на себя обязанностям, и таким образом каждый отец будет в течение недели жить в учебном заведении, чтобы наблюдать за поведением детей и учителей.

Итак, в школе будет находиться каждый день отец семейства, и отеческий глаз не потеряет ни на минуту из вида ребенка.

В функции надзирающего отца семейства входят также наблюдения за хорошим качеством пищи и ее правильным распределением, за выполнением расписания занятий, за деятельностью в области ручного труда, за успехами в работе учеников, за поддержанием чистоты, столь необходимой для здоровья детей, за уходом в случае болезни, а также и наблюдение за неизменным исполнением детьми и учителями долга, предначертанного тем и другим.

Раз в месяц будет собираться совет 52 отцов семейств, и каждый будет давать отчет о своих недельных наблюдениях, хвалить или порицать.

Я считаю полезным, чтобы в этом собрании присутствовало несколько признанных авторитетов, которые могли бы немедленно исправить имеющиеся недочеты.

Платной администрацией явится комитет из 4 членов, избранных советом 52 отцов из своей среды. На обязанности администрации будет наблюдение за покупкой одежды, за расходами по содержанию дома, наблюдение за распределением сообразно времени года пищи, предлагаемой детям, выбор работ, производимых детьми, цены на эти работы и, наконец, ведение всех книг.

Каждый месяц комитет будет представлять свой отчет совету 52 отцов, а копия отчета будет посылаться установленным властям.

Такова администрация, одновременно простая и деятельная, предлагаемая мною для каждого учебного заведения. При таких предосторожностях, при этом контроле, при этой экономии, вызванной заинтересованностью каждого, мы можем быть уверены, что плата, незначительная для бедняка и для владельца небольшого состояния, не будет никогда чрезмерной и для богатого. Сверх того, при существовании общественного налога его величина менее ослабляет и истощает государство, чем его плохое распределение; а в нашем случае налог распределяется лучшими людьми с соблюдением правил политической экономии, ибо предлагаемый налог не стремится к иным результатам, кроме обращения сумм избытка на действительные потребности. Сумма расходов на питание и содержание детей осталась та же, но

но прежде все вкладывали в нее одинаковую часть, и это было слишком трудно для многих. Теперь же, по моей системе, налог становится пропорциональным состоянию. Беднота не вкладывает почти ничего, средний класс даст приблизительно то же, что и раньше, лишь богатство дает почти все.

В Англии один лишь налог в пользу бедных достигает 60 миллионов, — в Англии, территория и народонаселение, которой является лишь одной третью народонаселения и территории Франции.

Такой громадный налог обращается там на излечение болезней общественного тела. Во Франции налог в пользу образования даст более важные и более спасительные и благотворные результаты, ибо он обновит все элементы государства, очистит, если так можно выразиться, нацию в самом зародыше и внесет в республику вечные принципы новой мощи и нового здоровья.

Эти слова — «налог в пользу бедных» — заставляют меня изложить мысль, в которой я вижу нечто моральное.

Мы считаем долгом общества обязанность кормить стариков и калек, которые не могут заработать на жизнь. Вы уже признали этот принцип, и вы заняты приведением его в исполнение. Но для чего же воздвигать новые здания? Создадим объединение, вдвойне полезное. Я бы хотел, чтобы старики находили себе убежище в учреждениях, предназначенных для общественного воспитания.

Не вызывая почти новых расходов, они получают там простую пищу, а также ежедневную необходимую им помощи старшим детям, более сильным, могла бы предоставляться честь обслуживать их.

Какое полезное учреждение! Какой живой урок социальных обязанностей!..

Мне кажется, что есть нечто трогательное в сближении первого и последнего возраста, дряхлой немощи и детской силы.

Таким образом, святое уважение к старости, сострадание к несчастью, благодетельная гуманность коснутся наших учеников при пробуждении первых чувств в их душе, прочно привьются, сделаются привычками и эти привычки обратятся в добродетели.

Таков беглый обзор предлагаемого вам на рассмотрение плана.

Мне кажется, что до сих пор все, рассматривавшие этот предмет, были заняты созданием системы народного образования, я же полагал, что ранее образования следует организовать общественное воспитание.

Одно полезно нескольким, другое является благом для всех.

Одно распространяет полезные знания, другое создает полезные привычки.

По моему плану народное образование получит предназначенное ему место, оно явится частичным украшением здания, а общественное воспитание представит собой фундаментальную основу, «а которой покоится все здание целиком».

Общественное воспитание, предлагаемое мною, способствует процветанию ремесел и земледелия; оно отнимает у детей годы детства, но для того лишь, чтобы возратить труду руки, более сильные и наделенные всей гибкостью молодого возраста.

Таким образом население получит большие выгоды от общественного воспитания.

Таким образом матери, руководясь своими собственными интересами, придут к решению принять на себя самую сладкую свою обязанность — кормление своих детей.

Таким образом до пятилетнего возраста ребенок будет менее предоставлен губительной небрежности; премии и просвещение сохранят республике бесчисленное множество этих несчастных существ, созданных природой для жизни, но приговоренных небрежностью к ежегодной гибели.

Таким образом с пятилетнего до двенадцатилетнего возраста, т.е. в решающем периоде жизни, когда сообщаемые духовному и физическому существу человека изменения, впечатления и привычки сохраняются им навсегда, все то, что должно составить республику, будет брошено в республиканскую форму.

Там одинаковое обращение, одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое обучение познакомят юных учащихся с равенством не в форме отвлеченной теории, а в форме действительного факта.

Таким образом возродится сильное, трудолюбивое, дисциплинированное, честное молодое поколение, которое будет отделено непроходимой стеной от нечистого прикосновения нашего дряхлеющего поколения.

Таким образом детям, соединенным в одно целое, не зависимым от потребностей жизни, благодаря щедрости нации, будет дано, всем одинаково, одно и то же воспитание, сообщены одни и те же познания, и случайные обстоятельства, как отдаленность дома или бедность родителей, не обратят в мечтания этого благоденствия нации.

Таким образом будет оказана помощь нищете, таким образом богатство будет лишено части своего изобилия; и без кризиса и содрогания исчезнут эти две болезни политических органов.

Давно уже следовало притти на помощь наиболее многочисленной части общества;

революция, протекающая уже в течение трех лет, сделала все для других классов общества, но еще ничего не сделала для наиболее, быть может, нуждающегося класса — для граждан-пролетариев, единственное состояние которых заключается в их труде.

Феодализм уничтожен, но эта реформа не коснулась пролетариев, так как им ничто не принадлежит в освобожденных сельских местностях.

Налоги более справедливо распределены, но для этих граждан, вследствие их бедности, тяжесть налогов вообще почти непосильна, для них и уменьшение почти не чувствительно.

Гражданское равенство установлено, но этим гражданам недостает образования и воспитания; они несут всю тяжесть имени гражданина, но пользуются ли они в действительности тем уважением, на которое имеет право рассчитывать гражданин?

До сих пор лишь отмена налогов была единственным, коснувшимся их благом. Ведь работы стало мало, и, правда в течение короткого времени, но и этой части граждан пришлось даже пострадать от дороговизны съестных припасов, от отсутствия работы и волнений, неразрывно связанных с политическими бурями.

В этом плане перед нами революция бедняка... но революция кроткая и мирная, революция, не затрагивающая ни справедливости, ни собственности.

Усыновите детей неимущих граждан, и для них не будет более нищеты! Усыновите этих детей, и вы облегчите их существование!

Пусть эти молодые деревца будут пересажены на национальную почву, пусть одна земля дает им свои питательные соки, пусть одна мощная культура их создает, пусть, прижа-тые один к другому, озаряемые лучами благодетельного светила, они растут, развиваются и поднимаются все вместе под наблюдением и нежным попечением отечества.

Ребенок достиг двенадцатилетнего возраста; в этом возрасте он оканчивает свое общественное воспитание, пришло время изучить ремесло.

Далее отстранять его от этого изучения значило бы вредить обществу.

Но до сих пор общество лишь выплачивало свой безусловный долг по отношению к ребенку; оно сохранило в нем все, что ему было дано природой; оно даже усовершенствовало его личные дарования; он способен ко всем; почва приготовлена для всякого рода обработки; юный ученик имеет все моральные и физические навыки, необходимые во всех положениях; он получил познания, общеполучимые гражданам всех профессий; одним словом, сделана большая работа, дано общее направление, которое важно было получить человеку и для личного успеха в жизни и для полезной деятельности в одной из основных областей, в целом составляющих республику.

Все же и в этом возрасте, находящемся между юностью и детством, отечество не может прекратить своего наблюдения; отроческий возраст должен быть окружен заботами, ибо они ему необходимы, и здесь перед нами снова встают вопросы, достойные по своей важности внимания законодателей.

Земледелие и механические ремесла привлекут большую часть наших учеников по окончании общественного учебного заведения, ибо эти две отрасли являются источником существования нации.

Лишь небольшая, но избранная часть молодежи приступит к изучению изящных искусств и наук, питающих разум.

Посмотрим же, в чем заключаются обязанности общества по отношению к этим двум группам, на которые распадется все юношество.

Что касается первой группы, то изучение различных ремесел не подчиняется общественным законам. Лучший учитель — интерес. Самый убедительный урок — потребность. Поля и мастерские открыты для всех, и не республика должна обучать каждого ремесленника и каждого хлебопашца в отдельности; все, что может сделать республика в этом отношении, заключается в общем наблюдении за совершенствованием земледелия и ремесел и в содействии их прогрессу постоянным поощрением и соответствующими законами.

Но предоставим ли мы самим себе этих молодых граждан, сделавшихся хлебопашцами и ремесленниками? Не должна ли родина оказывать на них некоторого морального влияния?

Вот что мне показалось и полезным и практичным.

Неделя принадлежит работе, — отрывать от работы было бы абсурдным и непрактичным, но в дни отдыха, в известные сроки, которые будут указаны, надлежит дать возможность молодежи упражнять свое тело, брать уроки, иметь праздники, собрания, привлекающие внимание юношества, затрагивающие его любознательность, возбуждающие его соревнование. Таким образом не исчезнут счастливые уроки детства, и, ничего не отнимая у времени, предназначенного для работы, отдых перестанет быть праздным, а выполнение перечисленных занятий будет сочетаться с наслаждением. Ваши комитеты в своей философской работе уже предложили вам способы привлечь молодежь, вышедшую из первоначальных школ, к участию в гражданских торжествах.

Но здесь оканчивается мой план; я не прибавлю ничего нового, а ваше время драгоценно.

Антуан Лоран ЛАВУАЗЬЕ
МЫСЛИ о НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Доклад, представленный Национальному Конвенту
совещательным бюро искусств и ремесел, август 1793 г.

Человек рождается с чувствами и способностями, но он не имеет прирожденных идей, его мозг — чистая доска, не получившая еще никаких впечатлений, но готовая к их восприятию.

Все впечатления сообщаются человеку посредством органов чувств и называются ощущениями.

Но если все наши мысли сообщаются нам лишь через органы чувств, если только упражнением наших способностей мы научаемся узнавать свойства предметов, окружающих нас, то отсюда следует, что появившийся на свет ребенок принужден всему учиться и должен пройти при помощи своих органов чувств настоящий курс ознакомления с миром и физических явлений.

Образование первых мыслей у детей — обстоятельство, поистине достойное размышления философов. Внимательное наблюдение не позволяет сомневаться в том, что ребенок знакомится со свойствами предметов, переходя от известного к неизвестному, придерживаясь метода последовательности, приближающегося к тому, который так часто употребляется в математике. Он не нуждается в дорогих приборах для этих опытов: все окружающие его предметы употребляются им в качестве пособий.

И вот именно этим путем вскоре после своего рождения он начинает проходить курс оптики и перспективы. Вначале все предметы представляются ему расположенными на одной плоскости, вскоре он научается различать величины и расстояния, исправлять осязанием ошибки зрения, распознавать очертание различных предметов по тени и по игре света и тени.

Почти в то же время он изучает действие силы тяжести, удар двух тел. Он не знает, как это знают физики, что все тела притягиваются прямо пропорционально их массам и обратно пропорционально квадрату расстояния и что сила притяжения измеряется произведением массы на скорость, — такая точность ему вовсе не нужна. Природа, охраняющая его, удовлетворяющая все его потребности, ограничивается разъяснением ему того, что падение тела тем опаснее, чем большей высоты оно совершается, и что боль при ударе от брошенного камня тем сильнее, чем самый камень больше, верже и чем с большей силой он брошен.

При дальнейшем росте развитие сил ребенка дает ему возможность пройти курс механики. Палка, попавшая к нему в руки, превращается им в самый простой и в то же время самый могучий прибор — рычаг. Мяч, отскочивший от стены или прыгающий на земле, дает ему понятие об ударе упругих тел и законах их обратного движения. Канавка, которую он проводит около ручейка, знакомит его с законами равновесия жидкостей; он изучает это замечательное свойство, имеющее столь разнообразные применения, благодаря которому все части поверхности жидкости всегда располагаются на одном уровне.

Таковы первые уроки природы. Она их дает под видом игр; поэтому для детей играть — значит учиться, и тот, кто де посвятил играм первые годы своего детства, никогда не делается человеком. Счастливое детство! Ты приобретаешь в этом первоначальном обучении лишь правильные понятия, потому что ты их получаешь непосредственно от вещей, потому что люди не присоединяют к ним ни предрассудков, ни заблуждений. Придет время, когда тебя оторвут от этой чудесной воспитательницы, когда после того, как ты успешно пройдешь курс физических истин, тебе придется приступить к изучению курса моральных заблуждений. Такова, по крайней мере, была до сих пор судьба, предназначавшаяся тебе, и вот для того, чтобы протестовать против этого нарушения твоих прав, против нарушения прав природы, мы и предоставляем тебе наш голос.

Природа дала ребенку только определенное количество сил и способностей, максимум его достижений ограничен, но, присоединив к членам его тела, этим природным орудиям, еще орудия искусства, мы сумеем достигнуть иных результатов, — здесь и начинается воспитание ребенка человеком. Попробуем показать, как оно может содействовать воспитанию ребенка природой, каким образом оно должно сделаться продолжением последнего.

Ребенок не может одной лишь силой своих рук, одним лишь напряжением своего тела воткнуть в землю кол, предназначенный для постройки забора, но наука дает ему молот, масса которого, помноженная на скорость, придаваемую ему рукой, очень быстро достигает желаемого результата. Гвоздь, который нельзя воткнуть в доску ни непосредственно силой руки, ни давлением (разве, если пустить в ход исключительно тяжелый предмет), поддается удару молотка, вколачивающего его, — вот еще один искусственный прибор, присоединенный к руке — естественному прибору.

Молоток производит тем большее действие, чем он тяжелее, чем к большему рычагу присоединена его масса, иначе говоря, чем длиннее ручка; он должен вбить гвоздь, не испортив его, не согнув, не раздавив; отсюда вытекает необходимость употреблять молотки различной величины с различными ручками, в зависимости от того действия которого желательно достигнуть; отсюда правила, относящиеся к употреблению молотка в ремеслах, от молоточка часовщика до молота кузнеца, до бабы для забивки свай в строительном деле.

Нож вообще легко разрезает хлеб, но если бы угол, образованный двумя плоскостями лезвия, вместо 10—12 градусов равнялся бы 30, то старания самого сильного человека были бы все же недостаточны, чтобы заставить его проникнуть в хлеб. Отсюда вся теория конструкции ножа, все то, что необходимо знать для общежитейских надобностей о свойствах угла и наклонной плоскости.

Но годится ли этот прибор для разрезания более твердых тел? Можно ли его употреблять для отделения друг от друга древесных волокон в продольном направлении? Необходимо, чтобы новый прибор обладал достаточной прочностью для того, чтобы выдержать удары действующей на него массы, - и вот обе стороны наклонной плоскости раздвигаются, верхняя часть прибора утолщается, и получается клин. Возможно ли эти же волокна разрезать наискось? Нож окажется слишком слабым для этой цели, нужно придать ему большую силу, большую массу, — и вот появляется резак, действие которого еще более увеличивается придаваемой ему скоростью. Все же этот прибор не обладает достаточной силой для плотничных работ, у него нет необходимой силы удара; его заменяют топором, обладающим большей тяжестью, действие которого еще более увеличивается соответственным расположением топорща.

Если пожелают разрезать древесные волокна поперек, чего нельзя сделать ни при помощи клина, ни при помощи топора, — их заменяют пилой.

Таковы основные принципы обработки дерева. Нет ни одной почти отрасли труда, где бы не применяли; особенно они необходимы в сельскохозяйственных работах.

Основные способы обработки металлов также нетрудно изложить в кратких чертах: ведь все, нужное для этого, у детей под рукой, и легко, под видом игрушек, снабдить их всеми инструментами кузнеца и слесаря.

Изложение принципов, лежащих в основе сельского хозяйства, тоже не столь сложно. Цель этой науки — достижение возможно более продуктивных результатов при наименьшей затрате. В некоторых корнеплодах, как, например, в картофеле, следует заботиться о культуре корня, в других, как-то: в огромном большинстве овощей, отчасти в травах, нужно обращать внимание на все растение в целом; в пшенице и ржи — на зерно, заключенное в колосе, в шафране — на пестик и т.д. Эти элементарные наблюдения приводят, конечно, к знакомству с особенностями различных частей растения, к изучению корня, стволы, листьев, цветов, плодов и краткому объяснению функций каждой из них. Эти предметы находятся в полях, и они постоянно на глазах у детей; трудность состоит лишь в том, чтобы обратить на некоторое время внимание детей на то, что они видят ежедневно.

Разнообразные растения, производимые природой, не встречаются одинаково повсюду: одни растут в долинах, на лугах, в сырых местностях, другие — на склонах, в горах, в сухих и безводных местностях. Отсюда вытекают все следствия, относящиеся к местоположению, качеству земельных участков; отсюда вытекают способы улучшить их путем искусственного прибавления главных недостающих элементов; отсюда вытекает вся теория удобрения. Таковы главнейшие основания курса земледелия. Где же, как не на полях, может быть изучено это благодетельное для человечества искусство, от которого зависит самое существование человека?

Пожалуй, немногим труднее познакомить детей с более сложными понятиями, даже с практической геометрией. Они знакомятся с понятием о длине, ширине, глубине почти с первых же мгновений своего существования. Трудность состоит лишь в том, чтобы направить их внимание и заставить думать о том, что они и так уже знают.

Вся теория межевания вытекает из простейших понятий о свойствах поверхностей: уменьше измерять объем и поверхность вытекает из определения тела. Нет ни одного поденщика или землекопа, который не был бы в состоянии придумать способ обмерить ров или какую-нибудь яму; почему же этот человек не научился бы извлекать из теории то, чему его легко научает привычка?

Экспериментальная физика снабжает все науки и всех людей, в каких бы условиях они ни находились, необходимыми им приборами; поэтому эта отрасль науки должна войти в программу первоначального обучения.

Все тела расширяются во всех направлениях от нагревания, в той же пропорции они уменьшаются при охлаждении: сделаем каким-нибудь способом это явление чувствительным — и вот готов термометр.

Мы живем в жидкой и упругой атмосфере, каковой является воздух, совершенно так же, как живут рыбы в более плотной жидкости, каковой является вода. Свойством жидкостей в сообщающихся сосудах является способность сохранять равновесие на высоте, обратно пропорциональной их удельному весу. Столб воды высотой в 32 фута уравнивается столбом

воздуха, равным высоте атмосферы. Отсюда теория насоса. Столб ртути высотой в 28 дюймов уравнивается этим же самым столбом, отсюда — барометр и все явления, которыми сопровождается его отклонение.

Ботаника и естественная история — тоже подходящие для детей науки. Нет ребенка, который бы не собирал цветов, насекомых, раковин; все трогать, все рассматривать, все разбирать является потребностью каждого ребенка; будем остерегаться подавлять ее, ведь мы можем направить это стремление на полезное.

Чтение и письмо также являются прекрасным орудием; необходимо, чтобы человек, принадлежащий к любому классу, умел «ми пользоваться. Именно чтение и письмо позволяют установить сношения между людьми всех возрастов и всех стран; они же дают возможность сохранять равновесие между всеми познаниями, распространенными по поверхности земного шара. Они являются предохранительным средством против суеверий, против злоупотреблений власти; они являются главной гарантией свободы. К тому же есть много различных отраслей науки, которые крайне трудно сообщить детям, если они не умеют писать: таковы правила счета, составляющие одну из существеннейших частей начального обучения.

Но, вкладывая это оружие в руки человека, следует остерегаться сделать ему губительный подарок, вводя в его сознание лишь понятие слова, начертанного на бумаге, а не самое понятие предмета, обозначаемого этим словом. Пусть во всех книгах, вручаемых ребенку, главная мысль делается наглядной благодаря гравюрам и картинам, пусть буквы будут для чего иероглифами возможно долее, пусть мысль никогда не разлучается со словом.

Делая таким образом наглядными все предмет первоначального обучения, стремясь следовать повсюду методу природы, мы сумеем не только воспитать людей, но сумеем постепенно совершенствовать интеллектуальные способности человечества: через двадцать лет те же самые произведения, которые теперь считаются выше детского понимания, покажутся весьма простыми, так как они будут содержать понятия, знакомые каждому человеку. Следовательно, одно поколение будет перерабатывать их для другого, так что собрание классических произведений, созданных в различные эпохи, послужит оценкой прогресса человеческой мысли.

Мы только что рассмотрели два первых периода человеческой жизни: мы рассмотрели первоначальное воспитание, даваемое детям природой, а также и все то, что могут прибавить к нему люди, соединенные в общество. И эта первая ступень общественного образования, являющаяся достоянием всех людей, должна быть доступна каждому человеку; это первоначальное образование — долг общества по отношению к детям, оно должно быть поэтому бесплатным.

Из этих же соображений первоначальные школы должны быть расположены так, чтобы детям было удобно посещать их, следовательно, такая школа должна быть в каждом муниципалитете.

Но тут начинаются затруднения: дорога, по которой все дети нации шли вместе вначале, начинает разветвляться. Дойдя до известного пункта, они не могут далее продолжать свой путь совместно. Создаются две большие группы. Одни желают посвятить себя в будущем общественным обязанностям и приступают к изучению языков, литературы и различных наук; другие начинают изучать механические ремесла. Таким образом, образование в школах второй ступени, естественно, разделяется на две части, в каждой из которых изучаются различные науки. Первая часть несколько напоминает то образование, которое давалось в коллежах и университетах. Второй части еще вовсе не существует, потому что до сих пор не было ни одной нации, действительно ограждавшей интересы своего промышленного класса. Именно в целях реформы этой части школ второй ступени и желает Совецательное бюро высказать еще некоторые свои мысли. Оно предполагает, что школы этого типа будут расположены в главных пунктах дистрикта. Существуют знания, которые должны быть сообщены всем людям, к какой бы профессии они себя впоследствии ни предназначали; равным же образом существуют и такие знания, которые должны быть известны всем профессионалам. Рисование, по нашему мнению, должно быть отнесено к этой последней группе, — рисунок нагляден, он является живым языком, говорящим зрению, возбуждающим мысль, и с этой точки зрения он выражает больше, чем слово; он является средством общения между лицом, высказавшим мысль или отдающим распоряжение, и простым исполнителем; кроме того, рисунок является способом, годным для совершенствования мысли; следовательно, рисование является главным предметом для тех, кто желает изучить ремесла.

Ремесла делятся на две большие группы: механическую и химическую, и из этого разделения вытекает необходимость устройства школ двух типов, различных по своим целям, под руководством двух профессоров. Попробуем наметить границы между этими двумя частями народного образования.

Механические ремесла — это те, которые требуют применения живой силы и которые можно применять в жизни лишь при помощи механических инструментов: так, например, дерево, металлы, камень можно обработать лишь при условии затраты силы и использования орудий,

орудий, предназначенных для этой работы. Эти орудия бывают или простыми, или сложными; в последнем случае они получают название машин. Таким образом, машина есть не что иное, как собрание определенного количества орудий или инструментов, соединенных для производства работ. Всякая машина, следовательно, может быть разобрана и приведена к простейшим элементам.

Машину разлагают на простейшие элементы или для того, чтобы высчитать ее сил» (это — задача теоретической механики), или же для того, чтобы изучить направление действия и способ приложения силы, это уже — задача практической механики, науки, которая еще не существует; по крайней мере, в этой области не появилось еще ни одного элементарного руководства.

Профессор, которому будет поручена эта часть народного образования, должен сначала изложить общие основы для всех механических искусств, в дальнейшем он должен расположить свои уроки так, чтобы каждый ученик мог прекратить занятия, получив образование, необходимое для того искусства, которое он желает усвоить, чтобы учащиеся не употребляли драгоценного времени на приобретение ненужных знаний.

Следовательно, курс должен начинаться с изложения элементарных принципов начертательной геометрии. Учитель должен стремиться разрешать все вопросы этой науки посредством линейки и циркуля; он должен дать точное представление о способах образования и измерения поверхностей и тел; он учит наносить на план все части какого-либо предмета, изображать этот предмет в проекциях, — отсюда правила перспективы, обработка камней, плотничные работы, правила чертежа.

Чисто-химические ремесла отличаются от механических тем, что не требуют ни применения живой силы, ни механических инструментов. Так, например, при обработке серы для получения серной кислоты горение является действующей силой, но не инструментом, рабочий же совершенно не расходует физической силы. Точно так же, когда для получения берлинской лазури пережигают бычачью кровь с поташом и пользуются этим соединением для того, чтобы получить осадок железа, то этот результат достигается одним лишь действием естественных сил без содействия живой силы.

Курс химии должен начинаться с описания элементов природы, находящих себе применение в этой науке, с описания их внешних качеств и их добывания. Затем, описывая употребление этих простых тел, преподаватель показывает, что химические процессы могут научно классифицироваться, что соединения можно разлагать на их элементы, подобно машинам, что все химические процессы имеют сходство с горением, окислением, растворением, кристаллизацией, осаждением, брожением. Он должен будет, как и в курсах, посвященных механическим ремеслам, начать с общих основ, присущих большому числу химических ремесел, и оставить на конец курса вопросы, относящиеся к тем химическим ремеслам, которые требуют специального, углубленного изучения.

Существует, наконец, большое количество ремесел, которые можно рассматривать, как нечто смешанное, в которых необходимы и механические инструменты, и химические силы; профессора должны сговориться между собой относительно преподавания этих предметов, и, быть может, им придется в некоторых случаях разделить их между собой.

Таким образом, согласно предлагаемому плану, в главных пунктах дистрикта будут существовать три основных типа школ, предназначенных для преподавания механических и химических ремесел; кроме того, будет существовать школа для преподавания обществоведения, политической экономии и коммерческих наук, для которой будет нужен специальный профессор; на него же будет возложено преподавание основных правил грамматики, главным образом французской, рассмотрение совместно с учениками различных вопросов из сферы обществоведения; он же будет учить их ясно и точно излагать свои мысли письменно. Элементарное образование этого рода должно быть дано как мальчикам, так и девочкам, ибо имеется ряд искусств, предназначенных исключительно для девочек, и необходимо поэтому, чтобы им были разъяснены основные принципы этих ремесел. Девочек научат всему, имеющему отношение к шитью, пряже, вязанию, приготовлению пищи, уходу за больными, физическому воспитанию детей; им откроют принципы морали, им дадут некоторые познания по отечественной истории и географии, наконец, им сообщат принципы красоты и разовьют их вкус.

Такие школы должны быть в главных пунктах департамента, одновременно являющихся и главными пунктами округа, но и их недостаточно для широкого народного образования. Существует ряд профессий, которые связаны с результатами всех человеческих знаний, в которых нельзя иметь успеха без углубленного изучения почти всех наук, — таковы мореплавание, кораблестроение, для которых необходимо знание геометрии, астрономии, географии и физики; таковы инженерные науки; таковы медицина и ветеринарное искусство, хирургия, фармация, требующие обширных познаний в области всех физических наук. Все эти профессии необходимы в большом государстве, так как от них зависит сохранение индивидуумов, защита от вторжения неприятеля, безопасность морей и, следовательно, благосостояние торговли и промышленности. Необходимо поэтому, чтобы все элементарные познания, нужные для изучения этих наук,

составляли часть общего плана народного образования, — такова цель создания гимназий и лицеев.

Из таблицы, представляющей различные предметы, которые будут изучаться в этих школах, видно, что составители ее менее заботились о методическом разделении наук и ремесел, чем о сближении между собой различных частей преподавания; они ограничились указанием числа курсов и не установили числа профессоров, потому что трудно определить, какое число курсов можно будет возложить на каждого профессора.

Руководство начальными профессиональными школами будет предоставлено совету, составленному из учителей и учительниц, руководство институтами и лицеями — общему совету профессоров и правлению, выбранному из их числа Национальному. Конвенту надлежит определить функции этих органов и указать те власти, которым они будут подчинены.

Мы рассматривали в предыдущем изложении только воспитание отдельных индивидуумов. Но имеется не менее величественная задача, которая также должна привлечь наше внимание. Это — образование всей нации, взятой в целом, воспитание всего человечества.

Если рассматривать народное образование с этой точки зрения, то вопрос будет заключаться не в том, чтобы распространить сокровища уже полученных знаний между всеми индивидуумами, составляющими нацию, соблюдая равенство и справедливость, — дело заключается в том, чтобы увеличить количество этих знаний для блага человечества, чтобы воздвигнуть большие учреждения, которые своим существованием, самым даже механизмом своей организации будут постоянно содействовать расширению границ наших знаний, которые будут предоставлять промышленности новые средства развития, а нации — продолжительный и все возрастающий перевес во всех торговых сношениях с соседними странами

Не следует думать, что благосостояние государств зависит только от их населенности и изобилия производимых ими предметов, размеров и богатства их территории. Национальное могущество, без сомнения, складывается из этих разнообразных элементов, но это все — лишь материалы, не имеющие цены до тех пор, пока промышленность не пустит их в дело. Но что же такое промышленное?

Она не основывается, как это принято думать, исключительно на работе рук, на употреблении физической силы. Теперь, когда Англия покрыта сетью машин, теперь, когда дороговизна ручного труда заставляет предпочесть рукам человека изобретения механики, заменяющие и экономящие человеческий труд, слово «промышленность» не всегда обозначает утилизацию физических сил или ловкости человека, — оно чаще означает утилизацию умственных способностей.

Итак, когда говорят, что промышленность стоит выше в Англии, чем во Франции, это не значит, что в Англии люди сильнее, активнее и умнее. Хотят лишь сказать, что они лучше умеют экономить свои силы, уменьшать стоимость ручного труда путем распределения работы, заменять машинами руки человека, что они лучше владеют искусством вести большое предприятие.

Наши мысли о развитии промышленности относятся не только к фабрикам и большим коммерческим предприятиям, они имеют в виду главным образом сельское хозяйство, это главное из искусств, — то именно, которое питает человека.

Вовсе не тот земледелец наиболее преуспевает, который физически наиболее силен и ловок; имеет успех тот, кто наиболее сообразителен. Умный человек получит со своего участка земли в два или три раза больше, чем какой-нибудь другой человек с того же участка.

Он не затратит большего количества лошадей и людей, не приложит большей силы, но благодаря умелой обработке земли он ежегодно будет снимать высокий урожай с той же земли, с которой обычный хлебопашец с трудом получает средний урожай.

Успехи, которых может достигнуть земледелие при помощи просвещения, просто неисчислимы: ведь земледелие дает более, чем вся промышленность в целом, или, вернее, только земледелие действительно продуктивно, потому что все другие искусства только изменяют форму, но ничего не прибавляют к существующим ценностям.

Допуская, как это делает Артур Юнг в опубликованном им трактате о сельском хозяйстве во Франции, что урожай во Франции можно увеличить в три раза лучшей культурой земли, мы должны признать, что перед искусством земледелия открывается широкое поле. Сколько новых наслаждений для людей! На сколько миллионов увеличится доход от земледелия! Как возрастает торговля с соседними странами! Какое увеличение силы и могущества!

Однако, если существует искусство экономить силы, упрощать методы, изобретать новые машины, совершенствовать уже существующие, давать новые средства промышленности, то это искусство должно входить в программу народного образования, как и все другие. Способствовать и поощрять его — долг власти; но это искусство существует, и именно оно и носит название «профессии и ремесла».

Таким образом, в этом смысле, ученые и профессионалы являются не просто теми людьми, которые достигли последней ступени знаний в той или другой области; это — те люди, которые, достигнув этого *maximuma*, занимаются дальнейшими изысканиями, чтобы приобщить их к уже имеющимся знаниям.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ
ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
РЕЧИ И ДОКЛАДЫ

Перевод и вступительная статья О. Е. СЫРКИНОЙ

МОСКВА, 1926

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Люди, посвящающие себя великой цели новых открытий, должны быть независимыми, и свободными; их существование поэтому должно быть обеспечено обществом. Ведь всякий, вынужденный работать, чтобы жить, зависит по меньшей мере от обстоятельств, и необходимо, чтобы ученые были по возможности независимы.

Кроме того, совершенно справедливо, что человек, посвящающий все свое время, все свое существование и свой досуг работе на пользу общества, получает от общества плату за свою работу.

Нельзя требовать от этих людей, чтобы они преподавали и обучали других. Следует лишь ожидать изобретений и их опубликования. Но так как открытия редки и являются плодом долгой работы и мучительных размышлений, то открытиями нельзя повелевать, они не могут периодически появляться.

Все изложенное не было бы выполнено, если бы ученые, на которых возложен прогресс человеческих знаний, жили всегда изолированно или если бы они жили только среди людей, занимающихся наукой той же области. Ведь все части наук и искусств связаны, ни одна не сможет идти по пути прогресса в то время, как другая значительно отстает; это — одна армия, имеющая один фронт. К тому же большая часть работ, до сих пор не выполненных в области наук и искусств, — это именно те, которые требуют соединения и содействия нескольких ученых. Правда, математик может работать один над совершенствованием науки о счислении, но каково было бы содержание его науки, если бы астроном и физик не представляли ему постоянно своих опытов и наблюдений, к которым он и применяет свои вычисления? Что представляли бы экспериментальная физика и химия сами по себе, если бы математика не внесла в них своего метода, своей строгости мысли и своего счисления?

Уже было указано, что многие искусства и притом вовсе не наименее важные для блага общества, нуждаются в содействии почти всех наук. Так, мы указывали на искусство мореплавания и военное дело. Можно было указать и многие другие. Поэтому необходимо, чтобы ученые устраивали в известные сроки общие собрания, и пусть это объединение охватит все науки, даже те, которые как будто бы почти не связаны между собой.

Граждане-представители, судьба французской республики в ваших руках! От вас зависит поднять Францию на ту высокую ступень блеска и благосостояния, которой не достигала еще ни одна нация на нашей памяти. Организуйте все части народного образования, оживите искусства, науки, промышленность, торговлю. Посмотрите, с каким жаром все нации, наши соперники, стремятся пополнить при помощи промышленности свои дефекты в силе, народонаселенности и территориальных богатствах. Нация, которая не примет участия в этом общем движении, науки и искусства которой будут в полном застое, вскоре отстанет от соревнующих с нею наций: она потеряет мало-помалу все средства конкуренции; ее торговля, ее сила, ее богатства перейдут в чужие руки, и она сделается добычей всякого, кто пожелает ее покорить. Громадная империя Китая служит нам уроком в этом отношении; там искусства и теперь в том же положении, что и 2000 лет назад, потому что государственный строй поработил там научный гений, потому что государственный строй препятствовал свободе промышленности.

Законодатели, просвещение произвело революцию, пусть оно и послужит защитой свободе. Теперь, когда вы закончите вашу работу, вам остается лишь использовать тот факел, который вы держите в руках, и она будет жить.

Именно в этом смысле и был составлен проект предлагаемого нами декрета.